

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№160/03-04 (5031)
МАРТ – АПРЕЛЬ 2024

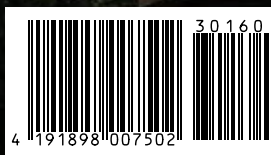
На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

300 лет
со дня рождения
Иммануила
КАНТА

9 770757 223144

4 191898 007502

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ... €5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

ГОРИЗОНТЫ КАНТА

Специфику Истории определяют люди. Раньше у нас в стране об этом говорили: «массы». Безусловно, народные массы нельзя игнорировать. Но немалое значение, если не большее, в формировании лица эпохи играют Личности. Причем именно с большой буквы.

Особое место среди них занимает выдающийся немецкий философ Иммануил Кант, чьи идеи оказали огромное влияние на развитие

философии, этики, метафизики, эстетики и теории познания. В своих трудах он подчеркивал важность не только познания мира через науку и разум, но и следование моральным принципам, которые должны определять действия человека и рассматриваться как безусловные. Именно этому великому мыслителю посвящен специальный выпуск «Русской мысли».

Редакция нашего журнала выражает благодарность за помощь в подготовке материалов, посвященных 300-летию со дня рождения Иммануила Канта, сотрудникам Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта: ректору БФУ им. И. Канта, доктору философских наук, профессору Александру Федорову; доктору философских наук, директору Высшей школы философии, истории и социальных наук БФУ им. И. Канта Роману Светлову; кандидату философских наук, доценту БФУ им. И. Канта Сергею Луговому.

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№160/03–04(5031)
МАРТ – АПРЕЛЬ 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
crp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

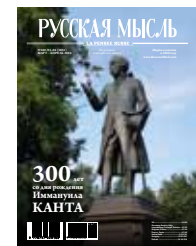
ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
47 avenue Hoche, 75008, Paris, France

ОБЛОЖКА:
Памятник И. Канту в Калининграде

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:
historyrussia.org, bigenc.ru/c/srazhenie-pri-sedane,
citater.ru, culture.ru, vehi.net/zph/ikant.htm,
history.kantiana.ru, wikireading.ru, wikipedia.org,
wikimedia.org, wikimedia.org/wiki/wikipedia/commons

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 11 000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 ПЛАНЕТА ПО ИМЕНИ
КАНТ

Иммануил Кант по праву считается самой знаменитой личностью Кенигсберга, сегодняшнего российского Калининграда.

ЮБИЛЕЙ

12 К 300-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИММАНУИЛА КАНТА

Соединение одаренности с сильным характером, с постоянным трудом дает то, что называют гениальностью, – именно семейное воспитание, полученное Иммануилом Кантом, стало фундаментом личности философа.

22 ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗУМ
И ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС
В МОРАЛИ

Иммануил Кант: «Осуществление высшего блага в мире есть необходимый объект воли, определяемый моральным законом».

26 ПАРАДОКСЫ
КАНТА

Одна из самых универсальных философских систем создана человеком, который не стремился увидеть мир своими глазами.

34 МЕТАФИЗИКА
КАНТА

Иммануил Кант: «Гений – это врожденная способность души (*ingenium*), посредством которой природа дает искусству правила».

40 О СУДЬБЕ ОДНОГО
ПОРТРЕТА

История русского философа-кантианца и подаренного ему портрета Иммануила Канта.

42 «ДАЙТЕ МНЕ МАТЕРИЮ,
И Я ПОКАЖУ, КАК
ИЗ НЕЕ ДОЛЖЕН ВОЗНИКНУТЬ МИР»

Почти все направления современной философии так или иначе восходят к Иммануилу Канту.

48 ГАМАН И КАНТ

По мысли Канта, человек – «единственное разумное существо на земле» – имеет задатки, полное развитие которых должно привести его к совершенству разумности.

53 ИЗРЕЧЕНИЯ
ИММАНУИЛА КАНТА

Правила счастья по Канту: «Что-то делать, кого-то любить, на что-то надеяться».

54 ИСТИНА, ДОБРО
И КРАСОТА

Фрагменты из книги Арсения ГУЛЫГИ (1921–1996) «Кант», вышедшей в 2005 году в серии «Жизнь замечательных людей», любезно предоставлены издательством «Молодая гвардия».

64 БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ИММАНУИЛА КАНТА

С 22 по 25 апреля Калининград станет местом, где развернется настоящий праздник философии.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК68 ЛИКИ ВЕЛИКОГО ПОС-
ТА: МОМЕНТЫ СВЯ-
ЩЕННОГО ВРЕМЕНИ

Подготовительные воскресенья – это вехи на пути вступления в Великий пост.

ИСТОРИЯ

74 РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ
И ЕВРОПЕЙСКАЯ
ПОЛИТИКА БИСМАРКА

После Франко-прусской войны 1870–1871 годов не только у границ Франции, но и у границ России возникла мощная держава – Германская империя.

84 ЕКАТЕРИНА I

340 лет назад, 5 апреля 1684 года, родилась Марта Скаврнская, которой суждено было стать первой русской императрицей.

ОЧЕРК

86 ВОССТАВШИЙ ПРОТИВ
«ДУХА НЕБЫТИЯ»

150 лет со дня рождения Николая Бердяева, выдающегося философа XX века, представителя русского экзистенциализма и персонализма.

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ94 КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ
ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье (*продолжение*).

ЛИТЕРАТУРА

98 ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
СУДЬБА АЛЕКСАНДРА
БЕЛЯЕВА

К 140-летию со дня рождения Александра Беляева, одного из основоположников советской научно-фантастической литературы.

102 ПО КОМ ЗВОНИТ
«КОЛОКОЛ»
В НИЦЦЕ

Окончание главы из книги «Истории из пропавшего чемодана» (начало в № 159/01–02).

СОБЫТИЯ
И ИНФОРМАЦИЯ110 ВТОРОЙ КОНГРЕСС
МЕЖДУНАРОДНОГО
ДВИЖЕНИЯ
РУСОФИЛОВФИЛОСОФИЯ
БУДУЩЕГО

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ПЛАНЕТА ПО ИМЕНИ КАНТ

Иммануил Кант по праву считается самой знаменитой личностью Кенигсберга, сегодняшнего российского Калининграда

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ,
главный редактор

Портрет Иммануила Канта. Работа неизвестного художника. 1790

Все войны начинаются абсурдно и, учитывая невосполнимые людские потери и массовые разрушения, кончаются, как правило, страшно. А многие войны – еще и бесславно. Семилетняя война – не исключение, она из этого разряда. Историки порой называют ее «нулевой Мировой». И в этом есть весомая доля правды: ареной ожесточенных сражений были Канада

и Индия, Карибский бассейн и Филиппины... И прежде всего – Европа: Силезия, Саксония, Восточная Пруссия... Иными словами – Центральная Европа. То есть к рубежам России они, казалось бы, прямого касательства не имели. И тем не менее именно Россия, для которой это был самый крупный военный конфликт с эпохи петровской Северной войны, стала одним из главных

действующих лиц многолетней битвы за передел международных сфер влияния, стоившей человечеству около двух миллионов жертв и определившей географию мира вплоть до грабительских наполеоновских войн.

Нельзя не сказать, что по весьма субъективным причинам Россия в итоге оказалась в стороне от подсчета победных баллов Семилетней войны. Но, во всяком случае, один положительный факт в этом, признаем, несколько сумбурном историческом испытании был: подданным России стал один из самых великих сынов человечества – Иммануил Кант.

Король, бонвиван и русский шотландец

Началась же «нулевая Мировая» вполне банально: как очередной спор в середине пятидесятих годов XVIII столетия между «лоскутной», многонациональной империей австрийских Габсбургов и возникшей всего за полвека до этого монолитной Пруссией, выросшей в значительной степени на месте рыцарских владений почившего в Бозе Тевтонского ордена.

Столицей молодого королевства, образовавшегося как самое крупное и влиятельное немецкое государство, стал Берлин, главный центр исторического Бранденбурга. Однако вторым по размерам и по своему стратегическому значению городом династии Гогенцоллернов, правившей в стране, был

Кенигсберг. Оплот германского рыцарства на берегах Балтийского моря. Ганзейский город купцов и ремесленников. Жемчужина воензированной, бюргерской, амбициозной Пруссии («вылупившейся из пушечного ядра», по точной формулировке Наполеона Бонапарта), агрессивной Пруссии, которая, впрочем, иной и быть не могла, учитывая специфику такого взрывного, неумного персонажа, как король Фридрих II. Он, в ту пору еще не превращенный верноподданными и их потомками во Фридриха Великого, вовсю рвался доказать свои стратегические и тактические таланты на полях сражений, которые сам непрестанно и затевал.

В так называемых Силезских войнах, начатых Пруссией в наследственном споре с державой Габсбургов и шедших в 1740–1742 и 1744–1745 годах, Фридриху II удалось отторгнуть от Австрии значительные территории Силезии, густонаселенного, богатого ископаемыми и индустриально развитого края. И вообще, за годы своего правления Фридрих II увеличил территорию Пруссии едва ли не вдвое и уже в пятидесятые годы превратил свое государство с его вымущтрованной армией в одного из глобальных игроков на континенте. При том «концерте наций», который уже сложился после разрушительной общеевропейской религиозной Тридцатилетней войны середины XVIII века, многих в Европе это, естественно, не устраивало.

Король Фридрих это прекрасно осознавал. Он готов был защищать завоеванные им ранее территории и предпочитал действовать так, как ранее всегда поступал: атаковал первым! И не только на поле брани.

Фридрих начал с того, что потомки назовут потом «дипломатической революцией»: попытался поломать союзы, установившиеся между государствами Европы в постпетровский период.

И первым делом, учитывая враждебные отношения Пруссии с Австрией и натянутые – с Францией, постарался сделать все, чтобы отстранить Англию от России. Действовал по классическому римскому принципу: «разделяй и властвуй». Рассчитывал, как удержать Санкт-Петербург от участия в военных действиях в случае нападения Пруссии на одну из соседних с нею стран, так и использовать в войне с Веней британские субсидии.

Хитроумный монарх сам себя обманул: Фридрих, имевший своих клеветников при многих высоких дворах Европы, не был в курсе, что еще в 1746 году Австрия и Россия подписали секретный договор, направленный на совместные действия против Пруссии. И главное, что сие практически означало, – это участие русской армии в случае начала пруссаками войны с Габсбургами.

В августе 1756 года Фридрих вторгся в Саксонию. Победить небольшое княжество особого труда не составляло, и Пруссия получила помимо дополнительных материальных ресурсов отменную позицию для атаки на Богемию, вотчину австрийцев. И года не прошло, как пруссаки ее атаковали. Прага оказалась осажденной. Однако под городом Колин, что на берегу Лабы (по-немецки – Эльбы), армия австрийцев, значительно превышающая по численности прусское войско, выбила его из Богемии и Силезии. Отступление пруссаков происходило так стремительно, что австрийская кавалерия даже вошла в Берлин. Но этот триумф оказался для австрийцев настолько неожиданным, что они сами не поверили в свою победу и ушли восвояси из прусской столицы...

Впрочем, самого Фридриха на восточном фронте не было, он в это время сражался на западе с французами и их союзниками. И, надо сказать, весьма успешно. 5 декабря у немецкого селения

Лейтен 32-тысячная армия прусского короля разгромила 80-тысячную армию под командованием австрийского принца Карла Александра Лотарингского. Разбил Фридрих и ганноверскую армию (немецкий Ганновер состоял тогда в составе Английского королевства).

И тут вступил в действие сокрушительный «русский паровой каток», как позднее скажут на Западе об армии России в годы Первой мировой войны.

В пределы Восточной Пруссии вошли войска под руководством фельдмаршала Степана Апраксина. Летом 1757 года русские при поддержке Балтийского флота взяли Мемель, нынешнюю Клайпеду в Литве, а 30 августа у селения Гросс-Егерсдорф, что в окрестностях сегодняшнего Черняховска Калининградской области, наголову разгромили за пять часов вдвое меньшую по численности прусскую армию под командованием генерала фон Левальда. Русская армия могла бы развить успех и пойти на Кенигсберг, вместо этого она сначала стояла неделю в лагере, а затем – невероятно! – принялась отступать в Курляндию. Пруссаки же сумели оправиться от шока оглушительного проигрыша и бросились преследовать части Апраксина до полного их выдавливания за пределы Восточной Пруссии.

Сам фельдмаршал – большой, толстый и полнокровный гурман и бонвиван, возивший в походах повсюду с собой коллекцию золоченых мундиров и целую команду поваров, – объяснял такой афронт голодом в армии и недостатком провизии в местностях, занимаемых его солдатами. Но, вероятнее всего, причина потерь была более сложной. Интриган Степан Апраксин, человек чванливый, избалованный и небольшого ума, не отличался решительностью. А тут еще он узнал, что в Санкт-Петербурге идут дворцовые игры

Портрет короля Пруссии Фридриха II кисти Вильгельма Кампхаузена. 1870

вокруг потенциального наследия заболевшей императрицы Елизаветы Петровны. По одной версии, Апраксин получил депешу от своего благодетеля канцлера Алексея Бестужева-Рюмина, который приказал русским отступить – в угоду великому князю Петру Федоровичу, кумиром которого был Фридрих Великий. По другой – воспользовавшись болезнью императрицы, Бестужев-Рюмин, откровенно

ненавидимый Петром Федоровичем, задумал привести к власти наследника Павла Петровича при опекунстве его матери, будущей Екатерины Великой. А посему и срочно нуждался в войске Апраксина в Санкт-Петербурге...

Все эти интриги оказались тщетными – императрица Елизавета Петровна благополучно выздоровела и приступила к наведению порядка в своем дворцовом хозяйстве.

Апраксин за самовольство – не за бездарность, а за близорукий волюнтаризм! – был снят с должности и отдан под суд, а командующим русской армией был назначен Виллим Фермор, ранее служивший под началом Апраксина и, по сути, обеспечивавший ему все победы. Этот генерал-аншеф, к сожалению, относится к разряду тех выдающихся российских полководцев, которые при жизни не были обделены славой, но оказались едва ли не вычеркнутыми из памяти потомков. На самом деле именно Фермор, выходец из знатного шотландского рода военных, служивших верой и правдой Российской империи, взял Мемель и обеспечил своими решительными действиями победу при Гросс-Егерсдорфе. По словам Ивана Долгорукова, известного российского государственного деятеля, Виллим Виллимович,

«отличный полководец, ученый артиллерист и инженер, мужественный воин, был уважаем за бескорыстие и благородство души своей».

Под руководством Фермора в 1758 году русская армия быстро возвратила себе ранее оставленные ею территории, более того – после недолгой осады триумфально заняла столицу Восточной Пруссии, Кенигсберг. Фермор успешно противостоял Фридриху II и в сражении

при Цорндорфе (теперь эта польская деревушка носит название Сарбиново). Эта кровопролитная битва, в которой погибли с обеих сторон 27 тысяч солдат и офицеров, принесла Фермору орден Святого Андрея Первозванного и Святой Анны и дарованное императрицей звание «первого полководца века».

Увы, российские победы закончились при Петре III, который был ярым поклонником Фридриха II. Весной 1762 года новый российский император заключил бесславный мир между Россией и Пруссией и добровольно возвратил Пруссии территорию, которую занимали русские войска. Таким образом все жертвы России на полях брани оказались напрасными.

Однако разговор сейчас пойдет не о позабытом неблагодарными потомками батальном гении и не о нервическом, с трудом говорящем по-русски императоре, которого через полгода правления в Санкт-Петербурге свергнут, а о славном городе, чьи символические ключи бургомистр торжественно принес на подносе с золотой каемочкой покрытому шрамами русскому полководцу – о Кенигсберге. А точнее – о самом удивительном из его жителей.

Первый из первых

История Кенигсберга, возникшего на месте прусского (прусы – народ балтийской языковой группы, практически полностью уничтоженный немцами) поселения Твангсте и насчитывающего к середине XVIII века более семи столетий существования, богата событиями и героями. Это мореходы, торговцы, завоеватели... Однако никто из них не известен и не почитаем в мире так, как человек абсолютно мирный, гражданский, штатский, можно сказать, непрактический человек. Не генерал, не строитель

и не инженер, а философ. Да, именно он, Иммануил Кант, по праву считается самой знаменитой личностью Кенигсберга, сегодня не его российского Калининграда. Центральный мыслитель эпохи Просвещения, одна из самых влиятельных фигур в западной философии Нового времени, автор всесторонних работ в области эпистемологии, метафизики, этики, эстетики, астрономии, истории... Всего и не перечислить!

Иммануил Кант родился в Кенигсберге, откуда никуда никогда не выезжал, 9 апреля (22 апреля по новому стилю) 1724 года. Последующим поколениям было предоставлено три столетия для осознания его величия. И он с лихвой оправдал данное ему родителями и лютеранским пастором имя (на древнееврейском Иммануил означает «с нами Бог»), это имя ассоциируется с Мессией). Кант, и правда, стал истинным Мессией смелой, свободной, доподлинно космической мысли. «Не мыслям надобно учить, а мыслить», – внушал ученикам он. «Смерть догмы – это рождение реальности», – поучал он. «Тот, кто становится пресмыкающимся червем, может ли затем жаловаться, что его раздавили?» – обращался он к современникам. Он вселял в людей веру в жизнь: «Один, глядя в лужу, видит в ней грязь, а другой – отражающиеся

Генерал Виллим Фермор. Портрет работы А. П. Антропова. 1765

в ней звезды». И конечно же: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Его работы совершенно современны, безвременны и универсальны. Как драгоценный бриллиант, они с годами не теряют блеска: «К вечному миру: Философский проект», «Всеобщая естественная история», «Критика практического разума», «Религия в пределах только разума», «Метафизика нравов»... Цитаты из трудов Канта, его не стареющие афоризмы мы не единожды еще будем воспроизводить в этом номере «Русской мысли». Ибо Иммануил Кант – это планетарная глубина мысли, высокая христианская мораль и неограниченный полет фантазии:

Кенигсбергский университет на открытке XIX века

«Прекрасно то, что нравится независимо от смысла». Или: «Злой человек не может быть счастливым, ибо, оставаясь наедине с собой, он остается наедине со злодеем».

Говорить об этом гиганте мысли можно бесконечно. Философия его современна, потому что оптимистична и проникнута верой в человека. Она представляет собой прорыв к иному – духовному – миру.

Подъем к идеальной истине, единственной и неповторимой. Впрочем, я вовсе не профессиональный философ, а просто журналист. Поэтому, определяя главную тему этого выпуска, я исхожу из того, что рассказывать о различных, самых многообразных ипостасях жизни и творчества Канта лучше специалистам. У нас на эти темы будут выступать ученые, в основном

исследователи из того самого Кенигсбергского университета, в котором некогда трудился великий философ. Сегодня прославленная *alma mater* – Балтийский федеральный университет (БФУ) в Калининграде, российском Кенигсберге, – носит имя Иммануила Канта.

«К 300-летию Иммануила Канта Калининград станет мировым центром историй идей», – сказал

ректор БФУ имени И. Канта Александр Федоров (сам, кстати, философ и историк).

История же, как известно, далеко не всегда подводит землян к правильным, разумным идеям. Не случайно вопросов у нас к нынешним кантианцам много. Каким должен быть тип критического мышления у человека XXI века? Способна ли кантовская космогония помочь нам познать строение Вселенной?

Применимо ли философское наследие Канта в контексте острых вызовов современности – от глобального потепления до напряженности в международных отношениях? Разве обязательно летать на межпланетной ракете, чтобы рассуждать о космосе?.. Знатокам – земные звездные карты в руки! Мне же хочется обратить внимание читателей на другое. Отдавая должное памяти великого мыслителя, мы, россияне, вполне воспринимаем его как нашего соотечественника. И это не фигура речи, а сущая правда, основанная на неопровержимых фактах.

Ведь с января 1758 года по июль 1762 года – четыре года – Восточная Пруссия входила в состав Российской империи. Все сословия Кенигсберга и его окраин присягнули тогда на верность российской короне. В январе 1758 года вместе с преподавателями и студентами сделал это и Иммануил Кант, профессор университета, дважды бывший его ректором. Россияне, предоставившие свободу веры и торговли местным жителям, открыли им доступ на русскую службу. И Кант, можно сказать, лицо официальное, этим воспользовался – остался преподавать, взяв к себе в дополнение к немецким еще и русских учащихся.

Существует исторический анекдот, что как раз после затянувшегося застольного общения с русскими офицерами Кант написал свой трактат «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога». Почему бы и нет? Во всяком случае, русская Восточная Пруссия состоялась. В Санкт-Петербурге начали чеканить монету с изображением императрицы Елизаветы и латинской надписью: *Elisabeth rex Prussiae* – Елизавета, королева Пруссии. Русские открывали православные соборы и монастыри и не скрывали, что намерены обосноваться в Восточной

Пруссии надолго и прочно. Если не навсегда...

Однако 5 января 1762 года Господь отвел взгляд от России: умерла Елизавета Петровна, на престол вззошел пруссецкий Петр III, урожденный Карл Петер Ульрих, первый представитель Гольштейн-Готторпской династии на российском троне. Остальное известно... И полгода не прошло, как кенигсбергская городская газета уже вышла, увенчанная на первой полосе прусским гербом. Характерная деталь: король Фридрих II, который вынужден был признаться: «Русских легче перебить, чем победить», – никогда больше в Кенигсберге не бывал, считал жителей Восточной Пруссии предателями. Не без причин, наверное. Тем более, что Кант призывал род людской «жить своим умом», что актуально на все времена. А это значит, что любая страна обязана руководствоваться своими национальными интересами, именно исходя из этого она может вырабатывать свою международную позицию.

Да, Иммануил Кант опять стал немцем, но, как утверждают историки, он никогда не отказывался от российского подданства. И сегодня могила философа находится на территории России. Так что 300-летие великого, фундаментального мыслителя – это в полной мере наш национальный праздник. И главной площадкой мероприятия станет университет, носящий имя Иммануила Канта. Не зря Александр Федоров назвал чествование замечательного мыслителя, сопровождаемое Международным Кантовским конгрессом и Философской олимпиадой, «чемпионатом мира по философии».

В этом утонченном интеллектуальном состязании абсолютный победитель уже давно определен. Причем на все времена. Имя ему – Иммануил Кант.

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА

Соединение одаренности с сильным характером, с постоянным трудом дает то, что называют гениальностью, — именно семейное воспитание, полученное Иммануилом Кантом, стало фундаментом личности философа

ИРИНА КУЗНЕЦОВА,

доктор философских наук, профессор Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта

Роль семьи в становлении Иммануила Канта

Хорошо известно и часто цитируемо высказывание Антуана де Сент-Экзюпери о том, что все мы родом из детства. Обращение к истории жизни Иммануила Канта подтверждает эту мысль. Более того, рассмотрение биографических страниц, касающихся детства великого философа, имеет существенное значение для современных родителей, для педагогики в целом. Кроме того, принципы воспитания в семье Иммануила Канта полезно сравнить с тем воспитанием, которое на протяжении многих столетий осуществлялось в русских семьях. Это сопоставление, возможно, поможет выявить общие черты воспитательного воздействия, важные для становления личности.

Иммануил Кант родился 22 апреля 1724 года. Его отец Иоганн Георг Кант радость по поводу появления на свет своего четвертого ребенка выразил записью в домашней книге-дневнике: «22 апреля, в субботу в 5 часов утра мой сын Эммануэль пришел в этот мир. Господи, даруй ему благодать до самого блаженного конца его жизни. Да будет с ним благословение Иисуса Христа!»

Семья не была богатой. Она принадлежала к сословию ремесленников. Иоганн Георг Кант (1683–1746), был шорником, т.е. делал упряжь для лошадей. В 1715 году он женился на Анне Регине Рейтер (1697–1737), чьи родители принадлежали к тому же сословию. Супруги воспитывали шестерых детей — четырех дочек и двух сыновей. Разница в возрасте мальчиков составляла одиннадцать лет. Иммануил был старшим из братьев.

Вспоминая о своем детстве, ставший уже известным Кант подчеркивал, что он ни разу не слышал и не видел в родительском доме ничего несправедливого или безнравственного, никогда его родители не употребляли грубых слов. Атмосфера доброжелательности, отсутствие грубости в семье, без всяких сомнений, способствовали тому, что дети искренне любили и уважали родителей, по-доброму относились друг к другу.

Обстановка доброжелательности и любви в доме простого кенигсбергского ремесленника, коим был Иоганн Георг Кант, оказывала благотворное влияние на характеры детей: дети росли спокойными, доброжелательными, правдивыми, поскольку не боялись несправедливого наказания. У них

сформировалось чувство собственного достоинства.

При крещении будущий великий философ получил имя Эммануэль, поскольку крестили его в день святого Эммануэля, особенно почитаемого в Восточной Пруссии. Позже, будучи учеником Фридрихс-коллегиума, Кант сменил имя на Иммануил, что означает по-древнееврейски «С нами Бог». Таким образом, еще мальчиком Кант подчеркнул свою религиозность, приверженность христианству.

Иммануил был астенического телосложения, хрупким и физически слабым мальчиком. Анна Регина приложила немало сил, чтобы укрепить его здоровье. Она старалась физическими упражнениями, длительными прогулками закалить сына, прививала ему гигиенические навыки. Анна Регина внушила сыну мысль о важности строгого режима питания, распорядка дня для поддержания здоровья.

Став взрослым, Кант подсчитал, что для того, чтобы выполнить все намеченное в научных исследованиях, он должен прожить семьдесят лет. Помня слова матери о значении здорового режима, он после ряда экспериментов выработал себе такой распорядок дня, благодаря которому он сохранил крепкое

здоровье и бодрость до глубокой старости. Прожил он 80 лет.

Удивительно, но режим Канта напоминает предлагаемое многими современными врачами-диетологами так называемое интервальное голодание. В основе этого способа укрепления здоровья и продолжительности жизни лежит представление о том, что между последним и первым в сутки приемом пищи должно пройти от 12 до 16 часов. Кант завершал свой плотный обед не ранее 15 часов пополудни и больше ничего не ел до следующего дня, когда, встав с постели в 5 часов утра, выпивал чашку некрепкого чая или кофе. Так что проходило без пищи больше 14 часов. По современным представлениям именно такой интервал между поступлениями в организм питания не о б х о д и м , чтобы аутофаги («аутофагия» в переводе с греческого — «самопоедание», — естественный

процесс самоочистки, уничтожения и переработки внутренних компонентов клеток живых организмов. — Прим. ред.) переработали не усвоенные организмом вещества, а заодно уничтожили вирусы и бактерии.

Строгий распорядок дня способствовал тому, что Кант и в преклонном возрасте не болел, имел здоровый цвет лица и отличался бодростью духа. Но, по-видимому, важнейшим фактором хорошего самочувствия философа явилось то, что он занимался любимым делом,

Портрет Иммануила Канта работы Иоганна Готлиба Беккера. 1768

не терял свойственной ему с ранних лет любознательности, а его доброжелательное отношение к окружающим возвращалось к нему уважением, доверием, благодарностью его студентов и друзей, что в свою

очередь рождало в душе мыслителя чувство радости, полноты бытия.

Но продолжим рассмотрение детства Канта. Семья была большой, поэтому вести хозяйство было нелегко. Накормить, обстирать все семейство, навести порядок в доме... Однако матушка будущего философа, несмотря на большую занятость, находила время для прогулок с детьми вдоль реки Прегель, которую было видно из окон их небольшого дома. Гуляли они и по Философской дамбе, которая представляла собой насыпь с пешеходной дорожкой среди заливных лугов. В современном Калининграде там проходит улица Эльблонгская.

Во время этих прогулок Анна Регина рассказывала о растениях и птицах, которых они наблюдали. Она воспитывала в детях интерес к окружающему миру, бережное отношение ко всем Божьим творениям. По вечерам

вместе с матерью дети смотрели на звездное небо, замирая перед величием Вселенной. Анна Регина читала детям Евангелие, разъясняла им значение Христовых заповедей, а тем самым наставляла их

Кант не любил обедать один — у него всегда бывали гости. Работа Эмиля Дорстлинга. 1893

в поведении и поступках. Совместное чтение и беседы положили начало формированию нравственности детей.

Интересно отметить, что наш замечательный историк Василий Ключевский, рассказывая о воспитании, которое было характерно для русского народа, писал, что «весь мир Божий сводился под домашний кров, и дом становился малым образом Вселенной: может быть, поэтому на потолке древнерусского зажиточного дома иногда и рисовали небесные светила, планетную систему, круги и беги небесные, как говорили древнерусские астрономы». Русские дети получали начальные представления о Вселенной от родителей и на природе, и под крышей дома. Это определяло в дальнейшей их жизни универсальность знаний и деятельности. Эту особенность русских крестьян позже отметит Кант.

Анна Регина много работала, стараясь создать уют, добрую атмосферу в семье. Но силы человеческие не бесконечны, она не перенесла инфекционного заболевания и рано ушла из жизни. Иммануилу тогда не исполнилось и четырнадцати лет, но влияние матери было столь велико, что он испытывал его всю жизнь, о чем на склоне лет, будучи известным философом, написал: «Никогда не забуду своей матери. Она взлелеяла во мне первые ростки добра, она открыла мое сердце впечатлениям природы, она пробудила и расширила мои представления, и ее поучения оказывали постоянное спасительное воздействие на мою жизнь».

Отец Иммануила, Иоганн Георг Кант, много трудился. Его честность и добросовестность принесли ему уважение товарищей по цеху шорников. Именно в доме Иоганна Георга Канта собирались

шорники для обсуждения важных дел. Одно из таких обсуждений было связано с неприятной для ремесленного цеха шорников историей. Кожевники продали шорникам практически гнилую кожу, и шорники претерпели большие убытки из-за этого. Мастера собрались в доме Канта, чтобы обсудить сложившееся положение. Иоганн Георг Кант, которого весьма уважали товарищи, произнес слова, запомнившиеся его старшему сыну. «Мы не будем мстить, — сказал Иоганн Георг. — У нас есть руки и мастерство. Своим трудом мы восстановим благосостояние». Мысль о том, что именно труд составляет основу благосостояния, Иммануил Кант запомнил на всю жизнь. И принял утверждение о недопустимости мести.

Именно пример, который подавали детям Анна Регина и Иоганн Георг Кант, определил нравственный

облик их детей. На исключительное значение поведения родителей обращалось внимание и в русской народной педагогике, что выделил Василий Ключевский: «Ребенок должен был воспитываться не столько уроками, которые он слушал, сколько тою нравственною атмосферой, которою он дышал. Это было не пятичасовое, а ежеминутное действие, посредством которого дитя впитывало в себя сведения, взгляды, чувства, привычки. Как бы ни была неподатлива природа питомца, эта непрерывно капающая капля способна была продолбить какой угодно педагогический камень».

Родители Иммануила Канта были религиозны. Они были пиетистами. Пиетизм (благочестие) — это направление протестантизма, которое не признает внешнюю церковную обрядность, но требует глубокой искренней веры и постоянного морального совершенствования. Кант дал такое определение пиетизма: «Пусть говорят о пиетизме что угодно, но люди, относившиеся к нему серьезно, показали себя с самой лучшей стороны. Они обладали благородными человеческими качествами — спокойствием, веселым нравом, внутренним миром, который не нарушала никакая страсть. Они не боялись ни нужды, ни гонений, никакая распря не могла привести их в состояние враждебности и гнева».

Иммануил Кант тоже стал искренне верующим человеком. Он глубоко прочувствовал мысль о необходимости постоянного внутреннего морального совершенствования, сделав эту мысль одной из ведущих в своей теории нравственности.

Обратим внимание: поощряя пылкость сына, поддерживая, развивая его любознательность, Анна Регина пробудила и укрепила не только его интерес к познанию. Она помогла проявиться его одаренности, способствовала

формированию важнейших нравственных устоев, определяющих характер личности. Уважение к труду и умение добросовестно трудиться Иммануил получил от своих родителей. А соединение одаренности с сильным характером, с постоянным трудом дает то, что называют гениальностью. Именно семейное воспитание, полученное Иммануилом Кантом, стало фундаментом личности философа.

Неподалеку от дома родителей Канта, возле госпиталя св. Георгия, примерно там, где сейчас находится Морской колледж, располагалась начальная школа, которую стал посещать Иммануил Кант. Она называлась Форштадтская госпитальная школа. В нее он пошел в пятилетнем возрасте. Там его научили читать, писать, заложили основы арифметики. Для многих детей того же социального происхождения, что и Иммануил Кант, этих знаний, по мнению их родителей, было достаточно. Однако Иоганн Георг Кант и его супруга полагали, что их сыновья должны получить хорошее образование. Сначала особое внимание уделили старшему — Иммануилу.

Лучшее учебное заведение, выпускники которого, как правило, поступали в университет, носило название Фридрихс-коллегиум. Его директором был пастор Франц Шульц, человек очень образованный, ученик Христиана Вольфа, который, в свою очередь, был учеником великого ученого Готфрида Вильгельма Лейбница. Стоит отметить, что учеником Вольфа, причем одним из тех, на кого ученый возлагал особые надежды, был наш Михаил Васильевич Ломоносов. Позже, в университете, Кант учился у еще одного ученика Вольфа — профессора Мартина Кнутцена. Так что можно даже говорить об особой атмосфере эпохи, в которой соединялись интеллектуальные движения и достижения

людей, принадлежащих разным народам, разным культурам. Так вот, пастор Шульц возглавлял пиетистское движение в Восточной Пруссии, пользовался доверием короля Фридриха Вильгельма I и был, что очень важно для судьбы Канта, духовником Анны Регины, а после ее смерти духовником отца — Иоганна Георга Канта. Франц Шульц, директор Фридрихс-коллегиума и одновременно профессор Кенигсбергского университета, взял Иммануила в лучшее учебное заведение Кенигсберга.

Большое внимание в этой школе уделялось религиозному воспитанию. Помимо этого Иммануил Кант со своей матерью посещал так называемые молитвенные часы Франца Шульца, во время которых пастор выступал с впечатляющими проповедями, что дало Канту хорошее знание библейских текстов. В дальнейшем эти знания стали основой для размышлений философа о сущности религии, о ее соотношении с нравственностью.

Большое значение для морального и религиозного воспитания прихожан Шульца имело убеждение пастора в том, что вера без добрых дел мертва. И он лично творил добрые дела. Например, к Рождеству он дарил той или иной семье мешок картофеля или капусты. Семье Канта он обычно посылал повозку дров, желая тем самым тепла в доме. Эти поступки оказывали немалое моральное воздействие на прихожан Шульца.

Стоит напомнить, что в Русском мире с древности укрепилось убеждение в том, что главной заботой человека являются добрые дела. Об этом напоминал своим детям Владимир Мономах в своем «Повучении», это делал былинный Садко — реальный новгородский купец Сатинич, построивший Борисоглебскую церковь в Новгородском кремле. Делать добро, делиться богатством с обществом

Фридрихс-коллегиум

было принято в нашем народе испокон веков.

Эти культурные ценностные пересечения являются основой плодотворного диалога культур, в котором ни одна не поглощается другой, но обе усиливают свои самые привлекательные стороны.

В школе Кант подружился с Давидом Рунке, будущим знаменитым филологом. Именно Рунке, происходивший из состоятельной семьи, приобретал книги, которые читали друзья. Эта дружба продолжалась и в зрелые годы, когда Рунке жил в Голландии, был профессором-латинистом. Рунке неоднократно просил Канта писать свои труды по-латыни, чтобы все ученые Европы, не знающие немецкого языка, могли их изучать. И Кант прислушался к совету друга: он издавал свои работы одновременно на немецком и латинском языках. Возможно, что не только общение с Рунке, но и желание сохранить установившиеся академические каноны руководили философом. В то же время Кант вполне уяснил необходимость формирования немецкого научного языка и включился в этот процесс.

Еще одним другом Канта во время обучения в Фридрихс-коллегиуме стал Мартин Кунде, который, как и Кант, происходил

из семьи ремесленников. Он был способным учеником, и Шульц приложил усилия, чтобы и его так же, как и Иммануила Канта, приняли в Кенигсбергский университет. При этом Шульц указал сенату университета на норму, прописанную в Уставе университета его основателем герцогом Альбрехтом. Эта норма гласила, что те молодые люди из бедных семей, которые своими дарованиями обещают принести государству большую пользу, пусть учатся бесплатно. Однако в дальнейшем Кунде не смог подняться выше маленькой чиновничьей должности. Это тот случай, который выразительно демонстрирует значение характера для жизненной стратегии, для понимания путей формирования личности. Именно выработанный семейным воспитанием характер дал возможность Канту преодолеть многие преграды, а Кунде, тоже одаренный человек, но не обладавший целеустремленностью, твердостью характера, остался практически на той же ступени социальной лестницы, на которой находились его родители.

В 1740 году детство Иммануила окончилось. Он стал студентом Кенигсбергского университета и ушел из родительского дома, чтобы снять финансовую нагрузку

с отца, на руках которого оставались другие дети, а также престарелые родители Анны Регины, заботу о которых Иоганн Георг Кант взял на себя. Иммануил снял каморку и уроками латинского языка стал зарабатывать себе на жизнь. В университете он учился бесплатно, благодаря предусмотрительности герцога Альбрехта, который понимал, что и в бедных семьях рождаются умные и одаренные дети, и благодаря пастору Шульцу, вовремя вспомнившему о введенной герцогом Альбрехтом филантропической статье университета. Иммануил Кант понимал, что теперь только от него зависит, как он распорядится уроками, полученными от родителей, возлагавших надежду на его разум и доброе сердце.

Какие лекции читал Иммануил Кант русским офицерам?

22 января 1758 года русские войска без боя, под звон колоколов, грохот барабанов и торжественную мелодию фанфар вошли в Кенигсберг. Их вел генерал-аншеф граф Виллим Виллимович Фермор, ставший первым русским генерал-губернатором Восточной Пруссии. Очевидец этого события А. Т. Болотов описал его так: «Въезд его в сей город был пышный и великолепный. Все улицы, окна и кровли домов усеяны были бесчисленным множеством народа. Стечение оно было превеликое, ибо все жадничали видеть наши войска и самого командира, а как присовокуплялся к тому и звон в колокола во всем городе, и играние на всех башнях и колокольнях в трубы и литавры, продолжавшееся во все время шествия, то все сие придавало оному еще более пышности и великолепия».

Конечно, для русских людей столь пышная встреча неприятеля была зрелищем преудивительным

и непонятным. И дальнейшие события тоже были не в русских традициях. 24 января жители города присягнули на верность императрице Елизавете Петровне. Вместе с преподавателями и студентами Кенигсбергского университета в Кафедральном соборе, который с 1560 года стал университетской церковью, принес присягу Иммануил Кант.

Забегая вперед отметим, что, когда Восточная Пруссия вернулась под власть Фридриха II, король наложил большой штраф на жителей за принесенную ими присягу русской императрице. Жители Кенигсберга деньги собрали и для выражения верноподданнических чувств организовали присягу Фридриху II. Кант в этом не участвовал, поскольку, по его мнению, присягу приносят один раз. Так что формально философ остался российским подданным.

В марте 1758 года генерал-аншеф Фермор покинул Кенигсберг и отправился на театр военных действий вне новой российской территории. Новым губернатором был назначен барон Николай Андреевич Корф (1710–1766). По свидетельству А. Т. Болотова, барон Корф «объездил тотчас все наизыснейшие дома сам; а чтоб со всеми прочими ознакомиться, то чрез несколько времени после своего приезда, сделал для всех превеликий пир, а потом дал бал, на который званы были все благородные обоего пола».

Генерал Корф был любителем театра и выписал в Кенигсберг театральную труппу из Берлина. Выбор немецкой труппы определялся, конечно, тем, что губернатор заботился о культурной жизни населения, говорившего на немецком языке. Посещение театра составило важную часть общественной жизни не только местных жителей, но и русских офицеров, которые впервые услышали некоторые

итальянские и немецкие комические оперы, увидели драматические произведения. Иммануил Кант с друзьями тоже стал посещать театр.

Правление губернатора Корфа было отмечено еще и многочисленными маскарадами, которые от Святков до Великого поста пользовались в Кенигсберге большой популярностью. Во время русского правления сохранялись и местные обычаи; среди них – проведение рождественской ярмарки, длившейся целую неделю. Русских офицеров, которые не преминули посетить ярмарку, весьма поразила одна ее особенность: торговля происходила не днем, а с вечера и всю ночь. В общем, русские офицеры вели активную светскую жизнь.

Сменившего Н. А. Корфа на посту губернатора Василия Ивановича Суворова положение дел в Кенигсберге не устраивало. Он, будучи крестником Петра Великого, его адъютантом и переводчиком, так же как император Петр I, не терпел безделья, считал, что постоянные увеселения вредны для умственной активности офицеров. Поэтому он решил, что им следует прослушать в университете лекции немецких преподавателей.

Из книги в книгу о Канте передается сообщение о том, что лекции взялся читать Иммануил Кант и что эти лекции были посвящены фортификации и баллистике (в одних книгах) или фейерверкам (в других).

Однако надо иметь в виду, что еще в 1701 году Петр Великий открыл в Москве Школу математических и навигацких наук, первое в мире учебное заведение, где готовили инженеров, в то время как в других странах Европы сохранялся средневековый обычай обучения инженерному делу у мастера соответствующей гильдии (цеха). Через два года царь Петр на базе старших классов этой Школы основал в Петербурге Морскую академию. Затем

появились Горные школы, где готовили инженеров для горнорудной промышленности. Во Франции первое учебное заведение, готовившее инженеров, появилось в 1747 году – Школа мостов и дорог. Таким образом, благодаря инициативе Петра Великого по подготовке инженеров Россия опережала Европу, и ко времени появления русской армии в Кенигсберге инженерное образование в России получили многие офицеры.

При этом важно отметить, что В. И. Суворов, владевший четырьмя иностранными языками, перевел книгу маркиза де Вобана «Основание крепостей». Это классика фортификации, которую наряду с другими сочинениями де Вобана до сих пор изучают фортификаторы всего мира. Ко времени Семилетней войны русские инженеры учились по книге «Основание крепостей», которая в Кенигсбергском университете была неизвестной. Василий Иванович Суворов, будучи специалистом в вопросе фортификации, не надеялся на пополнение знаний русскими офицерами в этом направлении в Кенигсбергском университете. Но он желал расширения их кругозора, поэтому принял предложение о лекциях Канта. Какие же лекции читал Кант?

Преподаватели и студенты Кенигсбергского университета активно пользовались Валленродтской библиотекой своего Кафедрального собора. В этой библиотеке имелись труды профессора математики Кенигсбергского университета Иоганна Штрауса (1590–1630), который был к тому же крупным архитектором и фортификатором. Именно он во время войны со Швецией (1626–1628 гг.) разработал проект Первого оборонительного вала (первого бастионного оборонительного пояса) Кенигсберга. Он же руководил строительством. Было возведено 26 полных бастионов,

8 полубастионов, 8 городских востроенных в вальные сооружения, периметр вала был протяженностью более 15 км. Стоит сказать, что уже в свой первый приезд в Кенигсберг царь Петр I осмотрел эти оборонительные сооружения, о чем, несомненно, знал В. И. Суворов.

Канту были известны работы Штрауса, он вполне мог разобраться в его выкладках, ибо получил хорошее математическое образование. В самом деле, математику, как и физику, во времена студенчества Канта преподавал профессор Мартин Кнутцен (1713–1751). Он был учеником Х. Вольфа, который в свою очередь был учеником Г. Лейбница. Один из авторов математического анализа, Лейбниц создал и символику, которой мы пользуемся до сих пор. Трудami самого Лейбница и братьев Бернули этот раздел математики быстро прогрессировал и занял важное место в университетах XVIII века. Кнутцен был одним из горячих приверженцев новой математической теории, а Кант – одним из лучших его студентов. Так что разобраться в книге Штрауса по фортификации, во всех расчетах создателя оборонительного пояса, который использовал более простую математику, для Канта было нетрудно.

Поэтому можно предположить, что лекции по фортификации касались именно построенных Штраусом сооружений. Кант со знанием дела мог оценить математическую сторону работы Штрауса, а кроме того, он имел возможность вместе со своими слушателями осмотреть эти фортификационные сооружения, которые в то время были в полном порядке. В современном Калининграде остатки этого первого оборонительного вала можно увидеть на улице Олыштынской и возле Бранденбургских ворот.

Следует иметь в виду, что история науки и техники, помимо

исторических сведений, выполняет эвристическую функцию, т. е. стимулирует творческие способности, предлагает плодотворные аналогии. Поэтому знакомство с историей фортификации в Кенигсберге было весьма полезно для русских офицеров.

Что касается лекций о фейерверках, то неизвестно ни об одном фейерверке, запущенном Кантом. А вот диссертацию «Об огне», высоко оцененную профессором физики Теске, он вполне мог положить в основу лекционного курса. И для русских слушателей это исследование было интереснее, чем предполагаемые современными авторами сообщения о составе цветных огней, ибо еще со времен Петра I, изобретателя первой в мире сигнальной ракеты, в России издавались книги, посвященные применению ракет как в артиллерии, так и для фейерверков, и русские офицеры знали их. А диссертация Канта была им интересна, поскольку среди других проблем он рассматривал вопрос об энергетических возможностях огня, развивая идеи физика Теске. Кроме того, надо отметить, что профессор Теске был первым физиком в Кенигсберге, который начал изучать электрические явления. В своей работе Кант обратился и к этим исследованиям, что было новым и весьма полезным для науки и для его русских слушателей.

Таким образом, Кант, по видимому, прочитал лекции по истории фортификации в Кенигсберге и лекции о природе огня, причем как с точки зрения физики, так и метафизики, как именовали тогда философию. А это означало философский подход, имевший большое значение для формирования научного мировоззрения, на что и надеялся губернатор В. И. Суворов.

В то время, когда Кант приступил к чтению лекций для русских

офицеров, к Василию Ивановичу Суворову прибыл сын Александр. Как и отец, Александр Васильевич владел рядом иностранных языков, свободно говорил по-немецки. Можно не сомневаться, что обладавший большой любознательностью, глубоким интересом к научным знаниям молодой офицер посетил лекции Канта. Более того, можно предположить, что между двумя молодыми людьми установились дружеские отношения. Об этом свидетельствует история, которая произошла много лет спустя, когда Восточная Пруссия уже вернулась под власть прусского короля. Тогда студент Канта Ф. Ханридер захотел поступить на службу в российскую армию. Он обратился к Канту с просьбой написать ему рекомендательное письмо. Кант написал А. В. Суворову, ставшему к тому времени известным полководцем. Сразу стоит сказать, что вряд ли философ обратился бы с письмом к незнакомому человеку. И письмо не просто возымело действие. Молодой, никому не известный немец стал адъютантом Александра Васильевича Суворова. Если иметь в виду, что многие русские офицеры мечтали быть адъютантами самого Суворова, то становится ясно, что двух великих людей связывало не просто знакомство, а большое взаимное уважение.

Говоря о лекциях Канта русским офицерам, стоит обратить внимание на особенности преподавательской методы философа. Он не требовал от слушателей соглашаться со всем, что напечатано в учебниках, со всем, что он лично сказал на лекции, формируя тем самым самостоятельность мышления молодых людей.

Для того чтобы стимулировать независимость от догматов и чужих мнений, формировать критическое мышление своих слушателей, Кант использовал придуманный им

метод. В начале лекции он задавал вопрос, ответ на который был еще неизвестен слушателям, но будто бы и сам он этого ответа не знал. Кант искал ответ, делая сначала «грубую прикидку». Получив приблизительную формулировку, он начинал уточнять ее, вовлекая в рассуждения аудиторию. Наконец, в результате обсуждения, обращения к знаниям слушателей, исправления первоначального определения приходили к точной научной формулировке.

В какой-то мере Кант воспроизводил метод Сократа, но включал в него критический анализ материалов учебников, обращался к результатам новейших исследований, приучая и студентов следить за научными открытиями своего времени. Он погружал слушателей в особую атмосферу поиска истины, соучастия в открытии новых для слушателей знаний.

Для русских офицеров, «вратами учености» которых был фундаментальный труд по математике Леонтия Магницкого «Арифметика сиречь наука численная», подход Канта был понятен. В самом деле, в книге Магницкого, помимо изложения всего корпуса математического знания, выработанного к первой половине XVIII века, присутствовали разделы физики, в которых нашли применение новые математические теории, а также большое внимание уделялось философским вопросам.

Умение соединять математические знания с потребностями техники, выработанное преподаванием математики в России, получило у русских офицеров дальнейшее развитие, благодаря лекциям Канта. Можно не сомневаться, что именно высокий интеллектуальный уровень и эрудиция молодого Иммануила Канта привлекали внимание любознательного и образованного молодого Александра Суворова, что стало основой их

взаимной симпатии, сохранившейся на десятилетия.

Русские потомки кантовского рода

Как известно, Иммануил Кант не был женат и не оставил потомства. Но род продолжился. О судьбе сестер Канта известно мало. Одна из них, по свидетельству священника Эреготта Васянского, личного ассистента (род секретаря) философа, в последние годы его жизни проживала с ним в одном доме, заботилась о Канте.

Младший брат великого мыслителя Иоганн Генрих Кант (1735–1800) тоже окончил Кенигсбергский университет и также начал свою деятельность домашним учителем, но не в Восточной Пруссии, а в Курляндии. Потом был директором городской школы в Митаве (ныне Елгаве). В конце жизненного пути был пастором в евангелическом приходе в Курляндии.

В 1795 году Курляндия вошла в состав Российской империи, а в 1796 году получила статус российской губернии. Иоганн Генрих Кант и вся его семья стали российскими подданными.

Его сын Фридрих Вильгельм Кант (1784–1847), племянник Иммануила Канта, пошел по коммерческой линии. Он владел в Митаве магазином «Кант и Кс», вполне успешно вел дела. Фридрих Кант удачно женился: его супруга Амалия Шарлотта была дочерью бургомистра. В год столетнего юбилея великого философа в семье Фридриха Канта родился сын Юлиус Вильгельм Кант (1824–1881), который со временем продолжил и расширил дело отца. Он переехал в Москву, где весьма успешно вел дела, стал богатым купцом. В Москве внучатый племянник великого философа женился на Марии Луизе Фишер, дочери владельца аптеки.

В молодой семье родилась дочь Каролина Лидия Кант (1861–1931), правнучатая племянница Иммануила Канта. Можно говорить об иронии судьбы, но жизнь Каролины Лидии совершенно не совпадала с представлениями Канта о роли женщины в семье и в обществе. Он полагал, что бречание на фортепьяно не очень нужно женщинам. «Мне кажется, – говорил он, – что всякий муж предпочтет хорошее блюдо без музыки, чем музыку без хорошего блюда».

Кант скептически относился к научным занятиям женщин. В своем знаменитом сочинении «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» он осуждал маркизу дю Шатле, которая была не просто образованной женщиной, – ее научные исследования ценил великий Л. Эйлер, который состоял с ней в переписке, обсуждал проблемы физики. Собственно, благодаря сделанному маркизой переводу на французский язык сочинений Исаака Ньютона и благодаря ее комментариям к ним в науку «на континенте», как называли в Европе европейскую часть без островной Англии, вошла физика Ньютона. Так же резко, как и о маркизе дю Шатле, Кант высказывался об образованной и умной жене французского посланника Анне Дасье, которая перевела на французский язык поэмы Гомера и ряд произведений других античных авторов. Благодаря ей во французскую культуру вошли сочинения древнегреческих поэтов.

Каролина Лидия Кант обладала многими дарованиями. Она получила блестящее образование, в том числе и музыкальное, была прекрасной пианисткой. Каролина Лидия дружила с Николаем Григорьевичем Рубинштейном, выдающимся музыкантом, дирижером, основателем Московской консерватории, который внес большой вклад не только в русскую музыкальную

Памятник герцогу Альбрехту Гогенцоллерну в Калининграде

культуру, но и оказал влияние на музыкальную жизнь Кенигсберга. Он очень ценил талант Каролины Лидии Кант как пианистки. По его совету для нее был приобретен прекрасный рояль «Рониш», который передавался потом следующим поколениям семьи. Похоронена

Каролина Лидия Кант-Фидлер в Донском монастыре, что позволяет предположить, что она была православной.

Каролина Лидия вышла замуж за владельца аптек, фармацевта по образованию. Семья переехала в Златоуст на Южный Урал, где

Фридрих (Федор) Фидлер успешно развивал аптечное дело.

Самым известным из их детей стал старший сын Владимир Федорович Фидлер (1881–1932). Он окончил реальное училище в Екатеринбурге, затем Томский технологический институт практических инженеров императора Николая II, основанный в 1896 году (в настоящее время Томский политехнический университет). Начав работать инженером на заводе в Златоусте, Владимир Фидлер к 1917 году стал главным управителем заводов Южного Урала. В 1926 году его рекомендовали на должность инженера-проектировщика заводов, а в 1928 году он стал главным проектировщиком и строителем «Уралмаша». В Томском политехническом университете хранится газета «Советская индустрия» со статьей «Внучатый племянник Иммануила Канта строит “Уралмаш”».

В октябре 1932 года в Москве на совещании у наркома Орджоникидзе Владимир Фидлер был назначен главным инженером «Уралмаша». Он сообщил об этом телеграммой жене, а ночью во сне у него остановилось сердце. Сказалась напряженная работа, без отпусков и выходных, по строительству промышленного гиганта.

Сергей Федорович Фидлер, брат Владимира Федоровича, в Первую мировую воевал в составе российской армии, погиб на фронте. Его сестра, врач-хирург Ирина Федоровна Долина-Смирнетская, урожденная Фидлер, в годы гражданской войны работала в госпитале, лечила раненых красноармейцев. Алексей Владимирович, сын Владимира Федоровича Фидлера, инженер, прошел сапером всю Великую Отечественную войну, был тяжело ранен и со многими орденами и медалями вернулся в Свердловск (ныне снова Екатеринбург).

Это линия потомков младшего брата Иммануила Канта, идущая от его сына Иоганна Георга Канта. Но у него была и дочь Гертруда. Ей сделал предложение барон Фридрих фон Стуард (иногда пишут Стюард), имевший шотландские корни. Гертруда, поскольку отец уже умер, написала письмо дяде Иммануилу Канту с просьбой о благословении на брак с бароном. Он с радостью благословил племянницу. Супруги уехали в Санкт-Петербург, где барон сделал карьеру. У них было двое детей: сын Федор Федорович (1804–1856) и дочь Эмилия Федоровна (1813–1872).

Эмилия Федоровна вышла замуж за Михаила Николаевича Лермонтова, троюродного брата нашего великого поэта, героя Отечественной войны 1812 года, адмирала, человека, имеющего большие заслуги перед Россией. Еще молодым мичманом он в составе команды, выделенной в помощь М. Б. Барклаю-де-Толли, участвовал в Бородинском сражении, проявил большую самоотверженность и героизм.

18 января 2013 года на Ярославском судостроительном заводе заложили новейший десантный катер класса «Дюгонь», предназначенный для высадки морского десанта. На торжественной церемонии собрались сотрудники предприятия и представители Минобороны РФ. По старинной традиции, под готовый фрагмент корпуса поместили закладную доску. Этот катер назвали «Мичман Лермонтов» в честь героя Отечественной войны 1812 года Михаила Николаевича Лермонтова (1792–1866), чей подвиг отмечен на памятнике Бородинскому сражению.

Сын адмирала Лермонтова и его супруги Эмилии Федоровны, внучатой племянницы Иммануила Канта, Александр Михайлович Лермонтов (1838–1906) – герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он до сих пор является национальным

героем Бургаса (Болгария). Генерал А. М. Лермонтов – единственный военный, который имел 16 высших наград за освободительные войны на территории Европы.

Старший брат Эмилии Федоровны, барон Федор Федорович фон Стуард, внучатый племянник великого философа, женился на княжне Роксане Дмитриевне Мурузи. Их дочь Александра Федоровна фон Стуард вышла замуж за генерала Александра Михайловича Лермонтова, своего двоюродного брата. Можно сказать, что семьи потомков Иоганна Канта и Лермонтовых во второй раз соединили европейскую историю.

Их сын Сергей (1861–1932) стал дипломатом, представлял Россию при Вюртембергском дворе. Вторым сыном – Михаил Александрович Лермонтов (1859–1917), как и отец, стал военным, генерал-лейтенантом императорской армии. Среди его многочисленных наград – прусский орден Короны II степени со звездой и мечами. Он приложил немало сил к изданию книг по истории России. А дочь Александра Михайловича и Александры Федоровны Александра Александровна (1857–1903) прошла с лазаретом корпуса генерала Скобелева всю Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Так что отец и дочь, потомки семей Лермонтовых и Кантов, стали героями освободительной войны.

В «Критике способностей суждения» Кант размышлял о войне и мире, о том, как формируется дух народов в мирное время и в военные годы. Результат этих размышлений таков: «Сама война, если она ведется в соответствии с установленным порядком и с соблюдением гражданских прав, таит в себе нечто возвышенное и делает образ мыслей народа, который ведет ее таким образом, тем возвышеннее, чем большим опасностям он подвергался, сумев мужественно устоять; напротив: длительный мир способствует

обычно господству торгового духа, а с ним и низкого корыстолюбия, трусости и изнеженности и принижает образ мыслей народа».

В 1776 году Россия обратилась с призывом к Турции остановить боевые действия на Балканах и гарантировать славянским народам права на собственное культурное развитие. Опираясь на поддержку Британии, Турция проигнорировала этот призыв, проигнорировала российские предложения по мирному решению конфликта на Балканах. В поддержку мирных инициатив Россия неоднократно собирала конференции, в частности в январе 1877 года в Стамбуле, куда съехались послы европейских стран, так или иначе вовлеченных в конфликт. Однако мирные инициативы России не были поддержаны.

В марте 1877 года в Лондоне все-таки подписали договор, который обязывал Турцию провести реформы с учетом прав славянских народов. Турция этот договор оставила без внимания. Надо также иметь в виду, насколько жестоко турецкая армия подавляла все выступления православных балканских народов за право сохранить свою веру.

Защищая права славянских народов на собственное культурное развитие, защищая право греков сохранять свою православную веру, Россия вступила в войну. Идея защиты православных народов была сформулирована еще старцем Филофеем в самом начале XVI века. Это концепция «Москва – Третий Рим». Власть идеи всегда была ведущей в Русском мире. Освободительная идея определила смысл Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Освободительный героизм потомков Кантовского рода вполне вписывается в убеждения Канта о том, что в период справедливой войны дух народа становится более возвышенным.

ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗУМ И ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС В МОРАЛИ

Иммануил Кант: «Осуществление высшего блага в мире есть необходимый объект воли, определяемый моральным законом»

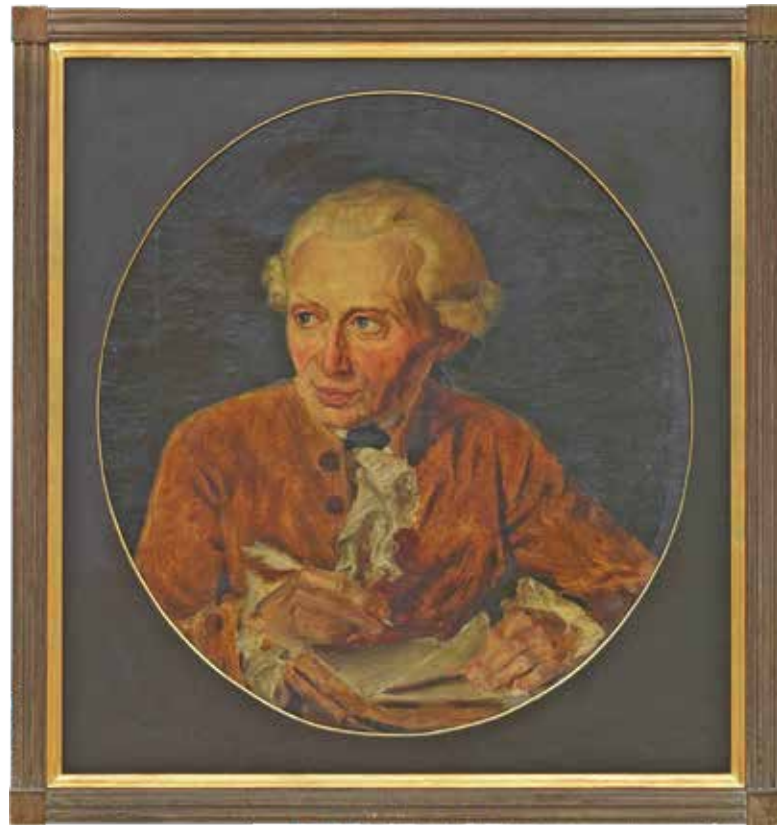
АЛЕКСАНДР РАЗИЦ,

доктор философских наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Вопрос о личном интересе в морали является спорным. В какой-то степени даже провокационным. В обычных представлениях бескорыстный поступок, т.е. поступок, лишенный личного интереса, всегда получает наиболее высокую нравственную оценку. Отсюда неизбежно следует вывод, что подлинная мораль и есть такая мораль, в которой личный интерес никак не представлен. Однако здесь возникает вопрос: во имя чего нравственное действие совершает человек, что его мотивирует?

Пытаясь объяснить специфику морального выбора, многие философы строили мораль на чувственном основании, предполагая наличие у человека особых моральных чувств, заставляющих его действовать в интересах других людей (Ф. Хатчесон, Д. Юм), и даже считали, что такие чувства могут доставить человеку высшее удовольствие (А. Э. Шефтсбери).

Мораль, построенная на чувственном основании, соотносится

Портрет Иммануила Канта работы Йоханнеса Хайдека. 1791

с личным интересом. Но по поводу такой позиции можно предъявить несколько возражений: во-первых, совсем не всегда поведение, ориентированное на нравственный долг, сопровождается наслаждением. Вряд ли, например, можно говорить о том, что, когда человек отдает жизнь за родину или терпит пытки, он испытывает при этом наслаждение. Во-вторых, даже если отвлечься от подобной крайней ситуации,

сведение человеческого высшего блага лишь к моральным мотивам все равно оставляет множество вопросов. Возрастание наслаждения от совершения нравственных действий может обернуться ситуацией бесконечной цепи повторений, в которой люди не совершают дурных поступков, и они стараются воспитать еще более достойных, чем они сами, людей, но для чего – все это остается до конца неясным. Неясным именно потому, что не определяется, что есть благо, в каком-то ином, отличном от самой морали смысле.

Теориям нравственного чувства противостояли интеллектуалистские концепции, представленные Р. Прайсом, Ф. Г. Брэдли и другими. Но, если в теориях нравственного чувства личный интерес так или иначе объяснялся, интеллектуалистские теории сталкивались со сложностями при его объяснении. Наиболее отчетливо это проявилось в философии Иммануила Канта.

Кант пытается подкрепить свою интеллектуалистскую позицию

показательным, но не выдерживающим критики положением. Он задается вопросом о том, зачем человеку дан разум? По мнению Канта, человека гораздо надежнее привел бы к счастью инстинкт. Зачем же тогда человеку дан разум? Именно для того, чтобы породить моральную способность, полагает Кант: «Так как разум недостаточно приспособлен для того, чтобы надежно руководствовать волю в отношении ее предметов и удовлетворения всех наших потребностей (которые отчасти он сам же и приумножает), а до этой цели гораздо вернее довел бы врожденный природный инстинкт, и все же мы наделены разумом как практической способностью, т.е. такой, которая должна иметь влияние на волю, – то истинное назначение его должно состоять в произведении воли не как средства для какой-нибудь другой цели, но самой по себе доброй воли. Для этого непременно нужен был разум, если только природа поступала всегда целесообразно при распределении наших задатков».

То есть речь идет о том, что разум дан человеку именно для того, чтобы он развивался как моральное существо. Конечно, это положение не выдерживает критики. Разум расширяет возможности удовлетворения потребностей человека за счет новых форм опережающего отражения, связанного с сознанием. И даже животные, имеющие психику, ориентируются уже не только на основе инстинкта, но и на основе идеальных образов, в которых представляется будущее состояние реальности, что расширяет возможности адаптации, приводит к успеху в достижении целей.

Для Канта же разум является единственно надежным критерием, из которого выводится не только необходимость морали, но и свобода нравственного выбора. Но в действительности свободно выбирать можно только то, что предполагает

некоторые основания, и такие основания не могут быть поняты вне связи с личными целями бытия, а следовательно, и с личным интересом. С позиции личного интереса неизбежно должны быть проанализированы и способности, которые каждый человек, согласно Канту, должен у себя развить.

Кант не говорит прямо об особом онтологическом статусе морального закона, как делали другие мыслители, например Ричард Прайс. Раскрытие его содержания, собственно, остается задачей самого человека. В работе «Религия в пределах только разума» Кант задается вопросом о том, какой мир создала бы добрая воля, если бы она являлась его творцом. Это такой мир, считает Кант, в котором счастье и заслуга совпадают. Но, если человек способен представить себя творцом такого мира, он способен и жить по тем же законам, которые он сам утверждает для этого умополагаемого мира. Таким образом, получается, что нравственная воля, являющаяся творцом нравственного закона, не нуждается в каких-то особых метафизических представлениях для выражения своего морального намерения.

Анализируя кантовский подход к морали, Владимир Соловьев в работе «Оправдание добра» упрекает Канта за то, что у него Бог выводится из нравственности по практическим соображениям. Он пишет: «...То, что необходимо предполагается нравственной жизнью – существование Бога и бессмертия души, не есть требование чего-то другого, привходящего к нравственности, а есть ее собственная внутренняя основа, Бог и душа суть не постулаты нравственного закона, а прямые образующие силы нравственной действительности».

Доказательство этого положения, правда, несмотря на соловьевскую критику Канта, остается тоже вполне практическим: «Тот факт, что

добро не имеет для нас всеобщего и окончательного существования, что добродетель не всегда бывает действительной и никогда (в нашей наличной жизни) не бывает вполне действительной, не упраздняет, очевидно, того другого факта, что добро все-таки есть, и того третьего, что мера добра в человечестве возрастает».

Далее Соловьев любопытно рассуждает о положении человека в мире: «Спрашивается только: то, от чего я завишу, имеет смысл или нет? Если не имеет, то, значит, и мое существование, как зависящее от бессмыслицы, тоже бессмысленно, и в таком случае вовсе не приходится говорить о каких-то ни было разумно-нравственных принципах и целях, ибо они могут иметь значение только при уверенности в смысле моего существования, только под условием разумности мировой связи или преобладании смысла над бессмыслицей во Вселенной. Если нет целесообразности в общем ходе мировых явлений, то не может быть целесообразной и та часть этого процесса, которую составляют человеческие поступки, определяемые нравственными правилами; а в таком случае не могут устоять и эти правила, как ни к чему не ведущие, ничем не оправдываемые».

Отсюда предельно ясно, что, если без допущения идеи целесообразности (для Соловьева – как вносимой в мир посредством божественной воли) нравственность невозможна, такую целесообразность следует принять, – и фактически получается, что по соображениям именно практическим. Но ведь то же, по существу, утверждает и Кант. Он признает целесообразность природы и закономерности ее развития с точки зрения того, что именно такое развитие создает условия для последующего решения человеком его нравственных задач. Но вся эта предустановленная

гармония природы, согласно Канту, предусмотрена именно Богом: «... Мы должны признать моральную причину мира (творца мира), чтобы сообразно с моральным законом предположить для себя конечную цель; и насколько необходимо последнее, настолько же (т.е. в той же степени и на том же основании) необходимо признать и первое, а именно, что есть Бог».

В современной физической картине мира такая логика размышления оценивается через сильный и финалистский антропные принципы. В первом утверждается, что возникновение жизни и человека является закономерным итогом развития Вселенной. Во втором, то, что человек представляет цель эволюции универсума.

Я не буду комментировать эти рассуждения с точки зрения степени их реальной истинности, ибо это и не предполагается в метафизических рассуждениях. Важно подчеркнуть другое: для находящегося в нормальном психическом состоянии человека и при его связи с культурой, с жизнью прошлых и будущих поколений желание оставить о себе память в сознании потомков (об этом также свидетельствует широко распространенный в философской литературе жанр исповеди) является несомненным. Эта важнейшая составляющая жизни человека и фиксируется в ценностном сознании.

Кант говорит о том, что в интеллигентном мире счастье и заслуга совпадают. Следовательно, он допускает стремление человека к счастью и даже хочет, чтобы последнее было связано с нравственными делами. Но он сталкивается с проблемой, касающейся того, чем определяется заслуга. Кант говорит о том, что каждый должен делать вклад в общее благо (этим, собственно, и определяется заслуга), но он не показывает, в чем заключено это благо (тогда бы он должен

был включить в свою теорию элементы утилитаризма).

Однако, несмотря на свое отрицательное отношение к утилитарному пониманию морали, Кант все же не может не признать какую-то заинтересованность человека быть моральным. Рассматривая движение к высшему благу как долг для субъекта, Кант пишет: «Осуществление высшего блага в мире есть необходимый объект воли, определяемый моральным законом. А в этой воле полное соответствие настроения с моральным законом есть верховное условие высшего блага. Оно, следовательно, должно быть так же возможным, как и его объект, так как содержится в той же заповеди – содействовать этому благу. Полное же согласие воли с моральным законом есть святость – совершенство, недоступное ни одному разумному существу в чувственно воспринимаемом мире ни в какой момент его существования. А так как оно тем не менее требуется как практически необходимое, то оно может иметь место только в прогрессе, идущем в бесконечность к этому полному соответствию, и, согласно принципам чистого практического разума, необходимо признавать такое практическое движение вперед как реальный объект.

Но этот бесконечный прогресс возможен, только если допустить продолжающееся до бесконечности существование и личности разумного существа (что и называют бессмертием души)».

С этим допущением связан постулат практического разума о бессмертии души, что также предполагает и Бога. Но Бог не просто дает награду человеку в виде бессмертия, как полагал Шопенгауэр в своем критическом разборе кантовских постулатов практического разума, а является именно условием бесконечного продолжения нравственных дел. В данной связи следует отметить,

что американским профессором Дж. Лолером была высказана мысль о том, что Кант допускал теорию реинкарнации. Но, может быть, дело обстоит и иначе. Теория реинкарнации в ее классическом виде ко времени Канта уже была развенчана христианской философией, показавшей неразрывную связь души и тела. Поэтому Кант не мог просто, некритически включить идею реинкарнации в свою теорию. Лолер в своих рассуждениях ссылается на кантовскую работу «Всеобщая история и теория Неба», которая кончается вопросами: «... Быть может для того и образуются еще некоторые тела планетной системы, чтобы по истечении времени, предписанного для нашего пребывания здесь, уготовить нам новые обитатели на других небесах? Кто знает, не для того ли вокруг Юпитера обращаются его спутники, чтобы когда-нибудь светить нам?»

Но в более поздних произведениях Кант нигде не упоминает такую возможность. Вполне возможно, что он допускает посмертное существование человека в интеллигентном мире, где действует особая причинность, такая связь между сознаниями всех людей, которая является и основанием нравственной позиции каждого человека и позволяет индивидуально сознанию бесконечно совершенствоваться, но именно в человеческих, а не в каких-то иных формах.

Представленные Кантом рассуждения показывают, что, несмотря на то что в качестве нравственного Кант рассматривает только бескорыстный поступок, косвенно личный интерес человека в морали представлен. Он связан с эмоцией удовлетворения от сознания выполненного долга. Тем не менее кантовское решение проблемы оказывается, во-первых, связанным с недоказуемой метафизической конструкцией, а во-вторых, основанным на таких эмоциях, которые можно назвать достаточно

слабыми. Вряд ли такие эмоции способны породить интенсивное социальное действие, ведь удовлетворения в смысле сознания того, что ты не нарушил требования долга, более надежно можно достичь, по возможности ограничивая свою активность, не пускаясь в рискованные мероприятия, что вряд ли во всех случаях правильно.

На наш взгляд, и теориям нравственного чувства, и интеллектуалистским теориям морали присуще ошибочное стремление к предельному обобщению, которое приводит к отделению морали от других сфер бытия человека, сопровождается ее абсолютизацией, что в конечном счете выражается в утверждении того, что для счастья достаточно одной добродетели. Кроме того, в результате подобной логики мышления создается такой образ морали, при котором она изображается основой всего духовного опыта человека, а сам человек рассматривается в качестве такого существа, которое вполне может быть моральным, оставаясь совершенно неразвитым, неграмотным, неспособным к осуществлению каких-то видов деятельности в иных сферах.

С такой позицией согласиться невозможно. Подобный взгляд в какой-то степени может быть отнесен к этике долга, где мы имеем дело с фундаментальными запретами. Хотя и здесь имеют место известные моральные дилеммы, которые неграмотный человек, возможно, не сможет даже обозначить, не говоря уже о том, чтобы как-то приступить к их разрешению. Тем более этот взгляд неприменим к этике добродетелей, где речь идет о совершенстве функций.

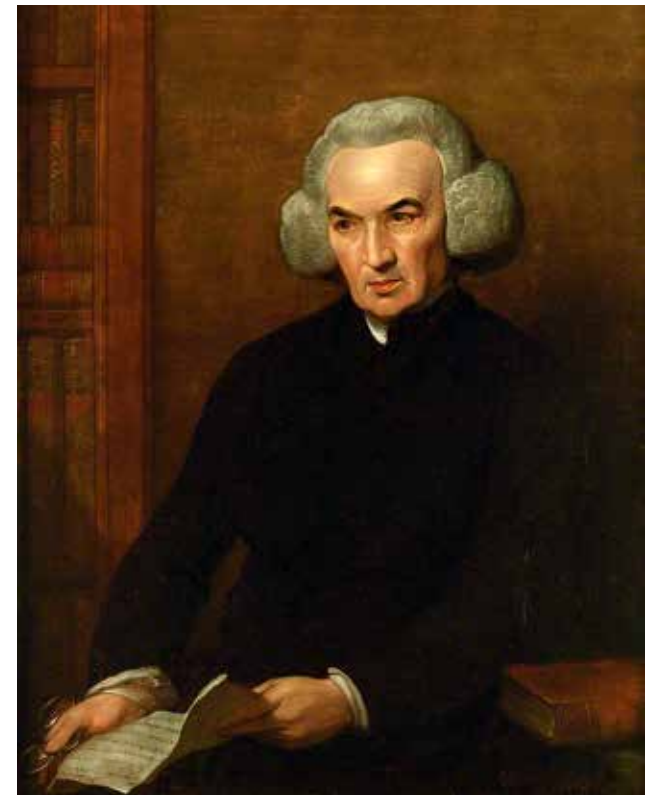
Очевидно, что ошибка предельного обобщения связана с определенными методами научного исследования. Для немецкой классической философии это прежде всего метод восхождения от абстрактного к конкретному. Этот

метод предполагает, что сначала из многообразной реальности выявляется некоторая абстрактная сущность. Она является упрощением реальности, но позволяет понять систематический принцип. Затем осуществляется обратное движение от сущности к явлению, в результате чего упрощенные определения сущности корректируются. Сама сущность рассматривается как изменяющаяся под воздействием многообразных явлений. Но этот

метод, хорошо применимый к некоторым явлениям общественной жизни, в частности к экономике, что блестяще продемонстрировал К. Маркс в «Капитале», применительно к морали демонстрирует свою недостаточность.

Попытка выделить моральный мотив в абстрактном виде (как сущность) приводит к выводу, что это должен быть лишенный личного интереса мотив, ведь бескорыстный поступок всегда получает в обычных представлениях более высокую нравственную оценку. Но совершить восхождение от абстрактной сущности к действительности не удастся, так как отсутствие личного интереса противоречит свободному выбору. Не имея никакого интереса, мы можем выбирать разве что случайно.

Для того чтобы преодолеть ошибки традиционной методологии, нужно разработать или

Портрет валлийского философа Ричарда Прайса работы Бенджамина Уэста. 1784

использовать новые методы, отвечающие неклассической науке. Это прежде всего принцип дополнительности. Он позволяет показать, как личный интерес может сочетаться с моральным мотивом, как моральный мотив может усилить удовольствие от удовлетворения высших социальных потребностей человека. Таким образом, можно не стремиться к изоляции морального мотива от личного интереса и неизбежной при этом абсолютизации морали, а наоборот, показать, как они могут объединяться. Основой такого объединения может быть чувство собственного достоинства. Оно развивается на основе сознания значимости осуществляемой личностью деятельности, а сама эта значимость следует из моральных критериев, которые позволяют увидеть уникальность решаемых человеком творческих задач.

ПАРАДОКСЫ КАНТА

Одна из самых универсальных философских систем создана человеком, который не стремился увидеть мир своими глазами

ВЛАДИМИР БРЮШИНКИН (1953–2012),

доктор философских наук, профессор Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта в Калининграде (здание корпуса № 4)

Философия Канта прославилась Кенигсберг так, как не смогли это сделать ни его правители, ни торговля, которая процветала в ганзейском городе, расположенном на перекрестии торговых

путей. Это тем более удивительно, что Кенигсберг можно было назвать центром политической, военной, ремесленной, торговой жизни юго-восточной Балтики, но в духовном и культурном отношении он

не представлял собой ничего, кроме далекой восточной периферии западного мира.

В Кенигсберге жили многие знаменитые люди, среди них и те, кого мы называем великими*.

Среди великих ученых достаточно вспомнить физика и физиолога Германа фон Гельмгольца (1821–1894) или математика Давида Гильберта (1862–1943). Однако назвать Кенигсберг городом Гельмгольца могут только физики или физиологи, городом Гильберта – математики. «Город Канта» звучит одинаково приемлемо для большинства людей, которым не безразлична духовная культура человечества, и не только потому, что он превратил провинциальный в культурном отношении город в один из центров европейской культуры, но и потому, что Кант, как никто из великих людей Кенигсберга, был связан с этой землей.

Кант всю свою жизнь провел в Кенигсберге и его окрестностях. Париж и Санкт-Петербург, Лондон и даже Берлин существовали для него только в рассказах друзей и знакомых, в книгах и в воображении. Ученый, который многократно и с успехом читал в университете курс физической географии, практически нигде не был, кроме своего родного города. Мысль Канта не знала границ. Он строил свою философию не для жителей Восточной Пруссии, не для немцев, а для всех разумных существ. Ограниченность реальной жизни в пространстве и абсолютная беспредельность жизни мысли – таков первый парадокс Канта. Одна из самых универсальных философских систем в истории человечества была создана человеком, который не стремился увидеть этот мир своими глазами.

Другой парадокс Канта связан с тем, каким образом он, основной опыт жизни которого ограничивался университетской аудиторией, сидением за столом и чтением книг, человек, вовсе не стремившийся к тому, чтобы расширить свой опыт реальной жизни, умудрился дать нам выдающиеся образцы житейской

мудрости. «Не принимайте благодеяний, без которых вы можете обойтись», – сказано мыслителем, который глубоко проник в нашу жизнь. Нам остается одно – признать, что глубокое, последовательное, честное мышление порождает, углубляет и расширяет наш опыт. Мышление есть жизнь. Читая Канта, можно понять, каким образом ему удалось, пользуясь только чистым разумом, так развить свое мышление, что оно позволило глубоко проникнуть в нашу жизнь.

Великий русский философ Владимир Соловьев (1853–1900) в своей энциклопедической статье о Канте следующими словами характеризует его значение: «Кант – основатель философского критицизма, представляющего собой поворотную точку в истории человеческой мысли, так что все развитие философии, если не по содержанию, то по отношению мысли к этому содержанию должно быть разделено на два периода: докритический (или докантовский) и послекритический (или послекантовский)».

Нет сомнения, что каждый мыслитель связан не только со своей эпохой, но и со своими национально-религиозными корнями. Систематичность и превосходящая обычные стандарты научной добросовестности прилежность Канта в проведении дедукций или логических делений и классификаций, конечно, связаны с базисными национальными характеристиками немецкого народа. Его этика, основанная на безусловности нравственного закона и чистоте нравственного мотива, связана с тем духом пиетизма, которым была пропитана благочестивая семья Канта. Делает ли это философию Канта немецкой и протестантской? В определенной мере, да. Однако здесь следует различать

происхождение философии и самоздание ее. Каждый великий мыслитель похож на высокое дерево, корни которого глубоко уходят в национально-религиозную почву, а вершина теряется в облаках общечеловечности. Он впитывает творческие соки своей национальности и своей религии, которые дают определенность его воззрениям и приводят их в связь с реальностью. Эти истоки творчества, как правило, не осознаются самим мыслителем и представляют прекрасный материал для позднейшего анализа его творчества, в ходе которого может быть реконструирована национальная или религиозная картина (или модель) мира. Однако великий мыслитель потому и является великим, что, твердо укоренившись в этой почве, дорастает до общечеловеческого значения даже самых национальных своих черт, представляя их как необходимый элемент мозаики человеческого рода. Именно это обуславливает универсальную ценность его построений.

Безусловно, Кант был порождением немецкой и кенигсбергской культур, но ему удалось, воспользовавшись плодотворными национально-религиозными корнями, выйти в более широкое пространство общечеловеческой культуры. Особенности культуры Кенигсберга во многом обусловили возможность выхода Канта на такие широкие просторы духа. Приведем в обоснование этого взгляда только три замечания. Первое принадлежит самому Канту, второе носит символический характер, а третье связано с истоками философии Канта.

Первое. Кант полагал, что философу для обретения правильной перспективы необходимо путешествовать, чтобы узнать другие народы. Однако он считал, что «большой город, центр государства, в котором находятся

* Правда, сам Кант придерживался своеобразного взгляда на великих людей: «То, что великие люди только издалека создают впечатление блеска и что государь всегда многое теряет в глазах своего камердинера, объясняется тем, что ни один человек не велик». Кант И. Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1963–1966. Т. 2. С. 1981.

Старое здание Кенигсбергского университета на Кнайпхофе (ныне — остров Иммануила Канта в Калининграде)

правительственные учреждения и имеется университет, город, удобный для морской торговли, расположение которого на реке содействует общению между внутренними частями страны и прилегающими или отдаленными странами, где говорят на других языках и где царят иные нравы, — такой город, как Кенигсберг на Прегеле, можно признать подходящим местом для расширения знания и человека, и света. Здесь и без путешествия можно приобрести такое знание».

Второе. Это обстоятельство из ряда общекультурных совпадений и поэтому не обладает какой-либо доказательственной силой, но тем не менее оно символично. Кант родился в 1724 году, когда, собственно, образовался Кенигсберг путем слияния трех городов — Альтштадта, Лебенихта и Кнайпхофа. Символично, что этот дух соединения

разнородного, слияния независимого оказался ведущим мотивом философии Канта. Дух философии Канта — это синтез, т.е. соединение разнородного в единое целое. Главное достижение Канта в теоретической философии — это разработка теории синтетических априорных суждений, происходящих в нашей душе именно путем соединения двух разнородных представлений посредством некоторого третьего представления. Конечно, дата рождения Канта и ее совпадение с объединением трех городов в единый город скорее всего случайны. Но история показывает нам, что дальнейший ход событий превращает некоторые случайности в символы, и это совпадение именно из такого ряда.

Третье. Определенная связь имеется между распространенным тогда в Кенигсберге пиетизмом и существом нравственной философии Канта. Пиетизм — это

форма протестантизма, утверждающая личные отношения человека с Богом и личную ответственность человека перед Богом. Пиетизм придавал исключительное значение внутреннему благочестию и самоконтролю за соблюдением нравственных правил. Эта черта пиетизма рельефно проявилась в философии Канта. Идея нравственного закона, принимаемого самим человеком, и внутренней ответственности человека за принятие максим, сообразных с нравственным законом, своим происхождением во многом обязаны религиозной ситуации в Кенигсберге. Однако Кант далеко выходит за пределы пиетизма, когда кладет в основу своей этики тезис не только о доброй, но и о свободной воле. Последнее было совершенно неприемлемо для пиетистов.

Жизнь Канта совпадает с эпохой Просвещения. В каком-то смысле

Кант участвовал в движении Просвещения, но его философия была одновременно продолжением философии Просвещения и выходом за его пределы, подготавливающим другую эпоху.

Кант считал, что философия обязана ответить человечеству по крайней мере на четыре вопроса:

*Что я могу знать?
Что я должен делать?
На что я могу надеяться?
Что такое человек?*

Три вопроса сформулированы в «Критике чистого разума», а в лекциях по логике добавлен четвертый. Они последовательно охватывают область возможного для нас знания и способов познания того, что находится за пределами знания, область нашего практического действия и той части этих действий, которая относится к должному, а также область будущего, которое может проистечь из наших должных (или не должных) действий, а следовательно, определяет то, на что мы можем, а на что не можем надеяться.

Что я могу знать?

Ответ на этот вопрос дает теоретическая философия Канта, изложенная по преимуществу в «Критике чистого разума». Вопрос, поставленный в такой форме, имеет и отрицательную форму: что я не могу знать?

Чтобы ответить на оба этих вопроса, мы должны сначала спросить, что такое знание? В отличие от других видов нашего отношения к миру, знание можно охарактеризовать как совокупность суждений, которые одновременно имеют субъективно и объективно достаточное основание.

Это означает, что знания — это такие суждения, которые

достаточно обоснованы для данного субъекта, так что он может считать их своими убеждениями, но и они также обоснованы таким образом, что могут быть приемлемыми для любого разумного существа вообще.

В XX веке принято говорить, что знания интерсубъективны. В XVII и XVIII веках говорили, что знания всеобщи и необходимы. Это означало примерно следующее: если любой субъект овладеет определенными понятиями и отношениями между ними, то истинность суждений, являющихся знаниями, станет для него очевидной. Такая объективная, интерсубъективная обоснованность знания отличает его от других видов суждений, описывающих мир, а именно — от мнений и веры. Мнение — это суждение, не обоснованное ни субъективно, ни объективно, суждение еще неопределенное. Вера же — это суждение обоснованное субъективно, но не имеющее достаточных объективных оснований. Иначе говоря, вера — это суждение, достаточно обоснованное для данного человека, данного субъекта, но не могущее иметь убедительные основания для любого субъекта, каждого человека.

Таким образом, знание принудительно, а вера свободна в том смысле, что любой человек может выбирать себе веру, более ему соответствующую, поскольку не может быть объективных оснований, заставляющих нас предпочитать одну веру другой. Основания, конечно, есть, но они субъективны, т.е. связаны с особым устройством субъекта, с традицией, с отношениями между людьми и т.п.

Теперь можно уточнить кантовский вопрос, который будет выглядеть следующим образом: о чем я могу высказывать суждения, которые могут быть обоснованы всеобщим и необходимым образом, а о чем не могу? Кантовский ответ

на этот вопрос таков: «... разум видит только то, что сам создает по собственному плану». Или, иначе говоря, «иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим сообразно его понятию».

Это одна из составляющих той революции, которую Кант совершил в философии природы. Не разум (субъект, человек) идет за природой, случайным образом ожидая от нее знаний (плодов), а сам разум устроен так, что он предписывает природе законы и познает их в природе. Все остальное в природе случайно и не может быть познано достоверно. Разум в области исследования природы имеет следующую задачу: «сообразно с тем, что сам разум вкладывает в природу, искать (а не придумывать) в ней то, чему он должен научиться у нее и чего он сам по себе не познал бы».

Каким образом наш разум может предписывать природе свои законы, чтобы затем познавать их? Здесь мы подходим к сердцевине кантовского трансцендентально-идеализма, как он сам называл свою философию. Трансцендентальная философия основывается на разделении вещей в себе и явлений. Вещи в себе — это действительность, как она существует независимо от познающего субъекта. Все вещи и отношения вещей, которые мы воспринимаем, представляют собой только явления этих вещей в себе — продукт взаимодействия вещей в себе с нашим разумом посредством форм восприятия и созерцания — пространства и времени. Таким образом, нам даны в восприятии только явления и их отношения (такие, как отношения причины и следствия, одновременности и т.п.), но не даны сами вещи в себе. Мы не можем знать, что они собой

Дом Канта в Кенигсберге на картине 1842 года

представляют, поскольку они не подходят под наши формы созерцания – пространство и время – и наши категории рассудка, при помощи которых мы объединяем наши созерцания и ощущения в предметы и в совокупности предметов.

Отсюда Кант делает вывод: вещи в себе непознаваемы. Мы не можем знать их. Мы можем только предполагать, что существует некоторый неизвестный нам источник наших чувственных впечатлений, называемый вещью в себе. Это все, что мы можем о них сказать, оставаясь в рамках философии природы и говоря о познании природы при помощи науки.

Таким образом, по Канту, мы можем знать только явления и их отношения. Наука занимается именно тем, что открывает априорные (доопытные) и эмпирические законы

устройства природы и на их основе предсказывает новые явления и их отношения. Такова, например, для Канта была ньютоновская физика и любая другая наука, приносящая нам знание о природе.

Теперь мы знаем ответ на вопрос «Что я могу знать?» Однако мы еще не ответили на вторую часть этого вопроса: «Что я не могу знать?» Первый ответ на этот вопрос: «Я не могу знать вещей в себе». Но о них я вообще не только не могу что-то знать, но у меня не может быть даже субъективных оснований предполагать что-либо об этих вещах. Это означает, что о них я не могу иметь даже определенной веры. Таким образом, вещь в себе в философии природы (теоретической философии) – понятие совершенно неопределенное и даже скорее отрицательное.

Однако до сих пор мы говорили о природе, или, как это называет Кант, теоретическом применении разума. Но кроме теоретического применения разума существует еще и практическое, или нравственное. Практическое, или нравственное, применение разума связано со свободой. Критика теоретического применения разума показывает, что, хотя мы не можем знать, существует свобода или нет, мы можем осмыслить возможность свободы. Это, как показывает Кант, достаточно для того, чтобы в практическом применении считать свободу действительной, т.е. верить на основании доводов разума в ее существование. То же самое относится к таким важным вещам, как Бог и бессмертие души. Отсюда вытекает следующее знаменитое положение Канта: «Мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере».

Таким образом, и столь важные и традиционные предметы философии мы не можем знать, но можем в них верить. Это очень важное положение, если вспомнить, что именно существование Бога, свободы и бессмертия души были традиционными предметами метафизики (философии) до Канта. Вместе с тем эти положения Канта имеют важное значение и для нашей обычной жизни. Действительно, если бы мы что-либо могли знать о таком предмете, как, например, Бог, т.е. знать, например, существует он или нет, то в силу того, что знание общезначимо и принудительно, это убеждение могло бы навязано другому, т.е. мы получили бы право принуждать к убеждению в существовании Бога или в его несуществовании. К чему это ведет, мы с вами знаем из практики, например инквизиции или научного атеизма. Кант предлагает нам занять более скромную позицию по такого рода вопросам. Наши убеждения в этой области порождаются актами веры, а это означает, что мы не можем их на объективных основаниях передать другому человеку. Другой человек имеет право на свои собственные убеждения.

Обращение к таким предметам, как Бог, свобода и бессмертие души, приводит нас ко второму вопросу Канта.

Что я должен делать?

Ответ на второй вопрос заключается в себе практическая философия Канта, ядром которой являются учение о нравственности или морали, иначе называемое этикой, и учение о праве.

Мораль невозможна без свободы. Если мы предполагаем, что человек не свободен, если, например, все его действия определены волей Бога или закономерностью

природы, то нельзя говорить о морали или нравственности, поскольку тогда нет места нравственной ответственности. Поэтому свобода человека является необходимой предпосылкой моральности. Кант полагал, что действия человека в нравственном отношении могут определяться тремя факторами: долгом, склонностью и страхом. Долг – это вытекающее из разума требование, определяющее наши обязанности по отношению к самому себе и другим людям, а также к человечеству в целом. Склонность – это потребность, удовлетворение которой приносит нам удовольствие или пользу. Страх – чувство, говорящее нам, что последствием совершающегося события будет неудовольствие или вред.

До Канта философы предлагали различные основания нравственности: чувства, божественную волю, закон природы, стремление к счастью, стремление к общественному порядку. Кант внес новое понимание нравственности – он считал, что разум самозаконен (автономен) и, следовательно, в своем практическом применении сам дает законы человеческих поступков.

Поэтому нравственно, по Канту, повиноваться голосу разума, а это и есть долг: «Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям, ты требуешь подчинения, хотя, чтобы пробудить волю, ты не угрожаешь тем, что внушало бы естественное отвращение в душе и пугало бы; ты только устанавливаешь закон, который сам собой проникает в душу и даже против воли может снискать уважение к себе (хотя и не всегда исполнение); перед тобой замолкают все склонности, хотя бы они тебе втайне и противодействовали...» Кант отдает значительное место в своей этике понятию долга,

поэтому его этику часто называют этикой долга. По Канту: «Долг есть необходимость (совершения) поступка из уважения к закону». Что же это за закон?

Кант называет свой нравственный закон категорическим императивом. Это связано с тем, что сам закон проистекает из разума, но руководствуются им существа, которые обладают также и чувственностью. Поэтому он не действует непосредственно, как, например, законы тяготения или химических реакций, а представляет собой веление (императив), предписывающее нам выполнение или невыполнение некоторых поступков. Однако велит он нам категорически, т.е. безусловно. Чтобы ввести категорический императив в кантовской его формулировке, необходимо разъяснить еще понятие максимы. Кант называет максимой практическое правило, в соответствии с которым совершается поступок.

В «Основах метафизики нравов» мы находим следующую формулировку категорического императива: «...существует только один категорический императив: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Из этого закона можно вывести все остальные императивы долга. Категорический императив не является непосредственным принципом нравственности. Он дает форму, при помощи которой можно породить бесконечное множество нравственных обязанностей, т.е. более конкретных нравственных законов, дающих нам нравственный ориентир в конкретных жизненных ситуациях.

Однако Кант не ограничивается такой формулировкой принципа нравственности. Каждое наше действие имеет цель. Эти цели в свою

Первое издание философского труда Иммануила Канта «Критика чистого разума»

очередь служат для достижения других целей. Однако существует такая цель, которая уже не может служить только как средство для других целей – это, по Канту, разумное существо и, в частности, человек. Отсюда следует то, что Кант называет практическим императивом, т.е. таким велением разума, которое может уже быть применено непосредственно в практике нашего поведения: «Практическим императивом <...> будет следующий: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, но никогда не относился к нему только как к средству».

Этика Канта как бы представляет собой обобщение и философское рафинирование христианской этики. Из категорического или практического императивов можно получить практически все нормы христианской этики, по крайней

мере те нормы, которые основываются на разуме.

На что я могу надеяться?

В «Критике чистого разума» Кант поясняет этот вопрос: «На что я могу надеяться, если делаю то, что мне надлежит делать?» Иначе говоря, на что я могу надеяться, если я буду моральным?

Кант настаивает на том, что надежда не является основанием морали. Мы должны быть моральными только из уважения к закону, диктуемому разумом. Но разумному существу присуща потребность в счастье. В связи с этим Кант замечает: «Иметь потребность в счастье, быть еще достойным его и тем не менее не быть ему причастным – это несовместимо с совершенным волением разумного существа, которое имело бы также полноту силы...»

Отсюда у Канта возникает понятие высшего блага – единства моральности и счастья. Высшее благо – это то, чего хочет, к чему стремится разумное существо. Высшее благо в нашем мире – это счастье, распределенное в точной соразмерности с нравственностью как достоинством личности и ее достоинством быть счастливой. В высшем благе, которое не может вытекать из стремления к счастью, нравственность обладает первенствующим значением. Но и из нравственности непосредственно не вытекает счастье человека. Так может ли человек надеяться на счастье? Причем на такое счастье, которое было бы составляющей частью высшего блага?

По Канту, в качестве основания для такой надежды следует предположить существование Бога. Только Бог может обеспечить необходимую связь между нравственностью и счастьем, если не в этом, так в другом мире. Но это означает, что мы также должны признать бессмертие души, поскольку, если душа умирает вместе с телом, то весь наш опыт свидетельствует, что для большинства людей в течение земной жизни никакого счастья из нравственного образа мыслей не следует. Но, поскольку Бог может дать счастье только тем, кто его достоин, то должна быть и свобода как основание нравственности и достоинства быть счастливым. Ибо если бы не было свободы, то какое же это было бы достоинство? Это был бы просто случайный факт природы.

Постулат бессмертия души вытекает из практически необходимого условия соразмерности продолжительности существования с полнотой в исполнении морального закона; постулат свободы – из необходимости допущения независимости разумного существа от чувственного мира, где все

определено физическими причинами, и из возможности определения своей воли по законам мира идей, который Кант называет умопостигаемым миром. Бытие Бога является необходимым условием существования высшего блага: «Только если к ней (нравственности) присоединяется религия, появляется надежда когда-нибудь достигнуть счастья в той мере, в какой мы заботились о том, чтобы не быть недостойными его».

Отсюда вытекает ответ на третий вопрос Канта: мы смеем надеяться на счастье, если мы достойны его и существует высшая инстанция – Бог, которая может гарантировать нам, что из достоинства быть счастливым рано или поздно впоследствии счастье.

Организация внешней свободы граждан предполагает то, что Кант называет правовым государством. В правовом государстве ограничен произвол отдельных лиц, но, в то же время, ограничен и произвол самого государства. Поэтому мы можем, продолжая мысль Канта, сказать, что правовое государство – это такое государство, в котором произвол и отдельного лица, и самого государства ограничен законом. По Канту, история есть постепенное продвижение к правовому государству. Однако движение к правовому государству и вечному миру не есть автоматический, детерминированный процесс.

Что такое человек?

Человечество затратило колоссальные усилия для того, чтобы выработать общее понятие человека. Стоики в античности, христиане на ее закате и в раннем Средневековье, Будда разрушали традиционные представления о разьединении человечества на различные по природе или

по Божьему промыслу несоизмеримые группы: греков и варваров, избранного народа и неизбранных народов, правоверных и неправоверных, цивилизованных и нецивилизованных и т.п. Этому стремлению утвердить единство человеческого рода всегда противостояли аристократические, иерархические, националистические, расовые, классовые и другие теории. У всех теорий второго рода есть одна общая черта: какая-то часть человечества по тем или иным основаниям признается в том или ином отношении выше, лучше, избраннее другой. Понимание единого человечества, а следовательно, и общее понятие человека окончательно выработалось только в XIX веке, да и то с некоторым оттенком европоцентризма, который так печально сказался на судьбе европейского либерализма в XX веке.

Антропология – наука о человеке. Может быть, связь с изменчивым человеческим существом делает кантовскую «Антропологию» не подходящей нашему времени? Чтобы избежать длинных рассуждений по этому поводу, я просто сошлюсь на то, что человек в своем существе, как свидетельствует наш обыденный опыт, меняется очень мало. Мысли и страсти мало меняются от эпохи к эпохе или от народа к народу. А если и меняются, то это придает другой эпохе и народу дополнительный интерес. Но этот интерес возможен только при общем базисе, наличие которого он и доказывает. Даже при великих социальных переворотах люди меняются очень мало, что отмечал, например, Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите». Вспомним знаменитое высказывание Воюанда, когда он рассматривал москвичей в варжете: «Ну что же... они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было. Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны,

из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... В общем напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»

Таким образом, основанная на понятии свободы и просвещения антропология относится к той же самой исторической эпохе, в которой живем и мы с вами. В этом смысле кантовская «Антропология» описывает фактическую жизнь людей. Но если бы это были просто наблюдения, то мы имели бы историческое или художественное произведение. А тут освещенность философским мирозерцанием придает измерение не свойственное обычным текстам, трактующим жизнь и поступки людей, и одновременно придает характеристикам человека универсализм. «Антропология» согласует нашу обычную человеческую («фактическую») жизнь с глубоким пониманием места человека в мироздании и главных регуляторов поведения человека. Она как бы говорит нам, что человек со всеми его слабостями и предрассудками все же может быть разумным и нравственным существом, доказывает, что он не только должен быть нравственным, но может им быть, а иногда им и бывает. Прикладной характер «Антропологии» позволяет читателю, не искушенному в тонкостях философских размышлений и не имеющему вкуса к абстрактным рассуждениям, проникнуть в сердцевину кантовской философии, понять разработанную им систему способностей души. Кант очень определенно судил о европейских народах, в «Антропологии» имеются точные суждения об англичанах, французах, немцах, но он старался не судить о том, о чем не обладал достаточным запасом знаний.

МЕТАФИЗИКА КАНТА

Иммануил Кант: «Гений – это врожденная способность души (*ingenium*), посредством которой природа дает искусству правила»

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ,
доктор философских наук, профессор

Портрет Иммануила Канта работы Иоганна Фридриха Баузе. 1791

По многим причинам сложно говорить о типичных немцах, типичных англичанах или, скажем, о типичных русских. И все же Иммануил Кант (1724–1804) очень полно воплотил многие типично немецкие черты. Поразительное

сочетание филистерства с романтизмом, рациональнейшего ума с полетом воображения, космизма с любовью к деталям.

Мальчик из небогатой семьи шорника, изготовителя конской упряжи. Родителей он всю жизнь считал

честными, нравственными и порядочными людьми, но в доме было не очень хорошо с едой. Попросту говоря, Канты порой недоедали.

К счастью для Канта, он жил в обществе, где учение и знания были социальным лифтом. Германия XVII–XVIII веков далеко не богата. Кстати, немцы в эти века считались не рациональными и работающими, а добродушными увальнями и неискоренимыми романтиками. Но все, связанное с учением, со знаниями, с высшим образованием, было чрезвычайно престижно.

Мальчик проявил способности, и его тут же перевели в более престижную гимназию – Фридрихс-коллегиум. Этот «коллегиум» готовил выпускников к высоким церковным и гражданским должностям. Для сына шорника – явный «социальный лифт»! Позже Кант назовет гимназические годы «рабством» и будет уверять, что вспоминает их «со страхом и ужасом». Вряд ли его наказывали часто – по всем предметам Иммануил получал высокие баллы. Но после поддерживал отношения только с учителем латыни.

Став студентом, шестнадцатилетний парень тут же из гильдии ремесленников попал в гильдию ученых, почти что приравненную к дворянству. «Гражданин Академии» не подлежит армейской службе, подчиняется руководству университета, а не муниципалитету и даже не прусскому государству. В «академическом гражданстве» Кант пребудет до конца своих дней, становясь в нем все более важной

персоной. Это обеспечит ему очень высокое положение в обществе. Такой была Германия XVIII столетия – страна университетов!

Когда жена профессора входила в лавку, жена банкира отходила от прилавка, пропуская жену более важного человека. Правда, жена офицера была еще важнее, а уж баронесса или графиня вообще парили в поднебесье. Но для девушки найти себе ученого мужа означало сделать превосходную партию. Ученый мог быть и небогат – по крайней мере Иммануил Кант всю жизнь не то, чтобы нуждался... он был вынужден думать о деньгах. В зрелые годы он имел двухкомнатную квартиру, но при этом квартиру съемную! И в те времена обладатель собственного жилья и человек, снимающий квартиру, – это два разных человека.

Кант держал прислугу, мог позволить себе хорошую еду... Но до конца его дней доход был неровным и шатким: у Канта не было постоянного места. Студенты платили каждый за себя, а стабильного жалованья не было. А профессор с постоянным местом и без такового – это как человек в своей и в съемной квартирах. Уже став известным, в своей двухкомнатной квартире Кант сэкономил на свечах: брал самые дешевые, сальные. Одежду носил, пока она не разваливалась на нем. Впрочем, и тут он лишь верный сын своего, скажем так, не очень богатого, а потому и скуповатого общества. Так же поступал и прусский король Фридрих I: когда кафтан разлезался от старости он приказывал перенести с него пуговицы на новый.

Невероятный филистер – то есть обыватель, Кант так никогда и не женился. Некоторые считали, что Кант жил и умер девственником. Так ли это, неизвестно: никто со свечой не стоял. Но что не женился, это факт. Несколько раз был готов сделать предложение,

но останавливался – боялся, что не сможет содержать семью. Так ли это, тоже достоверно неизвестно. Известно, что в семье барона фон Хюльсена Кант учил трех сыновей и что Хюльсены считали Канта фактически членом семьи. Его знакомили и с девицами, возможно, не самыми красивыми. Возможно, потому и знакомили, что девушки находились на пороге стародевичества. Но ведь знакомили же!

Позже друг уже зрелого Канта, графиня фон Кайзерлинк, сватала философа вдовушкам самого что ни на есть аристократического происхождения. И в кругу Хюльсенов, и у подружек фон Кайзерлинк наверняка были весьма обеспеченные дамы, которые сочли бы за честь стать фрау Кант. Не-е-ет!!! Если не он содержит семью, путь вообще не будет семьи!

Впрочем, и с кровными родственниками Кант встречался редко и особо теплых чувств к ним не питал.

Ипохондрия и меланхолия считались в ту пору такими... аристократическими состояниями, характерными для ученого сословия. Как английскому аристократу почти неприлично без подагры, так немецкому ученому – без ипохондрии. Другой вопрос – эти состояния можно считать чем-то естественным для «интеллигента», а можно еще и всячески «расчесывать». Кант буквально упивался своей меланхолией. Он еще в молодости поставил себе диагноз: «слишком узкая грудная клетка», что затрудняет работу легких.

– И сердца! – добавлял он, помахивая в воздухе кривым профессорским пальцем.

Правда, с возрастом Кант перестал обращать внимание на стеснение в груди. Он объяснял это так, что подчинил себе это стеснение, не позволяя ему влиять на мысли и поступки. Назовем вещи своими именами: когда Канту стало, чем

занияться, у него просто не оставалось времени на мрачные мысли и переживания. Тут планеты летают, человек постигает красоту Божественного замысла... Об этом думать интереснее, чем о собственных болезнях.

Про болезни... Кант постоянно рассказывал о своих болезнях и плохом самочувствии. Он с детства читал медицинскую литературу и всякий раз находил у себя симптомы решительно всех болезней. Но при том никогда не болел! И не лечился: считал, что врачи шарлатаны, а лекарства вредны для здоровья. Первый раз он серьезно заболел 8 октября 1803 года – в 79 лет, за пять месяцев до своей смерти. На редкость здоровый человек.

Даже для немца патологически педантичный, Кант сам себе составил расписание жизни. Ему он следовал неукоснительно! Есть надо один раз в сутки, около часу дня. Есть надо в компании, а число сотрапезников не должно быть меньше числа граций, коих, как известно, три. Но не более числа муз – которых девять.

Встав рано поутру, в 7 часов, пора на прогулку. Маршрут один и тот же, и в одиночестве, в молчании! Как известно, холодный воздух вреден для костей и суставов. Обыватели Кенигсберга видели Канта и переводили стрелки часов на 7.

Эксцентрично? Но все описанное – только доведенная до предела система жизни образованного немца тех времен. Чудаковатый профессор как одно из воплощений национального духа: наряду с прусским офицером, рукастым добродушным мастеровым, деловитым купцом.

Вообще же, до начала XX века Прибалтика оставалась своего рода немецким заповедником. Немцы составляли до трети городского населения. В Риге еще в 1930-е, когда нанимали няню, требовали от нее знание местных языков: то есть

русского, немецкого, латышского. В Эстляндии (слово, кстати, немецкое), в городе с тремя именами – Дерпт – Тарту – Юрьев, – лекции читались по-немецки. Там готовили профессуру для российских университетов и была проблема изучения языка, на котором велось преподавание. Скажем, у Николая Пирогова, великого врача, такая проблема была!

Что же он совершил, этот, наверное, самый невероятный, причудливый ученый немец из Кенигсберга? За что ему ставят памятники, вешают мемориальные доски и называют его именем аудитории?

Сегодня опубликованную в 1781 году «Критику чистого разума» считают одной из самых фундаментальных, основополагающих работ в философии. Действительно, каковы возможности нашего разума? Где границы познания? О чем мы можем и не можем судить? Кант вводит понятия, которые используются вплоть до нашего времени: «вещь в себе» и «вещь для себя». Пытается осмыслить пространство и время, да и Самого Господа Бога.

Помните шестое доказательство бытия Господнего, которое упоминает Воланд на Патриарших прудах? Доказательство, за которое Иван Бездомный предлагал упечь Канта на Соловки? Вот оно: «Все в мире живет по закону причинности. Человек в мгновения своей свободы не подчиняется этому закону».

Мы подобны лицам дипломатического корпуса: на территории всякого государства только они не подчиняются его законам. Мы в мире обладаем таким же «правом экстерриториальности».

Если человек не подчиняется Основному Закону нашей Вселенной, – мы не являемся ее частью. В материальном мире мы посланцы иного, нематериального мира. В этом нематериальном мире действует не принцип жесткой причинности, а принцип Свободы

и Любви. В мире есть Бытие, которое не подчиняется законам материи. И человек к нему прямо причастен.

И вот главный вывод: мы свободны, а значит, Бог существует.

Заумно? Да, немецкая философия вообще невероятно заумна и много словна. Читатели жаловались на излишнюю сложность книги, затрудняющую понимание идей автора. Чтобы сделать свое сочинение хоть немного понятнее, Кант специально написал «Прелегомены», то есть «введения» «ко всякой будущей метафизике» и выпустил специальную книгу в 1783 году. В 1787 – новое издание «Критики чистого разума» с поправками и комментариями. Все равно получалось длинно, заумно и сложно. Но ведь читали и читают!

Великий философ связывал времена. Еще на Древнем Востоке думали о свободе человека, о границах его познания. Апостол Павел в «Послании к евреям» говорит принципиально то же самое что и Кант: ищущие Града Божьего есть в мире «посланники и пришельцы» (Евр. 11:13–16).

Новые времена – новые формы выражения...

Фома Аквинский в XIII веке вывел пять доказательств бытия Господнего. Кант предлагает шестое, восходящее к Новому Завету!

Гавриил Державин моложе Канта на 19 лет – младший современник. Но в оде «Бог» провозглашает то же, что и Кант: «Я есмь – конечно, есть и Ты!». Ода опубликована в 1784 году... Возможно, Державин читал Канта.

Из поколения в поколение повторяют слова Иммануила Канта: «Две вещи вызывают мое удивление и трепет: звездное небо над головой и моральный закон внутри меня». Порой слова его сильно упрощают: «Две вещи свидетельствуют мне о Боге: звезды надо мной и совесть во мне». Упрощают

потому, что немецкая классическая философия слишком охотно затемняла, усложняла и запутывала. Два века спустя Карл Поппер будет демонстративно сводить две страницы сочинений Гегеля к трем коротеньким абзацам.

Но этими длинными, занудными, порой с трудом понятными текстами закладывалось то, что мы теперь называем «немецкая классическая философия». Фундамент современной европейской философии. Фихте, Шеллинг и Гегель придут позже, опираясь на Канта. Сами немцы, а за ними англосаксы назовут это направление откровеннее и честнее: немецкий классический идеализм. Немцы никогда не спутают нескольких великанов философии ни с близкими к ним Шиллера и Гете, ни с великими последователями – Шубертом и Якоби.

Вот они, отцы-основатели, других не надо. Это они, развивая философскую мысль Европы с античности, первыми поставили вопрос о самой сущности знания: «Что есть знание?»

К сожалению, до сих пор меньше помнят другую работу Канта. «Критику чистого разума» писал почтенный мэтр, достигший возраста первых итогов жизни – шестого десятка. «Критика чистого разума» – плод более чем десятилетнего обдумывания. Несколько месяцев плоды этого обдумывания – заметки, сделанные в разное время, – сводились воедино. Возможно, занудность и сложность вызвана еще и этим...

Книгу «Всеобщая естественная история и теория небес» публикует еще малоизвестный человек тридцати одного года от роду (ученый редко знаменит в этом возрасте). Книга написана явно без такого долгого осмысления, она не собрана из заметок разных времен. Полное название – очень в духе того времени: «Всеобщая естественная история и теория неба,

или Исследование о составе и механическом происхождении всего мироздания, построенное на основе принципов Ньютона».

К названию – верноподданейшее посвящение: «Его Величеству, Могуущественному Королю и Владыке Фредерику, Королю Пруссии, Повелителю Бранденбурга, Лорду Камергеру и Помазаннику Священной Римской Империи, Монарху и Верховному Правителю Силезии, моему Всепочтеннейшему Королю и Государю, посвящаю».

И все же молодой автор предусмотрительно остался анонимным. Причину своей скромности он объясняет очень откровенно: «Я избрал предмет, который как по присущей ему трудности, так и из религиозных соображений, может быть, с самого начала будет встречен большинством читателей с невыгодным для него предубеждением. Открыть то общее, что связывает великие части мироздания во всем объеме его бесконечности, вывести образование небесных тел и происхождение их движений из первоначального состояния природы на основании законов механики – такие намерения, казалось бы, далеко превосходят силы человеческого разума.

С другой стороны, религия угрожает серьезными обвинениями против решимости вывести из природы, предоставленной самой себе, такие последствия, в каких с правом видят непосредственное вмешательство высшего существа, и усматривает в интересе к подобным рассуждениям апологию атеизма.

Я ясно вижу все эти затруднения и, однако, не падаю духом. Я чувствую всю силу противопоставляемых препятствий и, однако, не унываю. Со слабой надеждой я решился на опасное путешествие и уже вижу очертания новых земель. Те, кто имеют смелость продолжить исследование, вступят на эти земли и будут иметь счастье дать им свое имя».

Назовем вещи своими именами: Кант боялся и гнева общества, и гнева Церкви. Ведь он – впервые в истории Новой Европы! – написал историю саморазвития Вселенной.

«Естественную историю», то есть историю материального мира, писал еще Плиний Старший в 77 году н.э. «Естественную историю» писал и Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон, – 36 книг, вышедших в 1749–1788 годах. Но это – о происходящем на Земле.

Кант замахивается на большее. Исаак Ньютон не сомневался: законы Вселенной созданы Господом Богом. Может быть, на Земле что-то и изменялось... но не во Вселенной, раз навсегда устроенной Творцом.

Многие полагают – источником вдохновения Канта была книга английского астронома и математика Томаса Райта (1711–1786) «Теория Вселенной». Теоретически это возможно (книга Райта вышла в 1750-м), хотя маловероятно. Кант по-английски не читал. Книга вышла в Лондоне на английском языке и долгое время на немецкий не переводилась.

Райт и правда обогнал свое время. Он предположил, что Млечный Путь – только одно из скоплений звезд. Что многие слабые туманности, наблюдаемые в тогдашние скверные телескопы, на самом деле представляют собой невероятно далекие галактики – такие же, как наш Млечный Путь.

Существуют ли такие галактики, думали и спорили весь XIX век. Уже в 1920–1921 годах разгорелся знаменитый Большой спор между американскими астрономами Харлоу Шепли (1885–1972) и Гебером Даустом Кертисом (1872–1942). Шепли утверждал, что Млечный Путь – это и есть вся Вселенная. Все остальные туманности – небольшие объекты, лежащие в пределах нашей Галактики.

Так и спорили, пока Эдвин Хаббл (1889–1953) в 1923–1924 годах

не доказал, что отдаленные галактики – это звездные системы, подобные Млечному Пути: на фотографиях отдаленных галактик заметны отдельные звезды. Эдвин Хаббл работал с телескопами, которые отличались от телескопов Райта так же, как верховая лошадь от паровоза, и неопровержимо установил: кроме Млечного Пути в космосе есть много таких же «островов во Вселенной».

И тут – предположение Райта, которое можно считать интуицией, гениальной догадкой, гипотезой, мифом... чем угодно! Ведь Томас Райт писал о том, что человечество наверняка не одиноко: во Вселенной есть множество планет, которые могут быть населены. И пока мы смотрим на «них», они в свои телескопы стараются разглядеть «нас».

Конечно, еще Демокрит всерьез говорил о множестве населенных миров. Порой он, слушая разговоры других граждан города Абдеры, раздражался смехом: вон, в мире множество планет и миров, а эти балбесы спорят о ценах на соленую рыбу! Граждане Абдеры даже послали за знаменитым врачом Гиппократом: проверить не лишился ли ума Демокрит. Гиппократ успокоил сограждан: Демокрит не только психически здоров. Он – один из умнейших людей, каких он только встречал в своей жизни.

Но ведь и гениальные догадки Демокрита, и гипотезы Райта – лишь умозрительные предположения. ЗНАТЬ они ничего не могли – и за отсутствием мощных телескопов, и за тем, что ведь и мы только предполагаем – есть ли во Вселенной другой разум.

Разумеется, существуют сведения о посещении Земли разумными пришельцами из космоса. В числе прочего, известны и очень своеобразные изображения на фресках христианского времени – космических аппаратов и человекоподобных

существ в скафандрах... При достаточном запасе фантазии можно предположить, что Демокрит, Райт... да и Иммануил Кант учились у «зеленых человечков», которые появлялись у них под утро и рассказывали самые невероятные истории. С тем же успехом можно предположить, что Демокрит, Райт и Кант сами были пришельцами.

На существующем уровне знаний мы можем говорить именно о потрясающих догадках.

Уверенно можно сказать одно: если даже книга Райта оказала влияние на Канта, он пошел несравненно дальше. Райт, как и Ньютон, исходил из Божественной причины возникновения Солнечной системы. Господь сотворил космические тела и придал их движению порядок. Как было, так есть с сотворения, так будет до Страшного суда, пока Господь не уничтожит или кардинально не изменит мироздание.

Кант сделал невероятное, фантастическое предположение! Об эволюции материального мира говорили и до него: тот же Бюффон, тот же Ламарк. Но они говорили об эволюции живых организмов! Максимум – об эволюции поверхности Земли.

Кант приписывает Богу лишь создание самой материи и наделение ее наблюдаемыми свойствами. Кант предположил: Вселенная тоже развивалась. Она не всегда была такой, какой мы ее видим. Нет причин полагать, что правила, по которым взаимодействуют небесные тела сейчас, действовали точно так же всегда.

Кант заключает, что пространство, на месте которого ныне находится Солнечная система, могло быть заполнено частицами пыли различной плотности. Сильно разреженная материя составляла так называемый Хаос. Подчиняясь законам механики Ньютона, мелкие пылевые частички Хаоса приходят в движение, постепенно

сближаются. Более тяжелые притягивают более легкие, сгущения растут. Образуется некое ядро – центр притяжения. Падая на него, частицы материи разогревают это ядро. Так и образовались звезды, в том числе Солнце. Около каждой звезды небольшое количество вещества вовлекается во вращение вокруг центрального тела. Так у звезд появлялись планеты, а у планет – спутники.

Происхождение колец Сатурна Кант объяснил слишком быстрым начальным вращением планеты, от которой под действием центробежных сил отделилась часть вещества.

Солнечная система продолжает свое развитие. Рано или поздно все планеты и спутники упадут на Солнце. Солнце вспыхнет еще ярче, станет еще горячее, а остальные тела солнечной системы сгорят или распадутся на мелкие частицы. Все звезды когда-нибудь остынут, но упавшие на них планеты, объединение нескольких звезд, наконец, падение их на центральное мировое Солнце разогреет все вещество и породит новые клубы Хаоса. Кстати, эта часть гипотезы Канта предвосхищает теорию пульсирующей Вселенной Гамова и Гарькавого.

Конечно, теория Канта слишком многого не объясняет, слишком во многом исходит из устаревших представлений. Но это была первая материалистическая теория эволюции Вселенной. Первая гипотеза образования Солнца и планет из туманности, что сегодня почти хрестоматийно.

Во времена Канта были известны шесть планет. Кант высказывает уверенность: за орбитой Сатурна есть еще другие планеты! Уран открыли в 1781 году. Существование Нептуна предполагали давно, но только в 1846 году точно установили, что Нептун – именно планета. Опять догадка, обогнавшая эпоху? Скорее мощная научная интуиция,

умение делать верные выводы из сведений неточных, противоречивых и невнятных. Из этого следует что Иммануил Кант был и неплохим ученым.

Таких звездных систем, как Солнечная система, – огромное количество. Туманности же – такие же точно скопления звезд, как Млечный Путь. Вокруг многих звезд вращаются планеты, ничем не лучше и не хуже Земли.

В третьей части своего сочинения Кант уверяет – разумная жизнь существует не во всем космосе, но большинство планет обитаемы. Кант сомневался в том, что бессмертная душа остается в одной точке бесконечного пространства. Новые планеты, по его мнению, могут образовываться в том числе и как место для переселения душ.

Порой мы не менее наивны, хотя кажемся себе несравненно умнее и искушеннее Канта.

Несколько десятков экземпляров разошлись, почти не сделав автору имени... Жизнь не всегда справедлива. Книга «Всеобщая естественная история и теория небес» была опубликована по настоянию друзей, в том числе и фон Хюльсенов. Друзья высоко ставили Канта. Они были уверены, что книга сделает его знаменитым. Книгу прочитает король Фридрих II, обеспечит новый тираж, озолатит автора, даст ему пожизненный пенсион...

Кант все же побоялся ставить свое имя на обложке. Оказалось, напрасно – книга прошла незамеченной. Для начала – разорился издатель, большая часть тиража продали «на бумагу». В передовое сочинение об устройстве Вселенной стали заворачивать селедку. Несколько десятков экземпляров продали в 1760-е, но к тому времени, в 1761 году, вышла книга «Космологические письма» Иоганна Генриха Ламберта (1728–1777). Не стану подробно излагать фрактальную теорию Ламберта,

но многие идеи Канта он явно воспроизводил... Самое же интересное – ничего о работе Канта Ламберт не знал. Вообще.

Кант переписывался с Ламбертом, и был чрезвычайно высокого мнения о его уме. Он был очень огорчен ранней смертью Иоганна Генриха – тот, похоже, «переработал» – надорвался и умер в возрасте 49 лет 25 сентября 1777 года от «полного истощения всех сил». Для Канта Ламберт был гением, на которого он смотрел снизу вверх. Кант для Ламберта был подающим надежды домашним учителем Хюльсенов, чьи книги вообще читать необязательно, а тем более какие-то анонимные сочинения, проникнутые духом вольнодумия и атеизма.

Да и вообще – кто такой Кант? Даже не ординарный профессор – то есть не профессор, заключивший договор с университетом или с правительством Пруссии. Так, почти частное лицо. Совсем другое дело Пьер-Симон, маркиз де Лаплас (1749–1827)! Сын мэра города, преподаватель Военной академии, потом ряда Высших школ и университетов. Член шести академий наук и королевских обществ, в том числе Петербургской. Всегда занимавший высокие должности, личный приятель Наполеона. Когда Бонапарт, обсуждая систему мира, спросил, какое же место занимает в ней Бог? Лаплас ответил:

– Ваше Величество я не нуждаюсь в этой гипотезе.

Наполеон мило улыбнулся, – видимо, ничего не имел против.

Судя по всему, математик, физик и астроном маркиз де Лаплас ничего не знал о теории Канта. Кант писал о холодном Хаосе, а Лаплас в 1796 году в «Изложении системы мира» писал об изначально горячей газовой-пылевой туманности.

В 1799 году начала выходить другая книга Лапласа: «Небесная механика» – сам этот термин

ввел Лаплас. Работа над книгой продолжалась 26 лет: том III вышел в 1802 году, том IV – в 1805-м, том V – в 1823–1825 годы. Книга сделала автора знаменитым – ясное изложение, без лишних формул, доступно любому образованному человеку. Только при жизни автора книга переиздавалась четыре раза и была переведена на несколько языков.

В наше время говорят о двух теориях: «горячей» Лапласа и «холодной» теории Канта. Часто ее называют «небулярной», то есть «туманной». Слово восходит к латинскому *nebularis* – «туманный, дымчатый, облачный». Но тогда Кант проиграл: шумную известность приобрела гипотеза знаменитого Лапласа, а не безвестных Канта и Ламберта.

Фридрих II умер в 1786 – книги Канта он так и не увидел.

Что тут сказать? Идея эволюции Вселенной носилась в воздухе. Как и во многих других случаях, новую гипотезу высказали несколько человек, вполне независимо друг от друга. Так и теорию происхождения видов Дарвина формулировало до пяти авторов... На пьедестале есть место только для одного. Этот один и входит в историю, как автор новой научной парадигмы или направления в науке.

Канту еще повезло, что он создал «холодную» гипотезу: теперь упоминаются два имени. Будь его гипотеза «горячей», имя Канта окончательно утонуло бы в имени Лапласа. Кант никогда не исправлял и не дополнял свою космологическую гипотезу. Не придавал ей большого значения? Не считал важной? Или признал, что не сумел ее прокричать достаточно громко?

Он еще много писал о многом. О неравенстве человеческих рас. О вечном мире, который когда-нибудь будет доступен путем демократии и международного сотрудничества. О сущности человека,

религии, гениальности и способности критиковать окружающее, о нравах общества и их улучшении. А в 1798 году в «Антропологии с прагматической точки зрения» расположил свои идеи по трем разделам в соответствии с тремя способностями человека: познание, чувство удовольствия и неудовольствия, способность желать. Кант утверждал, что человек – это «самый главный предмет в мире», потому что у него есть самосознание.

Человек и его личность – это высшие ценности. Самосознание порождает эгоизм как природное свойство человека. Человек не эгоистичен только тогда, когда видит свое «я» частью общего. Вывод очевиден: нужно воспитывать человека, и философия помогает ему включать себя в более значительные общности. Осознание, что «я» – далеко не весь мир, помогает обуздывать эгоизм, контролировать разумом душевные проявления личности. Человек может быть «вещью в себе», не осознавая своей природы. Может иметь неосознанные «темные» представления. Рождение творческих идей протекает тогда во мраке, сам же человек знает об этом только на уровне ощущений. Зато как легко, как прекрасно человеку, если он станет «вещью для себя», осознавая себя и свои стремления! Если он поймет, что ему даны таланты и что он может ими осознанно пользоваться. Ведь «гений – это талант изобретения того, чему нельзя учить или научиться».

... Интересно, относил ли Кант собственное учение к себе? Наверное, он стал «вещью для себя», осознавая свою ипохондрию, выстраивая систему собственной жизни. Но стал ли он «вещью для себя», проявляя свой «талант к изобретению»? И еще... что чувствовал, о чем думал Кант, постукивая палочкой во время своей утренней прогулки?

О СУДЬБЕ ОДНОГО ПОРТРЕТА

История русского философа-кантианца и подаренного ему портрета Иммануила Канта

ВАРВАРА ПОПОВА,

доктор философских наук, профессор Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта

Фигура Иммануила Канта имела огромное значение для научной, философской и образовательной жизни России. Здесь особо стоит упомянуть о том периоде, когда происходило становление самостоятельной университетской философии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Этот процесс поиска русской философией собственной идентичности, самобытности и оригинальности во многом происходил через своеобразное «преодоление» идей Канта.

Как отмечают историки философии: «В России такое преодоление пошло двумя путями: первый путь – это неокантианское истолкование Канта с отрицанием “вещи в себе” как объективной реальности, второй – расширение границ опыта, которое позволило бы непосредственно увидеть трансцендентную реальность. Идя по этим путям, русская мысль проходила проверку критической мыслью, закаляясь в горниле философского учения Канта»*.

Кант стал своего рода символом для ряда философских направлений в России.

Портрет Иммануила Канта работы Карла Бауэра.

Фото В.Е.Маркова

Наш рассказ следует начать с представления русского авторитетного ученого и педагога Александра Ивановича Введенского (1856–1925). Петербургский университетский философ, которого по праву многие называли «заместителем» Канта в России и правоверным кантианцем, оказал огромное влияние на учеников и современников, популяризировал идеи Канта, яростно отстаивал верность их истолкования и ценность для философской и духовной жизни общества в целом.

Будучи авторитетным учителем, Введенский внушил поколению своих учеников мысль об огромном значении идей Канта, о необходимости принимать его в расчет, какие бы вопросы их ни волновали. Следует упомянуть, что Введенский сам был частью интеллектуальной традиции восприятия Канта в России. Он был выпускником Санкт-Петербургского университета, учеником профессора Михаила Ивановича Владиславлева, который в 1867 году осуществил первый перевод «Критики чистого разума» на русский язык. Кроме этого, по окончании университета Введенский проходил в 1885–1887 годах научную

стажировку в Германии, где слушал лекции в Лейпциге, Берлине, посещал занятия у Куно Фишера в Гейдельбергском университете. Эта поездка, погружение в неокантианскую идейную атмосферу укрепили философские предпочтения Введенского. Его выбор окончательно и бесповоротно был сделан в пользу критической философии Канта. А интерес к ней, вероятнее всего, зародился у Александра Ивановича еще на семинарах профессора Владиславлева.

В 1887 году по возвращении из-за границы Введенский стал приват-доцентом кафедры философии историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Он был привлечен к чтению многих курсов и одновременно готовился к защите магистерской диссертации, которая состоялась в мае 1888 года и, конечно же, была связана с кантовской проблематикой («Опыт построения теории материи на принципах критической философии»).

Следующий этап жизни Введенского тесно связан с его педагогической деятельностью. Он читал курсы по логике, истории философии, философии и психологии почти во всех крупных учебных заведениях северной столицы: в Санкт-Петербургском университете, в Историко-филологическом институте, на Высших женских историко-литературных и юридических курсах (Бестужевских), в Женском педагогическом институте, Александровской военно-юридической академии, а также в ряде гимназий.

Введенский пользовался уважением и популярностью в студенческой среде. По воспоминаниям учеников, он обладал способностью создавать атмосферу свободного размышления на практических занятиях, не подавлял учеников своими знаниями и авторитетом, не навязывал своей точки зрения. Он учил критически мыслить в соответствии с подходом самого Иммануила Канта. Эту школу Введенского прошли многие выдающиеся русские мыслители: Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, С. И. Поварнин, С. О. Грузенберг, С. И. Гессен, Н. В. Болдырев, К. Ф. Жаков, М. М. Бахтин и многие другие.

С 1890-х годов Введенский становится заведующим кафедрой философии, получает звание экстраординарного профессора, руководит философским обществом

при Санкт-Петербургском университете (с 1897 г.), ведет серьезные научные дискуссии с коллегами. Выходят важнейшие его работы, которые зарекомендовали ученого как последовательного приверженца философской системы Канта. Важно отметить, что учебник А. И. Введенского «Логика для гимназий с дополнениями для самообразования» в 1910 году был удостоен премии имени Петра Великого, учрежденной Министерством народного просвещения, и выдержал неоднократные переиздания. А в 1912 году за выдающиеся заслуги Александру Ивановичу присваивается звание заслуженного профессора Санкт-Петербургского университета.

Для нашего небольшого рассказа, связанного с именем Канта, важны эти заслуги русского философа-кантианца Введенского. И вот почему. Все его успехи, достижения и открытия вызывали огромное уважение учеников и коллег, даже категорически не согласных с идеями профессора.

17 февраля 1913 года в научных кругах Санкт-Петербурга отмечалось 30-летие научно-педагогической деятельности А. И. Введенского. Среди многих проникновенных слов и подарков особенно созвучен всем устремлениям, делу жизни юбиляра был большой литографический портрет Иммануила Канта работы Карла Бауэра. На этом портрете в знак уважения и признательности оставили свои подписи многие известные русские ученые, его ученики, друзья и почитатели Введенского, как было обозначено в дарственной надписи. Среди них: философ-интуитивист Н. О. Лосский, русские неокантианцы И. И. Лапшин, В. Э. Сеземан, Б. В. Яковенко, русские религиозные философы С. А. Франк и Л. П. Карсавин, философ-правовед С. И. Гессен, историк философии и критик С. О. Грузенберг, логик и специалист

по теории спора С. И. Поварнин, философы С. А. Аскольдов (Алексеев), А. А. Крогиус, К. Ф. Жаков, Б. П. Вышеславцев, Ф. А. Степун и др.

Со дня этого знаменательного события портрет, пережив вместе с семьей Введенского многие драматические события, по сей день бережно хранится потомками профессора в семье его внука – Ильи Михайловича Лихарева.

История русского философа-кантианца и подаренного ему портрета Иммануила Канта приводит нас к героическим и трагическим судьбам его потомков, сохранившим портрет.

У Александра Ивановича было три внука. Илья Михайлович Лихарев родился в 1917 году, стал крупным ученым-зоологом, работал в Зоологическом институте РАН. Он прошел Великую Отечественную войну, был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, а также медалями «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией». Получил тяжелое ранение под Сталинградом, но выжил. После войны всю жизнь проработал на благо отечественной науки.

Средний внук Введенского Андрей Михайлович Лихарев в 1941 году ушел на фронт, попал в плен и погиб в концлагере на территории Финляндии. Младший из внуков Вадим Михайлович пережил блокаду Ленинграда, был призван на фронт и погиб от смертельного ранения при взятии Берлина.

В 2012 году с разрешения семьи портрет Канта был сфотографирован для книги «Неокантианство в России. Александр Иванович Введенский. Иван Иванович Лапшин» (2013 г.), тем самым став известным интересующейся общественности и явившись зримым напоминанием о том, что Кант неизбежен для русского человека. Особенно когда он не абстрактен, а глубоко связан с личной историей и судьбой.

* Ермичев А. А., Никулин А. Г., Введенский А. И., Лосский Н. О.: критицизм и интуитивизм в Санкт-Петербургском университете // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин. М.: РОССПЭН, 2013. (Сер.: Философия России первой половины XX века). С. 112.

«ДАЙТЕ МНЕ МАТЕРИЮ, И Я ПОКАЖУ, КАК ИЗ НЕЕ ДОЛЖЕН ВОЗНИКНУТЬ МИР»

Почти все направления современной философии так или иначе восходят к Иммануилу Канту

ОКСАНА ОЧКУРОВА,
автор книги «50 гениев, которые изменили мир»

Портрет Иммануила Канта работы Карла Верне. 1795

Немецкий мыслитель XVIII века, родоначальник немецкой классической философии, примиривший эмпиризм и рационализм, разграничивший области знания и веры. Профессор университета в Кенигсберге, иностранный почетный член Петербургской Академии наук. Автор космогонической гипотезы происхождения солнечной системы из первоначальной туманности, провозгласивший: «Дайте мне материю, и я покажу, как из нее должен возникнуть мир». У Канта нет иной биографии, чем история его учения, ведь жизнь философа – это

написанные им книги, а самые волнующие события в ней – его мысли. Почти весь свой век Иммануил Кант прожил в одном

городе – Кенигсберге и никогда не покидал пределов Восточной Пруссии. Он не искал славы, не добивался власти, не знал ни деловых,

ни любовных тревожений. Он даже не был женат. Его внешняя жизнь текла размеренно и однообразно, может быть, даже монотоннее, чем у людей такого рода занятий. Чего не скажешь о жизни внутренней, о жизни его духа. Здесь происходили удивительные свершения. Рождались дерзновенные идеи, крепили, вступали в единоборство с другими, гибли или мужали в борьбе. Мысль ученого скиталась по континентам, то устремляясь за пределы Земли, то проникая в глубь человеческой души.

Иммануил Кант в жизни и творчестве являет собой редкий

пример счастливого человека. Обладая абсолютной свободой духа, он подчинил свое физическое существование одной цели, одному

идеалу – поискам бессмертной истины бытия. Да и разве мог считать себя несчастливый, мог ли пожаловаться на какие-то немилости судьбы мыслитель, вдохновенно открывший чудо небесного и земного мира. <...>

Почти все направления современной философии так или иначе восходят к Канту. Несмотря на то что его идеи подверглись трансформации, они продолжают жить и сегодня. Знакомство с учением Канта – хорошее начало для изучения философии вообще. Он приучает мыслить самостоятельно. Хотя читать его трудно, а понимать – еще труднее. Но понятая мысль радует и возвышает. Игра стоит свеч, затраченное интеллектуальное усилие вознаграждается сторицей. У иного автора «разденешь» фразу, освободишь от словесных хитросплетений, и перед тобой банальность, а то и вообще ничего нет. У Канта же трудность изложения всегда связана со сложностью проблемы, с тем, что ему первому пришлось к этой проблеме прикоснуться. А о простых вещах он говорит просто, порой блистательно. <...>

В 1730 году шестилетний Кант поступил в начальную школу, а спустя два года его отдали в государственную церковную гимназию Фридрихс-коллегиум на латинское отделение. Основными предметами там были латынь и богословие, обязательно было также изучение греческого и древнееврейского языков, проводились факультативные занятия по математике, музыке, изучались французский и польский языки. Благодаря природным способностям и прилежанию Иммануил считался одним из лучших учеников коллегии.

Родители Канта и пастор Франц Альберт Шульц, исполняющий обязанности директора гимназии, хотели, чтоб мальчик стал священником. Но под влиянием преподавателя латинского языка Генденрейха

Иммануил увлекся античной поэзией и филологией и осенью 1740 года поступил в Кенигсбергский университет.

До сих пор точно неизвестно, на каком факультете он учился, так как в сохранившихся списках студентов на это нет указаний. В университете существовало четыре факультета, три из них – богословский, медицинский и юридический – относились к «высшим», а философский – к «низшим».

Согласно приказу Фридриха Вильгельма I студенты могли числиться только на одном из высших факультетов, так как «солдатскому королю» нужны были прежде всего грамотные служащие, к философии же он относился достаточно скептически. Первые биографы Канта полагали, что он выбрал теологию, однако, проанализировав перечень предметов, которым будущий ученый уделял наибольшее внимание, можно сделать вывод, что он, вероятнее всего, учился на медицинском факультете.

Гимназическое увлечение филологией сменилось интересом к физике и философии. Сильное влияние на становление Канта в этот период оказал профессор Мартин Кнутцен. От него молодой человек впервые услышал имя Ньютона и под его

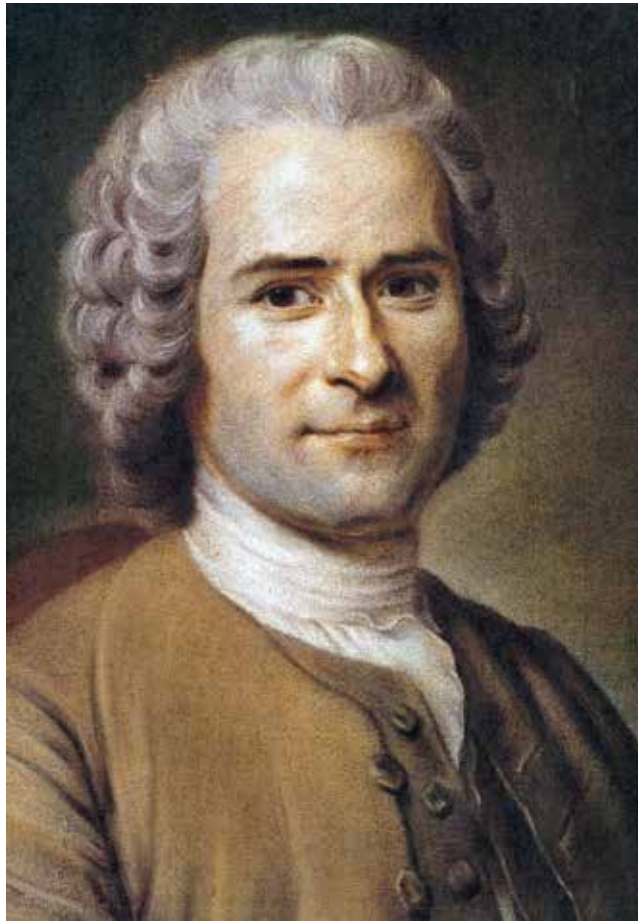

Обложка немецкого издания первого труда И. Канта

руководством на четвертом году обучения принялся за первое самостоятельное сочинение по физике.

Работу «Мысли об истинной оценке живых сил» Иммануил писал три года. И хотя это сочинение не принесло ему известности и уступает по масштабу более поздним трудам, в нем уже проявилась характерная черта всей философской доктрины Канта – стремление к истине со склонностью к разумным компромиссам в случае, если имеются две крайние точки зрения.

В 1747 году, так и не защитив магистерской диссертации, студент покинул родной город и отправился

Жан-Жака Руссо стал для Канта, по его собственному признанию, «вторым Ньютоном»

на заработки. В провинции он служил домашним учителем последовательно в трех семьях: деревенского пастора, богатого помещика и графа. Здесь, в прусском захолустье, Кант приобрел педагогические навыки, прошел школу житейского опыта.

К этому периоду относится его статья по астрономии «Космогония, или Попытка объяснить происхождение мироздания, образование небесных тел и причины их движения общими законами развития материи в соответствии с теорией Ньютона». Работа была написана на конкурсную тему, предложенную Прусской академией наук, но молодой ученый не решился принять участие в конкурсе, и она увидела свет только в 1754 году после

из гамбургских изданий на него появилась положительная рецензия.

В это время Кант, уже имея некоторую известность в ученых кругах Пруссии, все еще числился студентом, прослушавшим курс лекций в высшем учебном заведении, но не завершившим должным образом свое образование. За годы работы домашним учителем он скопил небольшую сумму, необходимую для начала академической карьеры. В апреле 1755 года Кант подал на философский факультет Кенигсбергского университета магистерскую диссертацию «Об огне», через месяц сдал устный экзамен, и 12 июня был возведен в ученую степень. Но для того чтобы получить право читать лекции, молодому философу предстояло пройти

защиту специальной диссертации в публичном диспуте. Эта работа Канта называлась «Новое освещение первых принципов метафизического познания». Защитив ее, он получил звание приват-доцента, т.е. внештатного преподавателя, труд которого оплачивался самими студентами. В первую свою университетскую зиму Иммануил читал логику, математику, метафизику, естествознание. Затем к ним прибавились физическая география, этика и механика. Преподавание поглощало все время и силы философа, но безбедное существование теперь было обеспечено.

Значительное влияние на жизнь и творчество Канта оказала война Пруссии с Францией, Австрией и Россией. В этой войне пруссаки потерпели поражение, и Кенигсберг на некоторое время стал русской территорией. В январе 1758 года город присягнул на верность императрице Елизавете Петровне, вместе с преподавателями университета принес присягу и Иммануил. Война практически не затронула мирное население, и учебный процесс в университете не прерывался. Просто к обычным лекциям прибавились еще и занятия с русскими офицерами. Известно, что Кант читал для них фортификацию и пиротехнику. <... >

В декабре 1758 года умер профессор философии Кенигсбергского университета Кипке. На освободившееся место претендовали пять человек. Среди них был и Кант, выставивший свою кандидатуру по настоянию его давнего покровителя – пастора Шульца, который стал к тому времени профессором богословия и ректором университета. Из пяти кандидатов академический совет выбрал двух – математика Бука и Канта. Однако окончательно вопрос о вакансии был решен не в пользу философа. Оплачиваемое место получил Бук, который был старше по возрасту и имел

большой преподавательский опыт. Весьма вероятно, что на выбор совета повлияло и другое обстоятельство. Некий Андрей Болотов, занимавший в то время ответственное положение в губернской канцелярии, проявлял живой интерес к философии и был ревностным сторонником учения Крузия. Кант же слылся явным антикрузианцем. Вполне вероятно, что Болотов, имевший возможность повлиять на решение данного вопроса, предпочел передать кафедру философии равнодушному к острым мировоззренческим проблемам математику.

1762 год стал переломным для философа. Принято считать, что важнейшую роль в новых исканиях Канта, которые в дальнейшем привели к созданию его критической философии, сыграло знакомство с творчеством Жан Жака Руссо. Французский мыслитель стал для Иммануила, по его собственному признанию, «вторым Ньютоном». Помимо Руссо, Кант впоследствии называл еще и Д. Юма в качестве мыслителя, который «помог ему пробудиться от догматического сна». Руссо повлиял на Канта как человека и моралиста, Юм подтолкнул его к новым теоретико-познавательным поискам, пересмотру метафизических догм, формированию новой теории познания.

В 1764 году Канту исполнилось сорок лет. К этому времени он уже приобрел известность, уважение коллег и студентов. Хорошо расходились и его книги, а недавно написанные «Наблюдения над чувством возвышенного и прекрасного» принесли ему славу модного автора. Но Иммануил все еще оставался приват-доцентом, не получая от университета ни гроша. Пополнять бюджет приходилось, подрабатывая помощником библиотекаря в королевском дворце, а также находя другие небольшие заработки. С годами его имя становилось

все более известным, у него появилась возможность получить место в других университетах (Эрлангенском и Йенском), и только родной Кенигсбергский университет по-прежнему отказывал Канту в профессорстве.

В Берлине понимали неестественность подобной ситуации, и наконец в марте 1770 года сбылась главная мечта ученого: специальным указом короля он был назначен ординарным профессором логики и метафизики. В этом звании Кант оставался даже тогда,

когда его работы принесли ему всемирную славу, а Кенигсберг стал Меккой для студентов-философов. Чтобы изменить свое положение, ученому необходимо было защитить профессорскую диссертацию. Новая работа называлась «О форме и принципах чувственного воспринимаемого и интеллигибельного мира». После защиты этой диссертации Кант уже почти ничего не печатал, посвящая все свободное время книге «Критика чистого разума». Этот фундаментальный труд вышел в 1781 году и стал вершиной не только немецкой, но и мировой философии.

Согласно теории Канта, ни один из источников познания – чувственность, рассудок и разум – не может быть свидетельством достоверного знания вещей. Рассудочные понятия, или категории, не применимы к сверхчувственным вещам. А если

Иммануил Кант называл Дэвида Юма мыслителем, который «помог ему пробудиться от догматического сна»

это так, то их «невозможно не только познать, но и помыслить». Так возникла «вещь в себе», недоступная нашему познанию.

Как же в таком случае все-таки воспринимается вещь? А суть в том, объяснял Кант, что между «вещью в себе» и разумом стоит понятие об этой вещи или явление. Оно-то и помогает связать воедино представление человека о мире. Знание ограничено, но зато имеется вера. Вещь непознаваема, но есть ее явление. Отсюда следовали далеко идущие выводы: человек одновременно и свободен (как субъект непознаваемого мира), и несвободен (как существо в мире явлений, от них зависящее). Бог недоказуем (для знания) и в то же время существует (как источник морального закона). Так великий диалектик создавал свою «философскую вселенную» со своими же законами. И с тех пор никто из философов

Иммануил Кант (крайний справа) в арьергарде конной статуи Фридриха Великого. Скульптор: Кристиан Даниэль Раух. 1851

не мог обойти эти законы, вне зависимости от того, соглашался ли он с ними или отрицал их.

Весной 1784 года Кант отметил свое 60-летие, которое застало его в расцвете духовных сил. Одна за другой появлялись книги, статьи, рецензии. К ученому наконец-то пришла настоящая слава. Что касается личной жизни философа, то она протекала крайне однообразно. Долгие годы он наслаждался общением с близкими ему по духу людьми, встречавшимися в доме английского коммерсанта Мотерби, однако при этом всегда следовал собственному строгому распорядку. В своих заметках о Канте немецкий поэт Генрих Гейне отмечал: «Он жил механически размеренной, почти абстрактной жизнью

холостяка в тихой, отдаленной улочке Кенигсберга... Не думаю, чтобы большие часы на тамошнем соборе бесстрастнее и равномернее исполняли свои ежедневные внешние обязанности, чем их земляк Иммануил Кант. Вставание, утренний кофе, писание, чтение лекций, обед, гуляние – все совершалось в определенный час, и соседи знали совершенно точно, что на часах половина четвертого, когда Иммануил Кант в своем сером сюртуке с камышовой тросточкой в руке выходил из дому и направлялся к маленькой липовой аллее, которая в память о нем до сих пор называется философской дорожкой».

Великий философ был человеком небольшого роста и тщедушного телосложения. Старый холостяк,

«не от мира сего». По природе он был общителен, по воспитанию и образу жизни – галантен.

В 1787 году «Критика чистого разума» была издана повторно. Тем временем Кант был избран ректором университета, а Берлинская академия наук пожизненно включила его в число своих членов. В эти годы философ уже не мог пожаловаться на невнимание к своему труду. Однако его идеи, как и прежде, далеко не всегда понимали. Одна за другой появлялись уже не статьи, а целые книги, направленные против него. Его обвиняли в скептицизме и субъективном идеализме. Сам Кант лишь в редких случаях отвечал оппонентам, тем более что перед ним открылась перспектива изучения этики – предмета, вокруг

которого давно спорили великие философы и к которому он сам стремился много лет. В этой области заслуги Канта не менее велики, чем в гносеологии.

Первое систематическое изложение этики Кант предпринял в книге «Основы метафизики нравов», которая увидела свет в 1785 году. В ней он стремился показать единство нравственности и науки. Спустя три года вышла «Критика практического разума». В этих двух работах были изложены лишь начала кантовского учения о нравственности. Только в преклонном возрасте философу удалось создать труд, где его этика предстала в завершенном виде, – «Метафизику нравов». Ученый утверждал принципиальную самостоятельность нравственных принципов: «добро есть добро, даже если никто не добр». Философский анализ нравственных понятий свидетельствовал о том, что они не выводятся из опыта, они изначально заложены в разуме человека.

В апреле 1794 года Канту исполнилось семьдесят. Юбилейных торжеств не было, поскольку в этот период философ вступил на путь конфронтации с прусскими властями. Причиной послужило написание ряда статей, в которых автор иронизировал по поводу догматов церкви. Новый король Фридрих Вильгельм II не терпел вольнодумства. Прежний девиз «Рассуждайте, но повинуйтесь» уступил место более привычному – «Повинуйтесь, не рассуждая». Тем не менее накануне своего юбилея Кант опубликовал статью «Конец всего сущего», которая стала последней каплей, переполнившей чашу терпения властей. Поползли слухи о готовящейся расправе над философом. Несмотря на это, летом того же года Российская академия наук избрала его своим членом.

Рекомендовал Канта географ И. И. Георги, превозносивший не только «Критику чистого разума», но и «Физическую географию», тогда еще не опубликованную и известную лишь как лекционный курс. Вполне возможно, что философ получил одобрительные слова из Петербурга одновременно с окриком, следовавшим из Берлина. Прусское правительство долго ломало голову над тем, как наказать всемирно известного ученого и не угодить при этом в глупое положение. Наконец форма взыскания была найдена: в октябре 1794 года Кант получил выговор от короля, но никто об этом не узнал, так как королевский указ не был обнародован, а пришел как частное письмо. Отказываться от своих взглядов было не в правилах Канта, оказывать сопротивление – было ему не по силам. На случайно подвернувшемся клочке бумаги он сформулировал единственно возможную тактику своего поведения: «Отречение от внутреннего убеждения низко, но молчание в случае, подобном настоящему, является долгом подданного; если все, что говоришь, должно быть истинным, то не обязательно гласно высказывать всю истину». К этому времени относится и знаменитое высказывание философа: «Дольше всего живут тогда, когда меньше всего заботятся о продлении жизни».

Достигнув 75-летнего возраста, он почувствовал упадок сил, значительно сократил количество лекций, последнюю из которых прочитал 23 июня 1796 года. В ноябре 1801 года Кант окончательно расстался с университетом. Его проводили на покой, полностью сохранив жалование. С этого момента ученый почти не выходил на улицу и не принимал посетителей. Вскоре ему стало трудно ходить без посторонней помощи. В октябре 1803 года состояние философа резко ухудшилось,

он практически полностью потерял слух. В начале февраля следующего года он перестал принимать пищу и 12 февраля умер.

Еще в 1799 году Кант распорядился относительно собственных похорон. Просил, чтобы состоялись они на третий день после кончины и были по возможности скромными: «Пусть присутствуют только близкие и друзья, а тело предадут земле на обычном кладбище». Получилось иначе. С гениальным мыслителем прощался весь город. Доступ к покойному продолжался 16 дней; за гробом, который несли 24 студента, шел строем весь офицерский корпус гарнизона и тысячи сограждан. Похоронили Канта в профессорском склепе, примыкавшем к кафедральному собору Кенигсберга с северной стороны.

Иммануил Кант традиционно считается «родоначальником немецкой классической философии». Его труды положили начало знаменательной традиции в европейском духовном развитии, суть которой состоит в том, что каждый дальнейший шаг вперед рассматривается как переосмысление накопленного теоретического богатства, которое бережно хранится, но не превращается в предмет безоговорочного поклонения.

Канта принято сравнивать с Сократом, ибо философия его вечна. Эллинский мудрец впервые низвел философию с небес, утвердил на земле, отвлекся от космоса и занялся человеком. Для Канта также проблема человека всегда стояла на первом месте. Он не забывал и о Вселенной, но главное для него было – человек. Немецкий философ размышлял о законах бытия и сознания с одной только целью: «чтобы человек стал человечнее», чтобы жилось ему лучше, чтобы не лилась его кровь. Девиз Канта «Если ты не повелеваешь своей натурой, она повелевает тобой!» остается актуальным для всех поколений.

ГАМАН И КАНТ

По мысли Канта, человек – «единственное разумное существо на земле» – имеет задатки, полное развитие которых должно привести его к совершенству разумности

АЛЕКСЕЙ ЛЫЗЛОВ,

кандидат психологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Религия Откровения против религии Разума... Этому был посвящен напряженный полемический диалог двух замечательных уроженцев Кенигсберга.

Иоганн Георг Гаман (1730–1788) – одна из самых ярких фигур в немецкой философии XVIII века. Мыслитель, которого великий Гете считал «самой светлой головой своего времени»; идейный вдохновитель литературного течения «Буря и натиск»; опередивший свое время острый критик философии Просвещения; предтеча экзистенциальной философии С. Кьеркегора и философии языка М. Хайдеггера; а в личном общении – прямой и открытый человек, относившийся к себе очень просто и иронично.

Гаман странным образом оказался верен себе и после смерти, сумев при всей своей гениальности и философской значимости остаться практически неизвестным широкой публике. Последнее объясняется прежде всего сложной устроенностью его работ. Упрекая французских просветителей в том, что они соблазняют многих из своих читателей встать в ряды их сторонников, пленившись эффективностью стиля и не удосужившись самостоятельно проверить их мысль, Гаман пишет

Портрет И. Канта работы Й. Л. Рааба (по картине Деблера). 1791

так, чтобы исключить такую возможность, делая понимание своих текстов крайне трудной задачей.

С Иммануилом Кантом Гаман – тоже, как и Кант, кенигсбергца – связывает история многолетних отношений. В личном плане мыслители симпатизировали друг другу, но в плане идейном между ними существовало принципиальное расхождение, коренившееся в различии их религиозных позиций. Гаман – христианин, убежденный в том, что Бог непосредственно

участвует в жизни Своего творения и способен лично наставить человека на путь. Для Канта же Бог – не знаемый в личном общении, но лишь мыслимый Творец, который, если Он существует, наделил человека разумом, каковым человеку и следует руководствоваться в своей жизни.

Личное общение Канта и Гамана началось, по всей видимости, летом 1756 года, но завязка полемического диалога мыслителей имела место тремя годами позже, в 1759 году, и была связана с произошедшим весной 1758 года событием, по сути определившим дальнейшую судьбу И. Г. Гамана как мыслителя и человека, – религиозным обращением, которое пережил Гаман в Лондоне, где он

оказался с поручением от своего университетского друга Кристофа Беренса, крупного коммерсанта. Выполнить порученное Гаману не удалось в силу объективных причин: он связался с сомнительной компанией, потратил все деньги и был вынужден ждать, пока Беренс пришлет ему средства на обратную дорогу. Будучи в тяжелом душевном и физическом состоянии, Гаман решает перечитать Библию, кстати оказавшуюся в его распоряжении. Это чтение совершило в нем

решительный переворот. Хотя он и до этого читал текст Библии, теперь с его ума и сердца словно бы снято покрывало, мешавшее ему воспринять слово Божие в его силе и действительности. Гаман «сходит во ад самопознания» и одновременно находит себя как мыслителя-христианина. Читая Библию, Гаман начинает записывать мысли, пробуждаемые в нем этим чтением, результатом чего становится ряд работ, известных сегодня как «Лондонские тексты» мыслителя.

По возвращении Гамана из Лондона между друзьями происходит размолвка: Беренс, державшийся просветительских взглядов, полагает, что его друг впал в нездоровую религиозную экзальтацию на фоне тяжелых душевных переживаний. Все попытки Гамана убедить друга в неверности такой трактовки оказываются безуспешны. Гаман уезжает в родной Кенигсберг.

Однако Беренс не оставляет намерения вернуть Гамана к тому, что представляется ему здравомыслием. Спустя некоторое время, летом 1759 года, Беренс приезжает в Кенигсберг и, взяв в компаньоны Канта, приглашает Гамана отужинать в одном из пригородных ресторанов. Состоялась трудная для обеих сторон беседа, в которой каждый остался верен своим убеждениям. Через несколько дней Беренс и Кант наведались к Гаману домой, но и этот их визит не побудил Гамана изменить свои взгляды. При этом Гаман, с большой горечью воспринимая отношение к нему Беренса, в Канте увидел потенциального собеседника.

После визита Канта и Беренса, Гаман пишет Канту письмо, в котором открыто объясняет свое отношение к Беренсу и к попыткам последнего повлиять на его взгляды, а также отвечает отказом на предложение Канта перевести пару статей из французской Энциклопедии, крайне критически

оценивая статьи, предложенные ему для перевода. Развернутый же ответ Канту и Беренсу Гаман даст в своей первой предназначенной им для печати книге «Сократические достопамятности» (*“Sokratische Denkwürdigkeiten”*), которая вышла в декабре того же года. Но еще до выхода книги Кант приглашает Гамана написать вдвоем учебник физики для детей. Гаман откликается на это предложение с интересом, но одновременно и с ясным осознанием того, сколь радикально он расходится с Кантом во взглядах на природу и, соответственно, в понимании задач такого учебника.

Идея написания учебника физики для детей возникла у Канта в связи с его несогласием с подходом к преподаванию физики детям, предложенным французским историком и педагогом Шарлем Ролленом (1661–1741), чей учебник вышел в переводе на немецкий язык. Излагая физику детям, Роллен следует библейской истории творения, стремясь пробудить в них интерес к природе и восхищение ею. По мысли Роллена, это должно подготовить детей к тому, чтобы впоследствии с интересом воспринять физику и в ее «взрослом», т.е. научном, формате. Канту такое разделение «детской» и «взрослой» физики представляется неправомерным, он полагает, что и в изложении физики для детей сразу следует опираться на достижения физической науки.

Утверждая приоритет научного познания мира над библейской историей творения, Кант в ранний период своего творчества предполагает в то же время и возможность «физикотеологии», т.е. познания Бога через рассмотрение природы. Порядок и согласованность, обнаруживаемые в природе прежде всего посредством ее научного изучения, по мысли раннего Канта, могут рассматриваться как основание для

утверждения существования разумного Творца Вселенной.

Начав общаться с Кантом по поводу написания учебника, Гаман сразу же обращает внимание на то, чего Кант не замечает: человек присутствует в природном мире не просто как чистый исследователь его законов, но прежде всего как тот, кто, так или иначе понимая природу, всегда тем самым понимает и себя в ней, – понимает не в смысле объективирующего познания, но в смысле конкретного жизненно-практического «ориентирования». Такой процесс понимания природного мира и одновременно себя в нем Гаман рассматривает как своего рода «чтение книги Творения».

Как и чтению обычных книг, чтению книги Творения человеку приходится учиться. Чтобы научиться читать, нужно изучить буквы, понять, как буквы складываются в слова, как из слов строятся предложения, а из предложений тексты. Применительно к книге Творения чтение «по буквам» означает приобретение умения различать природные вещи и явления и понимать их «порядок и согласованность», подобные порядку и согласованности слов в тексте.

Однако, по мысли Гамана, такого умения читать книгу Творения «по буквам» недостаточно для того, чтобы понимать читаемое в более «собственном» смысле (понимать дух читаемого), – точно так же, как способность прочитать по буквам стихотворение и роман сама по себе не дает их понимания как произведений поэтического и прозаического искусства. Кто же способен научить человека понимать не только «букву», но и «дух» книги Творения? Гаман, опираясь на собственный опыт лондонского чтения Библии, убежден, что первым учителем здесь является Сам Бог, обучающий человека своим словом, которое мы находим в Писании.

Немецкий философ и писатель Иоганн Георг Гаман

При этом множественность индивидуальных прочтений книги Творения сопрягается с единством самой книги. Однако никакое прочтение не замкнуто в себе; будучи диалогическим взаимодействием с читаемой книгой, оно всегда предполагает возможность быть выраженным, – и если не выражает себя в форме непосредственно обсуждения, то все же косвенно выражается в том, как человек проявляет себя по отношению к другим. Единство в понимании книги Творения, по мысли Гамана, может отыскиваться только в коммуникации – в том числе, в споре; оно не может быть установлено как некая единственно правильная интерпретация, исключающая или же подчиняющая себе все прочие. Такой поиск единства через спор Гаман предлагает Канту, когда пишет ему в конце декабря 1759 года: «... Вам следует дать мне решительный отпор, равный напору, с коим я обрушиваюсь на Вас, и воспротивиться моим предрассудкам с той же

силой, с коей я обрушиваюсь на Ваши. В противном случае Ваша любовь к истине и добродетели будет выглядеть в моих глазах столь же презренно, как искусство оболъщения дам. Итак, для нашего проекта нужно *единство*. Оно не может заключаться в идеях, в них его нельзя ни искать, ни обрести; но возможно лишь в силе и духе, которому покорны сами идеи...»

Единство это Кантом и Гаманом так и не было найдено, и учебник физики не был ими написан.

Еще одна тема, в подходе к которой Гаман принципиально расходится с Кантом, – это история. Гаман понимает историю как еще один, наряду с природой, «большой комментарий» к слову Божию. «Подобно тому, как природа дана нам, чтобы открыть нам наши глаза, история – чтобы открыть нам наши уши», – пишет Гаман. Ткань истории составляет, по Гаману, коммуникация людей – коммуникация по сути своей *словесная, речевая*, даже когда она осуществляется не в разговорах, а в делах. При этом человеческая коммуникация отличается от природных явлений тем, что ее участники являются существами, наделенными *свободой*, – существами не только обусловленными, но и «спонтанными», способными в собственном смысле слова *отвечать* тому, что их затрагивает.

Но если мы всерьез полагаем человека свободным существом, не должны ли мы признать историю чисто человеческим предприятием? Не следует ли нам полагать роль

Бога в истории состоящей разве что в том, что Бог создал человека по Своему образу и подобию, стало быть, свободным, а затем предоставил человеку действовать самому, дав ему тем самым возможность для осуществления свободы?.. Учась из Писания пониманию истории, Гаман видит Бога не только как Того, Кто есть «альфа и омега, первый и последний, начало и конец» (Откр 22:13) человеческой истории, но и как ее участника.

Участие Бога в человеческой истории раскрывается в полноте, когда Бог становится Человеком, Который проходит путь человеческой жизни от зачатия и рождения до смерти. Человек Иисус Христос (Рим 5:15) оказывается открыт всем проявлениям и следствиям свободы людей, среди которых он живет, в этой открытости он уязвим для человеческой злобы и заканчивает жизнь на кресте. Он не пользуется Своей Божественной природой для того, чтобы принудить к чему-то людей, но являет Свое Божество так, чтобы каждый оставался свободен в своей возможности судить о том, что он видел, слышал и осязал. Человеческий план истории остается не нарушен, но эта же самая человеческая история, в которой было место всему человеческому и в его высоте, и в его падении, одновременно является и свершающейся Священной Историей, в которой даже воробей не упадет на землю без Отца (Мф. 10:29).

Говоря о пророчестве Каиафы и приводя другие примеры из Писания, Гаман показывает своеобразное «двуединство» истории. Прибегая к оправданной, как думается, модернизации, можно сказать, что эти два способа понимания истории подчинены своего рода принципу дополнительности. Подобно тому, как в современной физике один и тот же квантовый объект может быть описан посредством двух взаимоисключающих рядов

понятий и как частица, и как волна, *история*, по Гаману, может пониматься и в чисто человеческом, и в божественном («пророческом») ключе без возможности перенести что-либо из человеческого в божественный план понимания, или наоборот.

Однако, хотя эти два плана истории и требуют для своего раскрытия два взаимоисключающих ряда понятий, «экзистенциально» они способны присутствовать в особом роде одновременности. Во-первых, так может присутствовать для человека история его собственной жизни в событии покаянного обращения к Богу. Мы хорошо видим это в «Размышлениях о моем жизненном пути» Гамана: описывая свою жизнь, он раскрывает ее одновременно и как историю своих блужданий и падений, и как путь, которым вел его Бог к событию встречи с Ним. При этом обнаружение того, что и сами падения оказываются этапами Божиего водительства, вызывая в кающемся глубокую благодарность Богу, не отнимает у него сокрушения о содеянном.

Во-вторых, и то, с чем человек сталкивается, как с непосредственно затрагивающими его деяниями других людей или последствиями таких деяний, он может воспринимать в этой одновременности человеческого и божественного. К примеру, терпя от кого-либо несправедливость и обиду, человек имеет свободу принять то, что он терпит, как от руки Божией – принять как возможность так или иначе учиться *быть человеком*; и одновременно всерьез быть озабоченным тем, как его враг коверкает себя и свою жизнь, избирая зло.

В-третьих, и обращаясь к более далеким по времени и пространству событиям, мы можем видеть их и как историю человеческих деяний, и как историю Божьего промысла о человеке, учащую нас тому, что Божья правда неодолима,

и тому, что побеждает тот, кто верен Богу, даже если в глазах мира его победа кажется поражением. Кроме того, как это показывает история с пророчеством Каиафы, которую приводит Гаман, рассматривая историю «пророчески», мы можем обнаружить в ней смыслы, недоступные при чисто человеческом рассмотрении истории, – смыслы, являющие Божию славу и утверждающие в вере.

Кант тоже обнаруживает возможность двух взаимодополняющих способов рассмотрения истории. Он сходится с Гаманом в понимании первого из этих способов: история может рассматриваться как история человеческих деяний. При таком рассмотрении истории, пишет Кант, «... нельзя отделаться от некоторой досады, когда наблюдаешь их действия и поступки на великой мировой сцене и при этом находишь, что, несмотря на всю кажущуюся мудрость в частностях, все целое в конечном счете соткано из глупости, детского тщеславия, а часто и из детской злобы и страсти к разрушению, и при этом в итоге не знаешь, какое понятие следует составить себе о нашем роде, столь кичащемся своими преимуществами».

Однако предлагаемый Кантом второй способ рассматривать историю принципиально отличен от того, который находит Гаман. Он состоит в том, чтобы «попытаться открыть в этом [кажущемся] бессмысленным чередовании человеческих дел некий *замысел* [самой] *природы*, сообразно с которым у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история, согласно определенному плану природы».

«Замысел природы» в отношении живых существ состоит, по Канту, в том, чтобы все природные задатки живого существа могли в полной мере развиваться. По мысли Канта, человек – «единственное

разумное существо на земле» – имеет задатки, полное развитие которых должно привести его к совершенству разумности. Этой цели природа достигает не в индивидуе, а в человеческом роде. Пользуясь антагонизмом между людьми как средством для приближения к этой цели, природа на пути к ней проводит человечество через различные этапы, вплоть до последнего, когда она вынуждает человечество решить величайшую для себя проблему. Этой проблемой является, по Канту, «*достижение всеобщего правового гражданского общества*». Поскольку лишь в обществе и именно в таком, в котором наличествует величайшая свобода, а значит, и постоянный антагонизм между всеми ее членами и все же самым точным образом определены и сохраняются границы этой свободы в той мере, в какой она могла бы сочетаться со свободой других, – постольку лишь в этом обществе может быть осуществлен высший замысел природы: развитие всех природных задатков, вложенных в человечество».

Такое рассмотрение истории с точки зрения «целей природы» может иметь теологические импликации, а может и не иметь их. Сам Кант в других своих работах использует слово «Провидение» как синоним слова «природа», когда говорит о природе в подобном ключе. С точки зрения логики исторического процесса, как его понимает Кант, такая апелляция к Провидению ничего не меняет. По Канту, если Бог и имеет отношение к истории человечества, то только как Тот, Кто создал природу в ее законосообразной слаженности, но для понимания природы и ее целей нет необходимости обращаться к фигуре Бога.

Гораздо более важным, нежели возможность теологических импликаций, для Канта является представление об истории как *эволюционном процессе*, целью

Могила Иммануила Канта. Бывший кафедральный собор. Калининград, Россия

которого является человек в полноте осуществления человеческих задатков. И в этом Кант принципиально расходится с Гаманом, чей христианский взгляд на историю не предполагает возможности того, чтобы в истории имел место прогресс человечности. В этом отношении Гаман является предтечей немецких романтиков и того подхода к истории, который впоследствии был развит немецкой исторической школой. Но вот мысль о том, что целью истории является человек в полноте своей человечности, проводимая Кантом, присутствует и в гамановском понимании истории; хотя, конечно, для Гамана эта цель находит свое полное осуществление не в гражданском обществе, а в событии Боговоплощения.

Рассмотрев различия позиций Гамана и Канта в отношении природы и истории, мы можем теперь увидеть основополагающее расхождение между ними, в котором коренятся эти различия. Это расхождение касается понимания того, что есть человек.

Оба мыслителя могли бы согласиться с аристотелевским определением человека как *ζῷον λόγον ἔχον*. Но Кант согласился бы с этим определением в его латинском переводе – *animal rationale*, при этом трактуя разум в духе философии Просвещения; тогда Гаман увидел бы в этом определении указание на то, что человек есть *словесное* существо, и был бы склонен сказать, что разум есть язык, *λόγος* (*Vernunft ist Sprache*).

Действительно, для Канта именно разум является высшим в человеке и «высшим благом на земле». В области познания он «последний пробный камень истины», в области морали – автономный законодатель. Однако при этом разум понимается Кантом как такая способность в человеке, которая надындивидуальна, едина для всех людей. В познавательном плане это означает, что разум дает универсальные, единые для всех знания, вопрос об истинности которых не имеет никакого отношения ни к индивидуальности познающего, ни к исторично-ситуативным

обстоятельствам познания. В плане практическом – что разум способен нравственно ориентировать человека не только безотносительно к его склонностям и индивидуальным характеристикам, но даже и безотносительно к конкретным особенностям ситуации (последнее особенно ярко иллюстрируется Кантом в работе «О мнимом праве лгать из человеколюбия»). Дело разума – поиск всеобщего и универсально-необходимого; а такими, согласно Канту, являются прежде всего априорные познания.

На представление Канта о разуме как монологически организованной *надындивидуальной* и надысторической силе, – представление, которое Кант разделяет с другими мыслителями Просвещения, – направляет Гаман острие своей критики, указывая на то, что у Канта оказывается сокрыт действительный способ существования разума. По мысли Гамана, разум существует только как разум конкретного индивида в его историчной и телесной фактичности – индивида, не замкнутого на себя, но всегда отвечающего тому, в чем он обретается, так что и само человеческое восприятие, согласно Гаману, есть одновременно *вняtie* и ответ.

Кантовский человек – субъект, мнящий себя автономным в своем познании и практической жизни. Он «думает, что нечто познал и знает», но, как пишет Гаман в «Сократических достопамятностях», приводя слово апостола, как раз поэтому «еще не познал так, как следует познать. Но кто любит Бога, тот познан Им» (1 Кор 8:2–3) и ищет просвещения от Бога.

ИЗРЕЧЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА

Правила счастья по Канту: «Что-то делать, кого-то любить, на что-то надеяться»

Иммануил Кант кардинальным образом изменил подход к пониманию сущности человеческого познания, этики и метафизики, оказал огромное влияние на философию, науку и культуру в целом. Его вклад в развитие человеческой мысли невозможно переоценить. Истины, которые открылись выдающемуся мыслителю эпохи Просвещения, проникают сквозь века: они актуальны и в наше время.

«Как бы ни близка или как бы ни далека была цель моей жизни, я буду все же по окончании своего поприща доволен, если осмелюсь льстить себя надеждой на то, что то, чему положили начало мои скромные усилия, будет все более приближаться к завершению умелыми, целеустремленно и усердно работающими над совершенством мира людьми», – такое послание оставил человечеству великий философ. Вспомним лишь некоторые из его мудрых высказываний.

• Нравственность учит не тому, как стать счастливым, а тому, как стать достойным счастья.

• Дайте человеку все, чего он желает, и в ту же минуту он почувствует, что это все не есть все.

• Является ли человек по своей природе добрым или злым? И ни то, и ни другое, ибо по природе своей человек существо вовсе не морально; он лишь становится таковым, когда его разум поднимается до понятий долга и закона.

• Законы должны устанавливаться не по прихоти властей, а отражать закономерности человеческого общества и человеческой природы.

• Человек свободен, если он должен подчиняться не другому человеку, а закону.

• Когда справедливость исчезает, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей.

• С того самого дня, когда человек впервые произносит «я», он везде, где нужно, выдвигает возлюбленного себя и эгоизм его неудержимо стремится вперед.

• Большое честолюбие издавна превращало благоразумных в безумцев.

• Имей мужество пользоваться собственным умом.

• Мудрый может менять мнение; глупец – никогда.

• Человек может стать человеком лишь благодаря воспитанию.

• Поступайте так, чтобы любой ваш поступок мог быть возведен во всеобщее правило.

• Если хочешь заложить основы нравственного чувства, не следует наказывать. Нравственность есть нечто до такой степени святое и возвышенное, что ее нельзя унижать и ставить на одну доску с дисциплиной.

• Если наказывать ребенка за дурное и награждать за доброе, то он будет делать добро ради выгоды.

• Привычку никогда нельзя признать добром, даже привычку к хорошим поступкам. Добро только то, что добывается усилием.

• Человек редко думает при свете о темноте, в счастье – о беде, в довольстве – о страданиях и, наоборот, всегда думает в темноте о свете, в беде – о счастье, в нищете – о достатке.

• Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия.

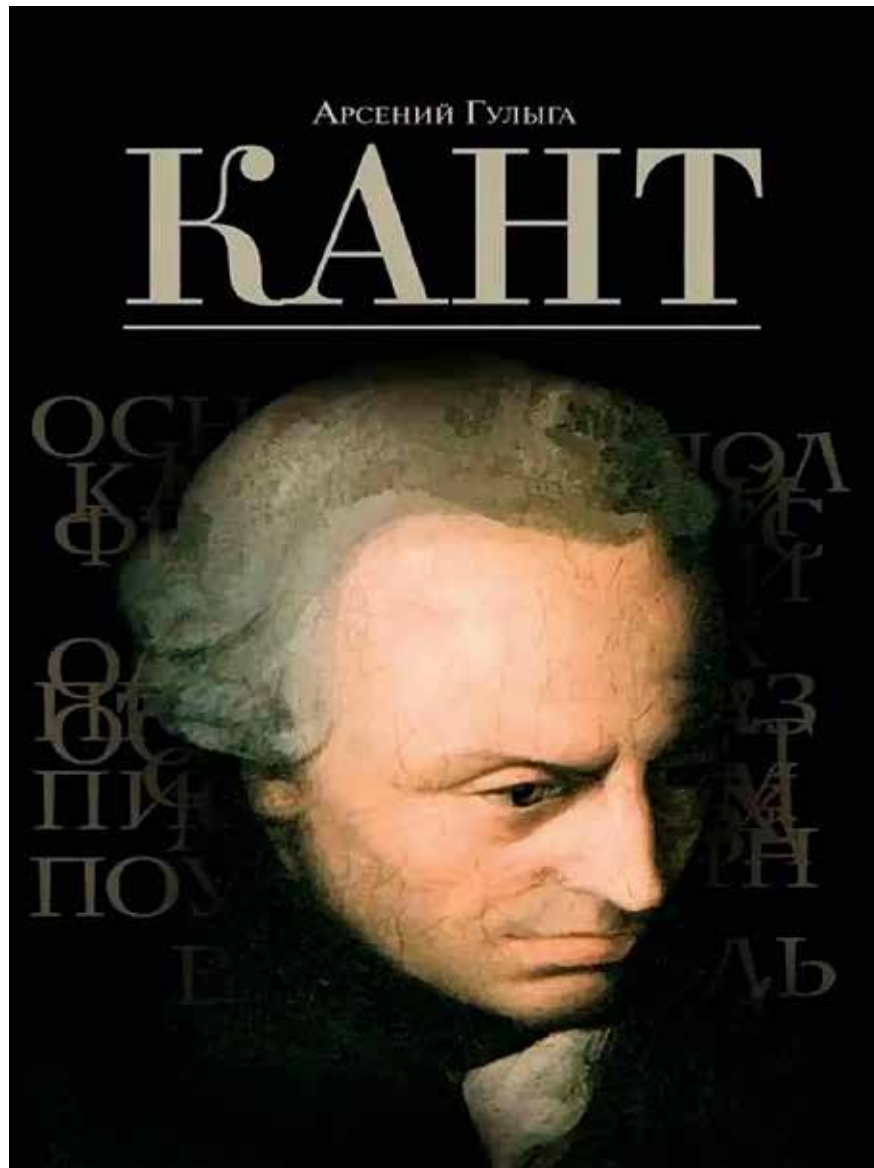
• Не принимай благодеяний, без которых ты можешь обойтись.

• Личность есть вещь в себе, и общество не в праве посягать на ее вселенскую бесконечную сущность.

• Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность.

ИСТИНА, ДОБРО И КРАСОТА

Фрагменты из книги Арсения ГУЛЫГИ (1921–1996) «Кант», вышедшей в 2005 году в серии «Жизнь замечательных людей», любезно предоставлены издательством «Молодая гвардия»

В конце 80-х годов в философских воззрениях Канта происходит новый перелом. Оставаясь в целом на позициях критицизма, он уточняет (а порой решительно меняет) свои воззрения на ряд

существенных для него проблем. В первую очередь это затрагивает проблему метафизики. В «Критике чистого разума» вопрос остался открытым. С одной стороны, Кант убедительно показал, что

метафизика как теоретическая дисциплина невозможна. С другой – он декларировал программу создания новой метафизики как науки о сверхчувственных вещах – Боге и бессмертии души. Любовь Канта к метафизике была слишком пылкой и длительной, чтобы разрыв произошел моментально и безболезненно.

В 1788 году стало известно, что Берлинская академия намеревается объявить конкурс на лучшее сочинение по теме «Какие действительные успехи сделала метафизика со времени Лейбница и Вольфа». Через несколько лет премией была увенчана работа старого вольфианца Шваба, утверждавшего, что никаких успехов метафизика не сделала, да в этом и нет необходимости.

Кант в конкурсе не участвовал, хотя трижды принимался за работу. Сохранившаяся рукопись красноречиво свидетельствует о его отношении к метафизике. Кант настаивает на том, что за пределами чувственного опыта не может быть никакого теоретического познания. Чтобы придать понятию объективность, нужно подвести под него какое-либо созерцание. Поэтому теоретически мы не можем ничего узнать ни о Боге, ни о свободе, ни о нашей душе (отделенной от тела). «Практически мы сами создали себе эти предметы», мы верим в них и ведем себя соответствующим образом. Метафизика сверхчувственного возможна только с «практически-догматической» точки зрения. А метафизику

природы Кант представляет себе лишь как разработку понятийного аппарата естественных наук. Метафизика есть критика, поправка к здравому смыслу и ничего более, – можно прочесть в черновиках.

За два года до того, как заговорили о берлинском конкурсе, он выпустил работу «Метафизические начала естествознания». Если в «Критике чистого разума», набрасывая структуру своей будущей философии природы, Кант разделил ее на рациональную физику и рациональную психологию, то теперь природу души он не считает объектом научного познания. «В любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики» (17, т. 4, с. 251)¹. Душа не экстенсивная величина, описание душевных явлений не естествознание. Последнее имеет дело только с телами.

Изменение тела – движение; последнее и является предметом метафизического учения о природе. Перед Кантом встает вопрос о том, что можно узнать о движении априорно, доопытно с помощью одних чистых понятий. В соответствии с четырьмя видами категорий Кант рассматривает движение с точки зрения его количества, качества, отношения и модальности. Так возникает идея четырех наук о движении – «форонмии», где изучается проблема перемещения в пространстве, «динамики», рассматривающей движущие силы, «механики» – учения о взаимодействии движущихся тел и «феноменологии», применяющей к проблеме движения категории модальности (то есть возможности, действительности и необходимости). <...>.

¹ Кант И. Собр. соч. В 8 т. М., 1994, т. 4, с. 251.

² Kant I. Gesammelte Schriften. Akademie-Textausgabe. Berlin, 1900–1968. Bd. I–XXII. 16, с. 278.

Перейдя на позиции критической философии, Кант не забывал об увлечениях молодости, о своей «первой любви» – естествознании. Он продолжал читать курсы физической географии и теоретической физики. Сохранял интерес к астрономии и небесной механике: написал две статьи на эту тему («О вулканах на Луне» и «Нечто о влиянии Луны на погоду»),

«О смертном человеке пока еще никто не сказал более высоких слов, чем Кант, что и составляет содержание всей его философии: „Определи себя сам“. Эта великая идея самоопределения светит нам, отражаясь в тех явлениях природы, которые мы называем красотой».

Фридрих Шиллер

а в 1791 году поручил своему ученику сделать извлечения из «Всеобщей истории и теории неба», которые с примечаниями, составленными по его указанию, увидели свет в виде приложения к книге английского астронома В. Гершеля «О строении неба». (В конце 90-х годов вышло еще пять изданий космогонической гипотезы Канта.) <...>

Главные интересы Канта лежали в собственно философской сфере. Когда для него выяснилась несостоятельность попытки заново построить разрушенное им здание умозрительной метафизики, он стал искать новые пути создания философской системы. Ибо в философии он ценил прежде всего систематичность и сам был великим систематиком.

«Иные полагают, – читаем в черновиках, – что система относится только к изложению, но она принадлежит к объекту познания и мышлению... Иные полагают, что создают системы, но у них возникают лишь агрегаты. Для последних нужна лишь манера; система требует

метода... Исторические знания можно приобрести без системы, до известной степени также и математические, но философские без системы никогда. Контур целого должен предшествовать частям»².

Общие контуры учения сложились у него давно. Но системы пока еще не было. Конечно, обе первые «Критики» связаны определенным образом, в них развита одна

и та же концепция. Но достигнутое единство между теоретическим и практическим разумом представлялось ему недостаточным. Не хватало какого-то важного опосредующего звена.

Система философии возникла у Канта лишь после того, как он обнаружил между природой и свободой своеобразный «третий мир» – мир красоты. Когда Кант создавал «Критику чистого разума», он считал, что эстетические проблемы невозможно осмыслить с общезначимых позиций. Принципы красоты носят эмпирический характер и, следовательно, не могут служить для установления всеобщих законов. Термином «эстетика» он обозначал тогда учение о чувственности, об идеальности пространства и времени. Но вот в 1787 году в письмах появляются упоминания о работе над «Критикой вкуса», а в конце года Кант сообщает Рейнгольду об открытии нового всеобщего принципа духовной деятельности, а именно «чувства удовольствия и неудовольствия».

Гете, не оценивший «Критики чистого разума», был в восторге от «Критики способности суждения»

Теперь философская система Канта обретает более четкие контуры.

Он видит ее состоящей из трех частей в соответствии с тремя способностями человеческой психики: познавательной, оценочной («чувство удовольствия») и волевой («способность желания»). В «Критике чистого разума» и «Критике практического разума» изложены первая и третья составные части философской системы – теоретическая и практическая. Вторую, центральную, Кант пока называет телеологией – учением о целесообразности. Затем

телеология уступит свое место эстетике – учению о красоте. Задуманное произведение Кант намеревался окончить к весне 1788 года. Но работа опять затянулась. Потребовалось еще две весны и два лета, прежде чем рукопись ушла в типографию. Трактат получил название «Критика способности суждения».

Термин «способность суждения» нам знаком. В «Критике чистого разума» этим термином обозначалась одна из интуитивных познавательных способностей. Если рассудок устанавливает правила, то способность суждения дает

умение пользоваться этими правилами в каждом отдельном случае; фактически это ум, смекалка. Судье, скажем, мало знать законы; если он их формально применяет, то может получиться «верно, да скверно», судить надо с умом, учитывая все обстоятельства дела. В фольклоре зафиксирован образ простофили, который действует стандартно, а поэтому постоянно попадает впросак. Кант сказал бы, что у простака не хватает определяющей способности суждения, так он называл умение применить общее к частному.

Теперь Кант размышляет над другим видом интуиции, который называет рефлексивной способностью суждения. Речь идет об отыскании по данному частному некоего неформального общего, не об абстрагировании общих признаков, – это дело рассудка. Если перед нами зеленый лист, то рассудок, сопоставляя его с другими листьями и рассматривая через призму категории всеобщности, с помощью продуктивного воображения вырабатывает понятие листа вообще. Применяя рефлексивную способность суждения, мы видим в данном листе часть растения, мы размышляем над тем, для чего он служит организму, мы задаемся вопросом о его целевом назначении. Учение о целых – телеология; поэтому Кант называет эту разновидность рефлексивной способности суждения – телеологической. Рядом он располагает эстетическую способность суждения, исходя из того, что художественное переживание доставляет такое же удовольствие, как и обнаружение целесообразности.

Традиционная вольфианская телеология рассуждала о мудрости Творца, целесообразно устроившего мир. Кант подходит к проблеме иначе. Целесообразность может быть без разумного целеполагания, наличие четкого взаимодействия,

радующего глаз, не говорит еще о том, что кто-то умышленно создал это взаимодействие. Телеология для Канта не финализм, не подтверждение божественного миропорядка. В «Критике чистого разума» подобные вещи были отвергнуты раз и навсегда как ложные, отвлекающие от научного познания: вместо того чтобы открывать причины явлений, финалист ссылается на недоступные исследованию решения высшей мудрости.

Финализм – поле, на котором диалектика упражняется в остроумии; трудно сказать, кому здесь принадлежит приоритет. «Бог сотворил людей, дабы они были нам пищей». Такую тираду Вольтер вложил в уста мудрой блохи. А Кант предлагал на дело смотреть иначе: бытовые паразиты – побуждение к чистоте, которая, в свою очередь, предназначена для сохранения здоровья. Такого рода телеология вызывала лишь насмешки.

Телеология для Канта – принцип рассмотрения предмета, в первую очередь живого организма, где все целесообразно, то есть каждая часть необходимым образом связана с другой. Как будто некий интеллект устроил все это, задавшись определенной целью. В 1788 году Кант обнаружил в деятельности человека сферу, где результаты также представляют собой нечто органическое. Это искусство. <... >

Единый подход к живой природе и художественному творчеству на основе принципа целесообразности – одна из основных идей «Критики способности суждения». Это было новое слово в эстетике. До Канта сопоставляли природу с искусством, но каковы были результаты подобного сопоставления?

Француз Робине, увлеченный идеей живого организма как особой системы, иронизировал: произведения искусства не растут; их создают по частям, каждая часть уже готова, когда ее присоединяют к другим частям; произведения искусства не производят себе подобных; еще никогда не приходилось наблюдать, чтобы какой-нибудь дом произвел другой дом.

Все это, конечно, верно, но Кант подметил и нечто другое: «При виде произведения изящного искусства надо сознавать, что это искусство, а не природа; но тем не менее целесообразность в форме этого произведения должна казаться столь свободной от всякой принудительности произвольных правил, как бы оно было продуктом одной только природы»³.

Открытие Канта поразило умы современников. Гёте, не оценивший «Критики чистого разума», был в восторге от «Критики способности суждения». Это открытие сыграло двоякую роль в истории культуры. Прежде всего здесь была поставлена проблема художественного творчества. Робине, безусловно, был прав, утверждая, что организм появляется на свет сразу как нечто целое, а произведение искусства рождается по частям – одна часть уже готова, другие существуют только в замысле художника. Но окончательный результат живет как организм. Тут недопустимо произвольное вмешательство. Феномен красоты гибнет от неумелой руки, нарушающей созданную художником гармонию, «целесообразность».

Во времена Канта трудно было оценить другую сторону дела – эстетически осмысленный подход к природе, которому философ

придавал огромное значение. «Я утверждаю, что питать непосредственный интерес к красоте природы (а не только обладать вкусом, чтобы судить о ней) всегда есть признак доброй души»⁴. Этот интерес к красоте природы интеллектуален, радует не только форма предмета природы, но и факт его существования. При чем Кант предупреждал: «Грядущие века все больше будут удаляться от природы». В те времена было еще совершенно неясно, что это значит. Лишь в наши дни взгляд Канта на окружающую среду как на гармоническое, художественное целое приобрел мировоззренческое значение. Природа – своего рода произведение искусства. Как нельзя вторгаться в жизнь художественного организма, так нельзя нарушать гармонию природы, сложившееся в ней целесообразное равновесие.

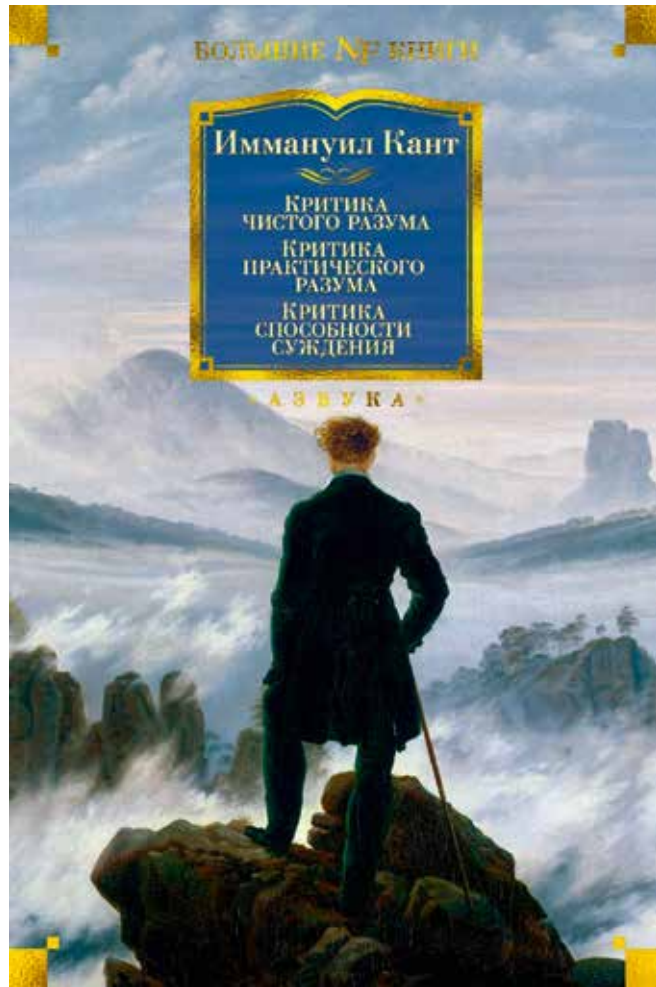
Телеология Канта – это не теология, но и не естествознание: с ее помощью философ не отыскивает Бога в природе, но и не открывает законов, ею управляющих, в центре его рассмотрения по-прежнему человек. Только человек может ставить перед собой сознательные цели, в результате возникает мир культуры. Телеология Канта перерастает в теорию культуры.

Среди черновиков Канта (относящихся к середине 80-х годов) находится любопытный фрагмент, озаглавленный «Характер человеческого рода». Философ ставит вопросы и отвечает на них. «Каково природное назначение человека? Высшая культура. Какое состояние делает это возможным? Гражданское общество. Какие рычаги? Необщительность и соперничество. Труд»⁵.

³ Кант И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1994, т. 5, с. 147.

⁴ Там же, с. 130.

⁵ Kant I. Gesammelte Schriften. Akademie-Textausgabe. Berlin, 1900–1968. Bd. I–XXII, 15, ч. 2, с. 147.

Кант рассматривает два типа культуры – «культуру умения» и «культуру воспитания». Первая необходима для достижения целей, но ее недостаточно для их выбора, только вторая освобождает волю от «деспотизма вожелений», от прикованности к вещам. Культура в широком смысле слова охватывает все, что противостоит природе, что сотворено людьми, но она безразлична к судьбе человека. Она порождает антагонизмы и движется вперед их силой; неравенство – ее механизм; одни держат в угнетении других, оставляя на долю большинства тяжелый труд и скудные удовольствия.

Кант чутко фиксирует ситуацию «отчуждения»; не пользуясь этим термином, он показывает противо-

речивое влияние частной собственности и разделения труда на судьбу общества. Здесь и прогресс и деградация. Этот внешний, «технический» тип культуры Кант называет также цивилизацией. Ему он противопоставляет более узкую сферу, которую называет «культурой воспитания», сферу безусловной моральности. Развиваются обе сферы, но культура явно отстает от цивилизации. Кант не теряет надежды, что первая все же когда-нибудь догонит вто-

рую. Иначе беда. <... >

Кант пришел к эстетике, оттачиваясь не от проблем искусства, а от потребностей философии. Но означает ли это, что его теоретические построения в этой области не базировались на собственном художественном опыте? Что он вообще был чужд искусству и не оставил в нем никакого следа? А окружавшая его среда ничего не могла дать для развития и удовлетворения эстетического чувства?

Конечно, Восточная Пруссия не Саксония, Кенигсберг не Дрезден, где была ключом художественная жизнь, не Веймар, где обитали Гете и Шиллер, не Иена, где обосновались романтики, и даже не Берлин – центр просвещения. Крайний город в завоеванных

балтийских землях, он был предназначен для того, чтобы служить торговым центром и военным бастионом, а не храмом муз. В отношении зодчества Кенигсберг не представлял особого интереса. «В целом город не отличается красивой архитектурой», – отмечал путешественник в конце XVIII столетия. Королевский замок поражал скорее своими размерами, чем красотой пропорций. То же самое можно было сказать и о городском соборе. К тому же во времена Канта готика не была в почете. Это был век классицизма и рококо, средневековое зодчество слыло варварским. Кант разделял господствовавшие вкусы.

С архитектурой он был знаком главным образом по иллюстрациям и описаниям. Впрочем, знакомство не оказалось поверхностным: некий англичанин, услышавший из его уст описание Вестминстерского моста, был убежден, что философ прожил в Лондоне несколько лет и что архитектура – его специальность.

Труднее обстояло дело с живописью. Хотя Кант, по его собственным словам, отдавал ей предпочтение перед другими изобразительными искусствами, что-то существенное ускользнуло от его внимания. Он называл живопись искусством рисунка. В Кенигсберге он мог (в частных собраниях) видеть только Рембрандта, Ван Дейка, Дюрера, Кранаха, Рейсдаля. Великих итальянцев здесь не было. В одной из своих работ он спутал Рафаэля с Корреджо.

В середине 50-х в Кенигсберге возник собственный театр, магистр Кант был в числе завсегдатаев. Кант любил музыку, хотя сам не играл. Посещал концерты, предпочитая при этом (особенно в пожилые годы) слушать какой-либо один инструмент, чем оркестр.

Выше всего, как мы уже знаем, Кант ставил искусство поэзии. Его вкусы формировались в латинской школе, немудрено, что римскую

литературу он ценил выше греческой. По его убеждению, «у Вергилия больше вкуса, чем у Гомера». Последнего он ставил на одну доску с рассудочным Виландом, что вполне соответствовало его определению поэзии: «игра чувств, упорядоченная рассудком». Впрочем, известны и его восторженные оценки Шекспира. Сам он пробовал писать стихи, но только по одному поводу – на смерть своих коллег по университету, сохранилось несколько подобных опытов. В свое время ему предлагали кафедр поэзии.

Гете уверял, что Кант не обратил ни малейшего внимания на его творчество. Есть, правда, и другие свидетельства, согласно которым философ любил и Гете и Шиллера. Боготворивший его Шиллер писал ему дважды: один раз, приглашая участвовать в задуманном им журнале «Оры», другой – посылая первые номера этого журнала с собственной работой «Письма об эстетическом воспитании». Философ учтиво ответил Шиллеру, похвалил «Письма...», назвал их автора «ученым и талантливым человеком», но было неясно, читал ли он что-либо, кроме его работ по эстетике.

В Гете Канта могла насторожить его приверженность к спинозизму и дружба с Гердером. К полемике Кант – Гердер Гете отнесся равнодушно, не приняв ни той, ни другой стороны. В целом, однако, великий поэт чтит «кенигсбергского старца», предпочитая его какому-либо другому жившему в то время в Германии мыслителю. Когда прочтешь страницу Канта, говорил Гете, испытываешь ощущение, будто вошел в светлую комнату.

Гете прекрасно знал, чем он был обязан Канту. В статье «Влияние новой философии», написанной

уже после смерти философа, он изложил историю своих с ним отношений, начиная с первых споров о «Критике чистого разума». «Я охотно стал на ту сторону, которая больше всего делает чести человеку, и вполне одобрял своих друзей, утверждавших вместе с Кантом, что, хотя все наше знание начинается с опыта, оно тем не менее не проистекает целиком из опыта. Априорное познание я тоже допускал, как и синтетические суждения априори: ведь я и сам в течение всей своей жизни, сочиняя и наблюдая, действовал то синтетически, то аналитически: систола и диастола человеческого духа были для меня как второе дыхание...

... Вновь и вновь я возвращался к кантовскому учению; отдельные главы, казалось мне, я понимаю лучше остальных, и так я приобрел кое-что для своего повседневного пользования.

Но вот в мои руки попала «Критика способности суждения», и ей я обязан в высшей степени радостной эпохой моей жизни. Здесь я увидел самые разнообразные мои интересы, поставленные рядом: произведения искусства и природы трактовались сходным образом, эстетическая и телеологическая способность суждения взаимно освещали друг друга»⁶.

В кантовской «Критике способности суждения» Гете нашел ряд идей, которые совпадали с его «прежним творчеством, деятельностью и мышлением». Это была в первую очередь критика примитивной вольфианской телеологии, которая всегда внушала Гете антипатию. Это было стремление найти единые принципы для анализа природы и искусства. Это была, наконец, четкая постановка основной для Гете философской проблемы – познания органического целого.

Кант показал, что средства обычного рассудочного мышления здесь бессильны. Гегель в своем учении о конкретном понятии будет искать решение средствами диалектической логики. Перед Гете открылась иная возможность. Согласно его учению о «первичном феномене» человек в единичном может увидеть всеобщее, в явлении раскрыть сущность. Это узрение представляет собой нечто большее, чем простое восприятие, но оно носит все же чувственный характер. Гете назвал его «созерцательной способностью суждения». Термин – явная реминисценция Канта.

В двадцати девяти томах Собрания сочинений Канта нет ни одной цитаты из «Фауста», трудно сказать, читал ли его философ. А вот в «Фаусте» есть почти что цитата из Канта. «Жизнь – это долг, даже если она длится одно мгновенье», – возражает Фауст Елене, путившейся в рассуждения о любви. В переводе Б. Пастернака это звучит так: «Не умствуй о любви. Какой в том толк? // Живи. Хоть миг живи. Жить – это долг».

«Фауст» сравнивают с «Феноменологией духа». Действительно, скитания героя трагедии Гете в поисках смысла жизни напоминают путешествие гегелевского мирового духа за истиной. Но если последний уверенно обретает искомое, то первый гибнет жертвой иллюзии. Перед Фаустом открылась панорама гигантской стройки, он произносит панегирик труду, но на самом деле ничего нет, лишь лемуры роют ему могилу. Хотел ли Гете осудить деятельную волю, показать тщетность ее усилий? Наоборот, он ее воспекает. Но один из уроков Канта состоял в том, что всякое историческое действие чревато чем-то другим, непредвиденным. Предугадать последствия невозможно, но это

⁶ Goethe J. W. Anschauende Urteilskraft. Naturwissenschaftliche Schriften, 1 // Goethe J. W. Werke. Hamburg, 1962. Bd. 13, c. 27–28.

не значит, что нужно сидеть сложа руки. Поэтому «не умствуй», а «живи» – следуй долгу, трудись, борись, дерзай, и ты будешь прощен. Да, именно прощен. Лучший удел исторического деятеля – прощение (худший – проклятие). «Фауст» именно этим и кончается. Мефистофель, уже увидевший душу Фауста в своих руках, посрамлен. Торжествует любовь. Гете, начинавший с богохульства, пришел к апофеозу христианской любви. Кант значительно раньше, хотя и более прозаично, пришел к тому же.

В первой части трагедии Фауст – индивид, обладающий (используя кантовский термин) «эмпирическим» характером. Он влеком страстями, в результате все кончается преступлением. Во второй части перед нами уже личность, «ноуменальный» характер. Чувство вины помогает обрести свободу. <... >

Фауст полон лучших намерений. Его союз с нечистой силой направлен теперь не на собственное, а на общее благо. Но что получается: захотел Фауст отвоевать сушу у моря, как тут же приходится затопить водой вражеские войска. Повелел Фауст наладить морскую торговлю, а исполнитель-Мефистофель превратил ее в пиратство. Результаты не совпадают с намерениями. Кантовскими идеями пронизаны поэтические строки Гете.

В немецкую художественную культуру Кант вошел и непосредственно. Притом что хорошим стилистом его не назовешь. Скорее наоборот. Кант тщательно обдумывал и шлифовал свои произведения, никогда не посылал он (как делали в то время многие) изда-телю еще незавершенное; только увидев работу всю, осмыслив ее как целое, сдавал в печать. И тем не менее манера, в которой написаны основные его труды, может привести в отчаяние самого терпеливого читателя. Откройте любую

Остров Канта со зданием бывшего Кафедрального собора, в котором похоронен Иммануил Кант

страницу, и вы сразу натолкнетесь на предложения в десять – двадцать строк длиной. Едва вы стали читать, как начинаются напоянения, пояснения, ограничения в скобках и без скобок, примечания в тексте и под текстом. «Мне не хватает пальцев для чтения

твоих произведений», – жаловался Канту его однокашник. «Что ты имеешь в виду?» – спросил его Кант. «Ты употребляешь, дорогой друг, слишком много оговорок; чтобы их запомнить, я загибаю пальцы – один, другой, третий, четвертый; они кончаются

раньше, чем успеваешь перевернуть страницу»⁷.

Все это так. Но вопреки традиции мы рискуем говорить о художественном даровании Канта, которое, правда, проявлялось в узкой и специфической области. Он был ироник. Он играл словами.

Здесь уместно отступление. Что такое ирония? Прочитав А. Ф. Лосева: «Ирония возникает тогда, когда я, желая сказать “нет”, говорю “да”, и в то же время это “да” я говорю исключительно для выражения и выявления моего искреннего “нет”. Естественно, что

это будет только обманом, ложью. Сущность же иронии заключается в том, что я, говоря “да”, не скрываю своего “нет”, а именно выражаю, выявляю его. Мое “нет” не остается самостоятельным фактом, но оно зависит от выраженного “да”, нуждается в нем, утверждает себя в нем и без него не имеет никакого значения»⁸.

Ирония происхождения древнего. В арсенал философствования она вошла раньше, чем была раскрыта ее суть. Отцом иронии принято считать Сократа, применявшего ее в качестве эвристического приема. С ее помощью афинский мудрец внушал недоверие к укоренившимся ложным представлениям. С видом простака Сократ задавал своему собеседнику вопросы, будто хотел учиться у него. В результате у того, кто полагал, что он все знает, возникало замешательство; ирония учила людей знать, что они ничего или очень мало знают. Ирония расчищала путь истинному знанию. <... >

Роль основателя критической философии в развитии иронии еще не оценена в полной мере. Дело в том, что Кант не теоретизировал по этому поводу. Он просто, как и Сократ, пользовался оружием иронии, расчищая с ее помощью место для построения здания истины и добродетели, пользовался тонко и осторожно. А философский юмор и философская ирония открываются не каждому. Надо было быть великим Гете, чтобы в «Критиках» Канта уловить ироническое начало. «Этот замечательный муж, – писал поэт о философе, – действовал с плутовской иронией, когда он то как будто старался самым тесным образом ограничить познавательную способность, то как бы намекал на выход

⁷ Vorländer K. Immanuel Kant. Der Mann und das Werk. Hamburg, 1977. Bd. 1–2, т. 2, с. 99.

⁸ Лосев А. Ф., Шестаков Б. П. История эстетических категорий. М., 1965, с. 326.

Памятник Иммануилу Канту в Калининграде воссоздан в 1992 году скульптором Харальдом Хааке по сохранившейся модели оригинала 1857 года работы Кристиана Даниэля Рауха

за пределы тех границ, которые он сам провел»⁹.

Вольтер говорил, что небеса дали человеку для облегчения его участи

две вещи – надежду и сон. Кант готов был причислить сюда и смех, но лишь с одной оговоркой: если бы только легко было вызвать его у «людей разумных», а необходимое для этого остроумие не встречалось бы столь редко. Философ оттачивал свое чувство юмора, с годами все чаще прибегая к нему в творчестве. В тех случаях, когда ему приходилось писать об обществе, где сам материал провоцировал остроумие, где приходилось обманывать цензуру или встряхивать заскорузлые мозги обывателям.

Эрудиция Канта в области сатиры была безупречной. Персий, Ювенал, Эразм, Рабле, Свифт, Вольтер, Филдинг, Стерн, Лихтенберг принадлежали к числу его любимых авторов. «Человек – животное, которое способно смеяться», – говорил Кант¹⁰. Он тонко чувствовал природу смеха, хотя и мало распространялся на эту тему. В том, что вызывает смех, утверждал он, должно быть нечто нелепое. (Неслучайно Кант вслед за Шефтсбери считал пробным камнем истинности учения способность выдержать осмеяние.) Шутка основана на нелепости. Вы ждете что-то, а слышите (или видите) нечто совершенно неожиданное, и вы смеетесь. «Смех есть аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто»¹¹. Свою мысль Кант иллюстрирует тремя остротами. Англичанин угощает индийца пивом, тот поражен, увидев вытекающую пену. «Что вас удивляет?» – спрашивает англичанин. «То, как ее туда втиснули». Наследник жалуется: ему не удалось устроить достойные похороны своему благодетелю: чем больше он платил плакальщикам, чтобы они выглядели опечаленными, тем веселее они становились.

И наконец, история купца, который в страшную бурю вынужден был выбросить за борт все свои товары и так горевал, что у него за ночь поседел парик. Вот, пожалуй, все, что можно прочесть о комическом на страницах «Критики способности суждения». Причем сказано это мимоходом в параграфе, озаглавленном «Примечание». Об иронии – ни слова.

Но Кант не мог не быть ироником. Он жил в раздвоенном мире, где жизненные обстоятельства, сложившиеся нравы и предписания заставляли говорить «да», в то время как голос совести кричал «нет». Как в таких условиях не дать ему заглухнуть, не превратиться самому в обывателя или конформиста? Своеобразной попыткой ответа на этот вопрос была дуалистическая философия Канта, отделявшая прочной стеной мир явлений, которые подчинены внешней необходимости, от мира вещей «самих по себе», где господствуют свобода и нравственная чистота.

Надо сказать, что Гегель ясно видел морально-эстетические корни кантовского дуализма и решительно стремился к его преодолению. При этом Гегель не притуплял остроты поставленной Кантом проблемы. Мир действительно раздвоен, наряду с подлинным существует «мир наизнанку». Последнее для Гегеля не фигуральное выражение, а одна из категорий «Феноменологии духа». Комментаторы Гегеля давно обратили внимание на сатирический смысл этой категории. То, что содержится в «мире наизнанку», не просто противоположность существующего мира. Это перевертывание, как в кривом зеркале, дает возможность узреть тайную извращенность того, что происходит

в реальном мире. Снятие «мира наизнанку» означает снятие сатиры. Тогда объектом ее невольно становится сама философия. С Гегелем так и получилось. Раздвоенность мира, по Гегелю, исчезает в движении сознания, противоположности примиряются и сливаются. И здесь нельзя не вспомнить Маркса, в насмешливых тонах перелагавшего подобное «движение гегелевских категорий: “да” превращается в «нет», «нет» превращается в “да”, “да” становится одновременно и “да” и “нет”, “нет” становится одновременно и “нет” и “да”. Таким путем противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуют и парализуют друг друга».

Кант слишком трезво смотрел на вещи, чтобы дать успокоить себя какой-либо иллюзией. Ирония стояла на страже, четко прочерчивая границу между «да» и «нет». (Ироник никогда не путает эти вещи, его мнимое «да» лишь оттеняет «нет», его могут неправильно понять, но сам-то он всегда знает, в чем дело.) Ирония Канта чутко фиксировала то, что в мире существует «наизнанку» и, говоря словами Гете, «не делится на разум без остатка». <...>

В статье «Предполагаемое начало человеческой истории» ирония скрыта. Лишь еле заметная улыбка автора оживляет внимание читателя. Кант уверяет, что намерен совершить «просто увеселительную прогулку» по истокам истории, используя «священный документ как карту»¹², но трактует вещи серьезные. Библия предстает как исторический источник.

У своего читателя Кант предполагает безукоризненное знание Священного Писания. Нам же придется напомнить текст.

Речь идет о детях Адама. «И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец». Кант видит в этом «переход от дикой охотничьей жизни и собирания плодов во второе состояние», то есть к труду.

«3. Спустя несколько времени Каин принес от плодов земли дар Господу; 4. и Авель также принес от первородных стада своего. И призрел Господь на Авеля и на дар его; 5. а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его». Пастушеская жизнь, рассуждает Кант, привольна и дает наиболее верный доход. Земледельческий труд тяжел, зависит от погоды, требует постоянного жилища, земельной собственности и силы, чтобы ее охранять. «Земледелец мог завидовать пастуху, как более покровительствуемому небом, и в действительности последний стал ему в тягость, поскольку пасущийся скот не щадит посевов»¹³.

За сим последовало братоубийство и уход Каина в страну Нод. Иначе, по Канту, и быть не могло. «Именно земледелец первый должен был употребить силу против подобных поступков, которые другой не считал недозволенными; и если он не хотел потерять плоды своих долгих усилий, он вынужден был, наконец, удалиться по возможности дальше от пастушеских племен.

Это расставание знаменует собой третью эпоху», то есть разделение труда. «Увеселительная прогулка» обернулась научной экспедицией, содержательной интерпретацией первых этапов всемирной истории.

В «Критике чистого разума» ирония уходит внутрь, высвечивая глубины и лишь изредка выплескиваясь на поверхность.

⁹ Goethe J. W. Anschauende Urteilskraft. Naturwissenschaftliche Schriften, 1 // Goethe J. W. Werke. Hamburg, 1962. Bd. 13, с. 30.

¹⁰ Kant I. Gesammelte Schriften. Akademie-Textausgabe. Berlin, 1900–1968. Bd. I–XXII, т. 16, с. 193.

¹¹ Кант И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1994. т. 5, с. 174.

¹² Кант И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1994. т. 8, с. 73.

¹³ Там же, с. 83.

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

С 22 по 25 апреля Калининград станет местом, где развернется настоящий праздник философии

ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВА

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ имени И. Канта, «Кантиана») – ведущий вуз Калининградской области, один из десяти федеральных университетов России и один из центров высшего образования и науки в Северо-Западном

федеральном округе Российской Федерации.

Немецким предшественником современного БФУ имени И. Канта был Кенигсбергский университет Альбертина (1544–1945), один из старейших вузов Восточной Пруссии и всей Европы, история

которого насчитывает более четырехсот лет. Именно здесь учился и работал великий немецкий философ Иммануил Кант.

Как известно, с января 1758 года по июль 1762-го Восточная Пруссия и Кенигсберг входили в состав Российской империи. Именно

тогда, а точнее 24 января 1758 года Кант вместе со всеми жителями региона присягнул на верность российской короне. Сохранилось и обращение Канта к Елизавете Петровне, в котором он просит должность ординарного профессора и называет себя «всеподданнейшим рабом» императрицы:

«Всесветлейшая, всеильная Императрица, Самодержица всея Руси, всемилостивейшая Государыня и великая жена!

семестр читал private лекции по этим наукам, защитил по ним две диссертации, а также представил результаты моих разработок в четырех статьях, помещенных в Кенигсбергской ученой газете, в трех программах и трех других философских трактатах.

Льщу себя надеждой быть назначенным на академическую службу по предмету сих наук, но более всего всемилостивейшее расположение Вашего Императорского Величества оказывать наукам Высочайшее покровительство и Всемило- стивейшую поддержку побуждает меня всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество всеми- лостиво пожаловать мне освободи- тельную кафедру ординарного профессора. Уповаю на то, что ака- демический сенат, ввиду обладания мною необходимыми к сему способ- ностями, сопроводит мое всеподдан- нейшее прошение благоприятными свидетельствами.

Уверая в своей глубочайшей пре- данности, Вашего Императорского Величества верноподданнейший раб Иммануил Кант

Кенигсберг, 14 декабря 1758 г.»

Прошение это осталось без вни- мания. Должность ординарного профессора в Кенигсбергском уни- верситете получил другой претен- дент, имевший больший преподава- тельский стаж.

После смерти Елизаветы Пе- тровны взойшедший на престол император Петр III, страстный поклонник прусского короля Фридриха II, вернул Пруссии все завоеванные территории, однако со временем Кенигсберг вновь оказался на территории нового российского региона, образованного на земле быв- шей Восточной Пруссии после ее завоевания Красной армией в ходе Кенигсбергской наступа- тельной операции (6–9 апреля 1945 года) во время Великой Оте- чественной войны.

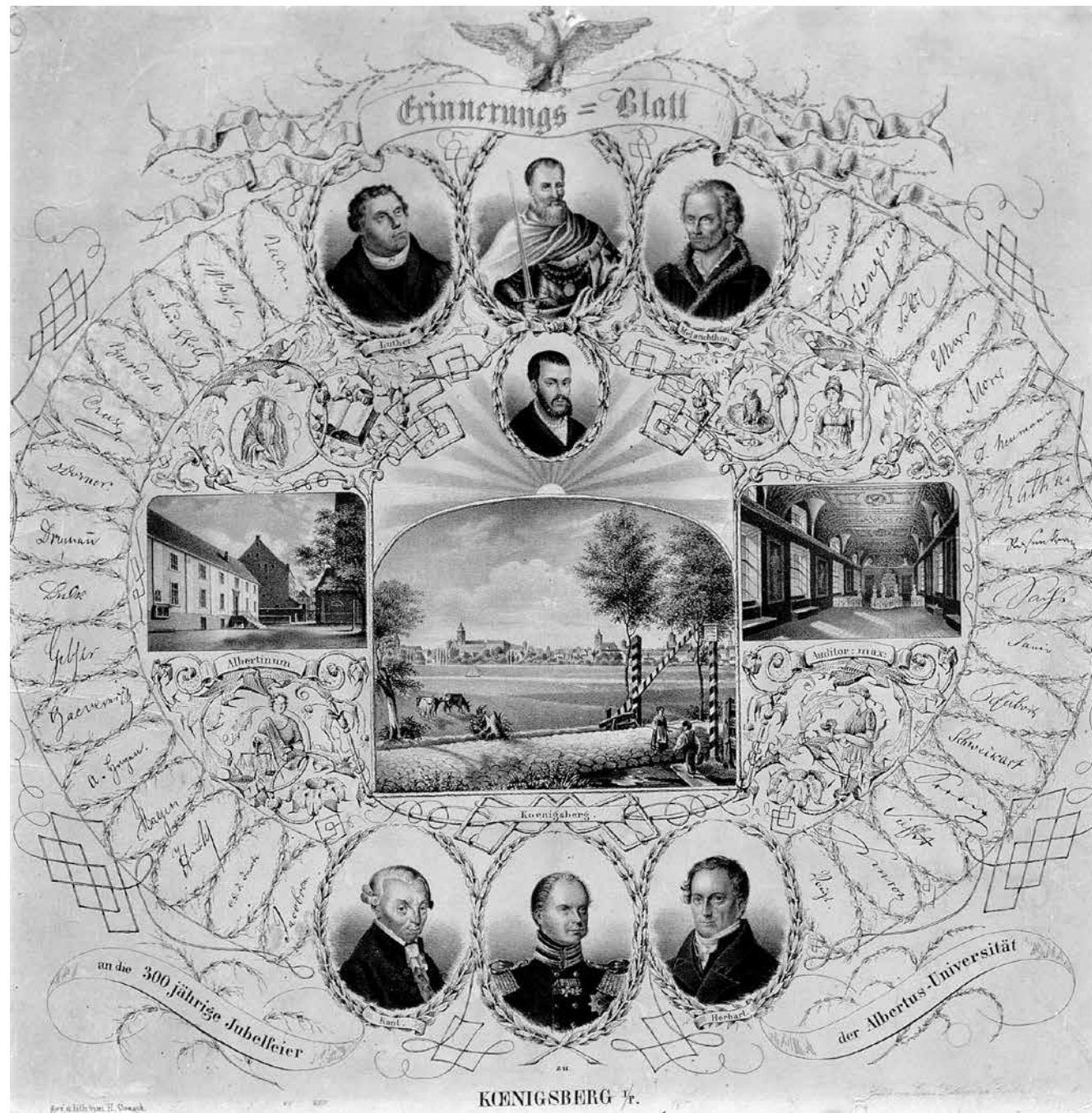
Вследствие кончины блаженной памяти доктора и профессора Кип- ке пост ординарного профессора ло- гики и метафизики Кенигсбергской академии стал вакантным. Обе эти науки всегда составляли главнейший предмет моих исследований. Став доцентом университета, я каждый

Тогда и началась история Бал- тийского федерального универ- ситета имени Иммануила Канта. В ходе послевоенного восстано- вления Калининградской области здание университета вновь стало функционировать в перестроен- ном виде: в нем разместился педа- гогический институт, на основе которого в 1947 году был создан Калининградский государственный педагогический институт (КГПИ). Первоначально в нем было три фа- культета: исторический, литера- турный и физико-математический. Позже исторический и литератур- ный факультеты были объединены в историко-филологический фа- культет и открыты факультет педа- гогики и методики начального об- учения и факультет естественных наук. Имена первых студентов, окончивших университет с крас- ным дипломом, были выбиты золо- тыми буквами на стене вестибюля здания. В числе выпускников был С. В. Даниель-Бек, будущий главный редактор Калининградского книж- ного издательства.

В 1956 году КГПИ перешел на подготовку специалистов широ- кого профиля, предусматривающую пятилетний срок обучения. Одна- ко в 1963 году институт вернулся к узкопрофессиональной подготов- ке учителей с четырехлетним сро- ком обучения.

16 июля 1966 года Постановле- нием Совета министров СССР Ка- лининградский государственный педагогический институт был пре- образован в Калининградский го- сударственный университет (КГУ). В его состав первоначально входили: физико-математический факуль- тет, факультет естественных наук, историко-филологический факуль- тет, экономико-правовой факультет. Первым ректором университета был назначен Николай Васильевич Прикладов.

В 1969 году в Калининграде была проведена «Летняя геометрическая

Плакат, посвященный 300-летию Кенигсбергского университета. Среди прочих чествуют и Канта. 1844

школа» – первый крупный форум страны, организованный Калининградским государственным университетом.

Структура университета постоянно совершенствовалась: в мае 1972 года на базе факультета естественных наук были

сформированы географический и химико-биологический факультеты. В дальнейшем в КГУ были созданы исторический, филологический, экономический, юридический и другие факультеты.

23 мая 2005 года Калининградский государственный

университет был переименован в Российский государственный университет имени Иммануила Канта (РГУ имени И. Канта; тип – федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования).

Начиная с 2006 года на базе университета ежегодно проводится Балтийский образовательный форум, в ходе которого ректоры ведущих российских и европейских университетов обмениваются накопленным опытом с целью повышения качества образования.

30 декабря 2010 года на базе Российского государственного университета имени Иммануила Канта был создан Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

При университете открыт кабинет-музей Иммануила Канта. Музей Канта имеется и в отреставрированном доме протестантского пастора Даниэля Эрнста Андерша в поселке Веселовка (до 1945 года – поселение Юдтшен), где три года, с 1747 по 1751 год, Иммануил Кант жил и работал домашним учителем в семье пастора Андерша. Музей располагается на территории ансамбля «Усадьба пастора прихода Юдшен, связанная с жизнью и деятельностью философа Иммануила Канта, XVIII–XIX вв.», который является объектом культурного наследия регионального значения.

Международный Кантовский конгресс в Калининграде

В 2024 году мир отмечает 300-летие со дня рождения выдающегося мыслителя Иммануила Канта. Город Канта станет местом, где развернется настоящий праздник философии, пройдут многочисленные юбилейные мероприятия.

В январе текущего года на встрече с учащимися вузов Калининградской области в Доме студента Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта президент РФ В. В. Путин отметил: «Кант, конечно, это один из самых великих мыслителей и того времени, и нашего. Фундаментальный

Здание Музея Иммануила Канта в «Доме пастора»

мыслитель. И, конечно, его призыв жить своим умом, как нельзя актуален и сегодня. <...> Напомню, что в результате Семилетней войны Россия вошла в Восточную Пруссию, заняла Кенигсберг. И Восточная Пруссия присягнула российскому престолу. Это сделали и студенты, и преподаватели университета, где всю жизнь работал и дважды был ректором этого университета Иммануил Кант. <...> Кант считал, что можно логически доказать существование Бога. Это сложные вещи, о которых он писал – по времени, по пространству, – но они очень любопытны, и есть смысл почитать и вникнуть в то, что он говорил, в то, что он писал, и в то, о чем он думал».

Международный Кантовский конгресс, посвященный 300-летию со дня рождения великого мыслителя, будет проходить в Калининграде 22–25 апреля. Ведущие ученые соберутся в городе, где родился, жил, творил и ныне покоится Иммануил Кант, чтобы обсудить наследие философа, влияние его идей на дальнейшее развитие науки и современность. Одновременно состоятся многочисленные научно-популярные, просветительские,

культурные мероприятия для академического сообщества, студенчества, жителей и гостей Калининграда.

«Мы испытываем глубокое уважение к тому наследию, которое оставил патрон нашего университета – профессор Кант. Его идеи оказали влияние на науку, культуру, педагогику, стали основой международного права. Последние несколько лет вуз формировал очень важный для России и партнеров международный тренд внимания к философии будущего – к осмыслению его нового образа, своей жизни, жизненно-образовательного маршрута, вклада в развитие страны и мировой цивилизации. Подготовка и проведение юбилейных мероприятий укрепит авторитет российской науки, а также повысит интерес иностранных ученых к работе в России. В свое время Кант сказал, что философия – единственная наука, которая способна дать нам внутреннее удовлетворение. Удивительно точно! В 2024 году нас действительно ждет торжество философской мысли», – подчеркнул ректор БФУ им. И. Канта Александр Федоров.

ЛИКИ ВЕЛИКОГО ПОСТА: МОМЕНТЫ СВЯЩЕННОГО ВРЕМЕНИ

Подготовительные воскресенья – это вехи на пути вступления в Великий пост

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

В понедельник 18 марта начинается Великий пост. Он продлится до 4 мая включительно. Пасха Христова в 2024 году празднуется 5 мая. Такая дата празднования Пасхи является одной из наиболее поздних. Совпадение Воскресения Христова и наступления по-настоящему теплого и праздничного весеннего времени несет в себе особый символ. «Днесь весна благоухает», – поется в одном из пасхальных песнопений.

Напомним, что православная пасхалия разрешает празднование Воскресения Христова в период от 4 апреля по 8 мая включительно. Такой диапазон определяется древним правилом, согласно которому Пасху следует праздновать в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния, наступающего не ранее весеннего равноденствия 21 марта. Этот четкий принцип важно запомнить, чтобы понимать, почему дата празднования изменяется из года в год и каким образом это происходит.

Наблюдая зарождение в ночном небе полнолуния, мы уносимся мыслями в далекое прошлое, подобно герою чеховского рассказа «Студент»: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, – сказал студент, протягивая к огню руки. – Значит, и тогда было холодно. Ах, какая это была страшная ночь <...> Иисуса

стали допрашивать, а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Петр и тоже грелся, как вот я теперь».

Такой особый взгляд на природу, на обыденные явления – настоящее духовное упражнение. Удивительно, как Чехов кратко, гениально, мимоходом, выразил его евангельскую суть.

Верующие Римско-Католической Церкви, англикане, лютеране и члены различных протестантских церквей и церковных сообществ празднуют Пасху одновременно. Как правило, принятая у них дата празднования почти никогда не совпадает с православной. Это происходит потому, что в определении пасхального цикла Православные Церкви берут за основу юлианский календарь. Последний отстает от современного григорианского календаря на тринадцать дней, а потому весеннее равноденствие в нем фактически приходится не на 21 марта, а на 3 апреля. Отсюда и первая возможная дата Пасхи – 4 апреля, а последняя из возможных – 8 мая. В свою очередь, в западной пасхалии, то есть у католиков и протестантов, Пасха может праздноваться в период между 22 марта и 25 апреля. В этом году западная, или латинская, пасха, как иногда ее называют, празднуется

уже 31 марта. Такая дата является весьма ранней.

Различие в датах празднования Пасхи между христианами не должно смущать. Ведь в первые века христианства существовали разные принципы определения даты Пасхи. Это не мешало различным местным церквям того времени находиться в общении и мирно сосуществовать, но иногда в церквях возникало желание унифицировать дату празднования, что порождало споры.

Принято считать, что конец разногласиям был положен на Первом Вселенском соборе 325 года. Тогда православные епископы Римской империи и некоторые за ее пределами установили в городе Никее принцип определения даты Пасхи, знакомый нам сегодня. Хотя различие даты Пасхи между православными и католиками не имеет отношения к тем спорам, в настоящее время ведутся разговоры о том, чтобы прийти к единой дате Пасхи ко дню празднования 1700-летнего юбилея Никейского собора.

В соответствии с древней традицией Церкви празднованию Пасхи предшествует Великий пост. Принято считать, что он состоит из двух частей. Первая в богослужбном уставе – Святая Четыредесятница. Она начинается в первый великопостный понедельник, который по традиции именуется Чистым Понедельником. К слову,

в 1944 году Иван Бунин написал одноименный рассказ. Этот и многие другие примеры из нашей литературы показывают, насколько глубоко в церковной традиции и культуре были укоренены великие русские писатели.

Святая Четыредесятница продолжается до пятницы Шестой седмицы, то есть недели Великого поста включительно. После богослужения в текстах песнопений и молитв говорится, что «душеполезная Четыредесятница» совершена верующими, то есть закончилась.

С первого дня Великого поста до окончания первой его части должно пройти ровно сорок дней. Это время личного покаяния, аскетических упражнений, радикального ограничения себя в развлечениях, пище и питии. В этом году Святая Четыредесятница продолжится с 18 марта по 26 апреля включительно.

Вторая часть Великого поста именуется Страстной Седмницей. Она начинается с понедельника после Святой Четыредесятницы и продолжается до Великой Субботы, то есть неполную неделю. Это наиболее ценное и драгоценное время церковного года для верующих. Все внимание в повседневности и в богослужении уделяется воспоминанию Священных Страданий Христа Спасителя. Гонения на Него со стороны власть предержащих в Израиле, предательство Иуды, Тайная вечеря, Суд и приговор, Распятие, Крест, смерть в муках и сошествие во ад составляют смысловую канву событий этого священного времени последних дней земной Жизни Господа. В ночь с Великой Субботы на воскресенье наступает торжество Воскресения Христова.

Таким образом, Великий пост состоит из двух частей. В нем существуют и дополняют друг друга два времени. Одно из них – это время личных усилий верующих в покаянии, самоограничении, работе над

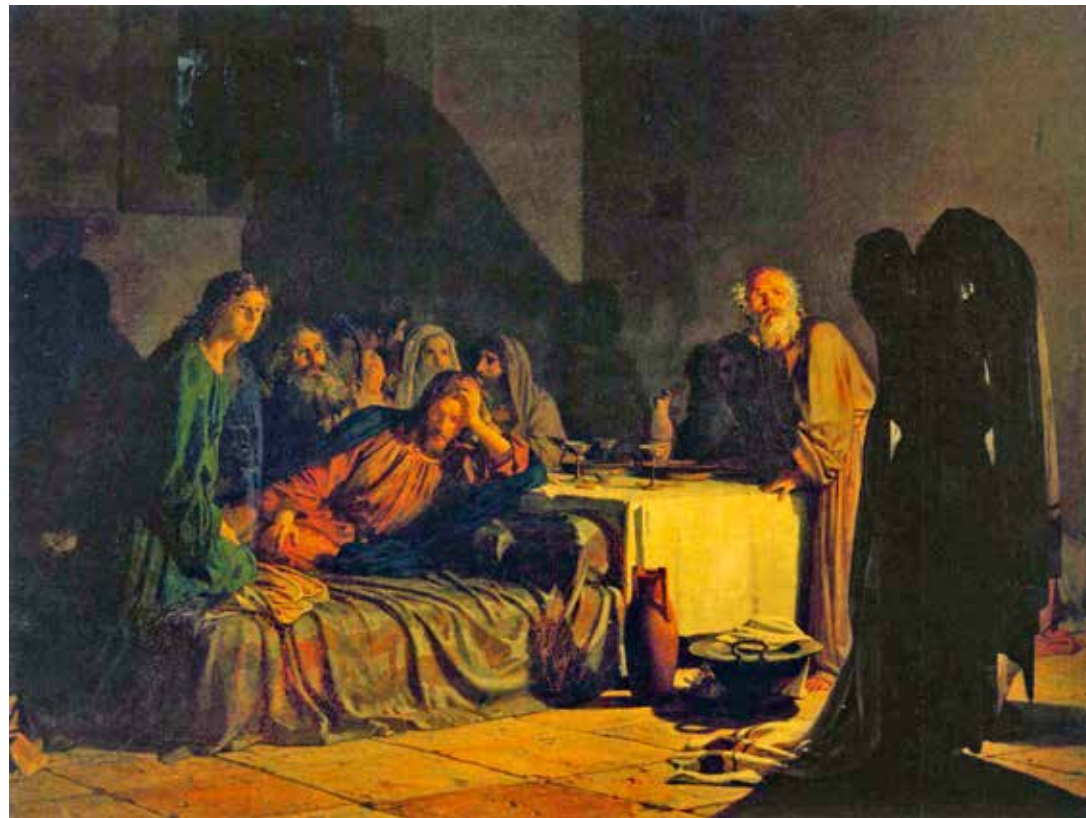

Икона «Спас Вседержитель». Из Высоцкого деисусного чина. 1387–1395

собой и исправлении. Второе время Поста – это период воспоминания Страданий Господа, который обладает мощнейшей всеобщей христологической гравитацией. Об этой таинственной диахронии важно не забывать, чтобы осознанно проходить великопостное время

в пользу для разума, духа и души, а не только в ограничении тела.

Чрезвычайно важно помнить и о том, что у Великого поста существует еще один период, который, как правило, остается без внимания людей светских. Это так называемые подготовительные недели.

Николай Ге. «Тайная вечеря». 1863

Неделей на церковном языке называется воскресенье. Подготовительные воскресенья – это вехи на пути вступления в Великий пост. О том, сколько существует таких подготовительных недель, нет общего мнения. Дело в том, что первым знаком приближающегося Великого поста является воскресенье, за литургией которого читается отрывок из Евангелия от Луки, посвященный обращению Закхея. Это 19-я глава, стихи с 1 по 10. На протяжении всего десяти строк Евангелист говорит о том, как «Иисус вошел в Иерихон и проходил через него» (1).

В Писании город Иерихон считался одним из олицетворений человеческого греха, а потому упоминание о нем в контексте земной жизни Господа имело особое значение. Во времена Иисуса в городе жил «некто, именем Закхей, начальник сборщиков податей и человек богатый» (2) и грешный.

«Он был мал ростом» (3) и в толпе не мог увидеть проходившего мимо Иисуса. Тогда, несмотря на насмешки народа, который, вне всякого сомнения, и так презирал его за сотрудничество с властями языческой Римской империи, Закхей влез на смоковницу. «Потому что Ему надлежало проходить мимо», – говорится в Евангелии (4). Но Господь мимо не прошел. Он увидел нелепо взгромоздившегося на дерево грозного и прежде наводившего страх на окружающих человека. «Закхей! Сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме» (6). Как и прежде, в иных местах Евангелия, Иисус Сам идет к грешным людям, ищет их обращения.

Это евангельское чтение, в котором говорится о благословении дома Закхея, всегда прочитывается во время освящения жилья. Пожалуй, это единственное

богослужение, совершить которое просят священника как убежденно верующие, так и люди, не ходящие постоянно в церковь. В этой общности безбоязненного уподобления Закхею в спонтанном жесте поиска благословения Церковь объединяет людей. Чтением об этом событии на воскресной литургии обозначается приближение великопостного времени. «Иисус сказал Закхею: ныне пришло спасение дому сему, ибо Сын Человеческий

пришел взыскать и спасти погибшее» (9–10).

Главной богослужебной книгой, читаемой во время Великого поста, является сборник Триодь. Поскольку во время службы в Неделю Закхея Триодь еще не употребляется, Неделя о Закхее не всегда воспринимается в качестве подготовительной. Однако евангельское чтение, содержащее в себе призыв к покаянию и обетование прощения, уже обращено к великопостной тематике.

Следующим подготовительным воскресеньем является Неделя о мытаре и фарисее. В этот день за литургией прочитывается текст из Евангелия от Луки, 18 глава, стихи с 14 по 18. В этом тексте Господь Иисус преподавал слушающим Его урок отношения к Богу и ближним, евангельский образ делать добро, неотделимый от смирения и покаяния.

Согласно священному тексту «два человека вошли в Храм помолиться. Один фарисей, и другой мытарь» (10). Обращение к образу сборщика податей – мытаря, которое в словах про Закхея было реальным событием, в этом евангельском чтении становится притчей. Фарисей в своей молитве благодарил Бога, описывая свои внешние добродетели – пост, десятина и прочее – и осуждал своих ближних. «Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: „Боже! будь милостив ко мне, грешнику“» (13).

Эти краткие слова удивительным образом запечатлелись в памяти Церкви. В восточной монашеской традиции возникла практика постоянного повторения слов мытаря, и со временем они стали Иисусовой молитвой. А отказ от подражания самохвальству фарисея имеет своим следствием тот факт, что в Православной Церкви пост, положенный в среду и пятницу, в Седмицу Мытаря и Фарисея строго отменяется.

У этого чтения есть и иной, грустный оттенок. Фарисей и мытарь молились в Иерусалимском храме. По сути, эта их молитва была одной из прощальных молитв в этом, единственном на земле божественном храме, которому вскоре после Распятия Господа суждено было быть разрушенным под ударами Римской армии. Храмом Бога отныне будут сердца верующих во Христа людей.

Вслед за Неделями мытаря и фарисея наступает и третье подготовительное воскресенье перед Великим постом. За литургией читается Притча о блудном сыне.

Это пятнадцатая глава Евангелия от Луки, стихи 11–32. Этот текст имеет огромное значение. Можно сказать, что он в значительной степени сформировал бытие всего христианского мира. Этот

Поль Гюстав Доре. «Фарисей и мытарь». Между 1866 и 1870

небольшой отрывок евангельского повествования создал важнейшие элементы светской культуры и церковной духовности.

Так, главное песнопение монашеского пострига посвящено Притче о блудном сыне. Человек, становящийся монахом, принимает на себя его образ. Богословие говорит нам, что монашество – это не таинство, но продолжение крещения. Таким образом эта притча отображает жизнь всякого христианина.

В культуре блудному сыну посвящены картины, произведения искусства, литературные образы.

Словосочетание «блудный сын» стало устойчивым выражением на разных языках. Удивительно, что без этой притчи невозможно представить себе историю человечества.

У этой притчи может быть множество толкований. Первое напоминает нам о христианстве. Согласно Писанию и Отцам, Церковь составила из иудеев и язычников. Язычники – это блудные сыны. Они обратились к Богу позже, чем библейский народ Ветхого Завета.

Второе толкование – это духовная жизнь каждого человека.

Рембрандт. «Возвращение блудного сына». Около 1668

Большинство из нас обратились к вере сознательно. Мы отвергли прежние ошибки и пришли ко Христу. Небесный Отец принял нас в свои объятия.

Еще одно толкование напоминает нам об именах и образах Бога. У Бога множество имен. Но самое важное – это убеждение в том, что Бог – наш Отец. Об этом мы говорим в молитве «Отче наш». Бог стал нашим Отцом в крещении. Символ Веры начинается словами о том, что Бог – наш Отец. «Верую во Единого Бога, Отца, Вседержителя», – говорится в нем.

В одном из древних патериков, то есть сборников о жизни и изречениях подвижников, говорится о том, как к одному из аскетов в пустыне пришел человек из города и сказал: «Твой отец умер». «Ты лжешь, мой Отец бессмертен», – ответил монах. Бог – Отец наш, «Бог – это Отец» – не просто имя, но догмат, суть христианского православия.

В-третьих, Воскресенье Блудного сына – это день всех святых. Ведь каждый святой прошел через обращение и покаяние. Каждый святой получил прощение и благословение,

облечен в одеяния света, был принят в объятия Небесного Отца.

Наконец, у притчи есть и всегда новое нравственное значение. Мы живем в эпоху постмодерна. Одним из ее символов является постоянная переменчивость. Нет ничего постоянного говорит наше время. Переменчивость стала своего рода добродетелью современности. Поэтому надо понять, что возвращение блудного сына к Богу будет повторяться. Люди, народы, страны и цивилизации будут забывать о Боге, уходить от Него, приходить снова, вновь уходить и снова возвращаться в Церковь, которая есть Отчий Дом. Притча учит нас самих всякий раз снова и снова спешно и без сомнения возвращаться к Богу, она учит нас каждый раз радоваться возвращению к Богу наших ближних, благодарить, принимать и не осуждать.

Четвертое подготовительное воскресенье перед Великим постом именуется Неделей о Страшном Суде. За литургией этого дня прочитывается заключительная часть 25-й главы Евангелия от Матфея, стихи 31–46, в которой Евангелист устами Господа Иисуса или, лучше, Сам Господь Иисус, в Духе Святом, говорит о Суде. Этот Суд, который на русском и церковнославянском языках именуется Страшным, а на прочих языках Последним Судом, совершится в конце истории.

Картина Суда, события, имеющего целью навсегда определить участь всего человечества, разворачивается в шестнадцати стихах. Едва ли какой из евангельских текстов, помимо повествований о Рождестве, Кресте и Воскресении, в такой степени сформировал и продолжает определять развитие всего мира на протяжении более двух тысяч лет.

«Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо

алкал Я, и Вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне», – говорит Господь (34–36).

Общности призвания всех соответствует и общность критериев оправдания и осуждения.

Сама идея благотворительности, служения ближним, самоотверженности и самопожертвования не ради корысти или выгоды, а ради ближнего и ради Господа, со временем создала систему здравоохранения и социальной помощи, которая продолжает спасать миллионы жизней, даже если ее первоначальное библейское обоснование ушло на другой план. Мысль о Последнем Суде сформировала контуры человеческой совести, придала неповторимые черты культуре, искусству и литературе. Изображение Страшного Суда – единственное изображение будущего в иконографии. Оно украшает великие соборы древности.

«Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы» (31–32). Так Сам Господь свидетельствует о всемирности предстоящего Суда. «Все народы» – это и пророчество о том, что общение с Единым Истинным Богом станет всеобщим и более не ограничится одним избранным народом, как это было в ветхозаветном времени.

Слова о «всех народах» – это свидетельство о том, что проповедь благой вести о Христе будет всемирной, а Господь Иисус – Мессия, пришедший во спасение всех. Вера во Второе Пришествие Господа и Последний Суд является данностью библейского новозаветного Откровения и христианским догматом. «Верую в Господа Иисуса, вновь Грядущего со славой

судить живых и мертвых», – говорится в Символе Веры. Господь Иисус вернется на землю со славой и совершит суд над всеми народами земли.

Содержание Притчи о Страшном Суде предельно ясно. Дела, за которые праведники удостоиваются оправдания, а осужденные бывают отвержены, не требуют иносказания. Однако этот текст является одним из самых сложных для понимания. Толкователи и проповедники всех времен, начиная с самой святоотеческой эпохи, задавались вопросом, почему, говоря об элементарных человеческих потребностях – еде, питье, одежде и ночлеге, а также долге по отношению к больным и лишенным свободы, как критериях оправдания или осуждения, – Господь Иисус ничего не говорит о вере или, скажем, догматах. Это намеренное противоречие в евангельском тексте, одно из немногих противоречий, внесенных в Писание Самим Духом Святым, навсегда останется без окончательного ответа. Пожалуй, если бы Господь в той или иной форме упомянул об истинах веры, это стало бы для всех будущих христиан колоссальным и непреодолимым поводом для гордости. Но перед трагической сложностью соприкосновения с ближним в помощи и служении все равны. Совершение добрых дел вне корысти является сутью нравственного учения Нового Завета.

Все повествование о Страшном Суде – это, по сути, свидетельство о Самом Христе. Важной особенностью Евангелия от Матфея является чрезвычайное внимание к деталям. Тот факт, что Притча о Страшном Суде помещена евангелистом непосредственно перед началом повествования о Страданиях и Крестной смерти Господа, говорит о чрезвычайной его важности. По сути, в нем подводится итог всей земной жизни Господа.

Иисус прощается со Своими Учениками, с теми, кто уверовал и, главное, с теми, кто отверг Его, и провозглашает, что отныне вернется во славе в конце истории для Суда. Апостольский круг увидит Его по Воскресении. Те же, кто не уверовал в Него во время Его земной проповеди, более не увидят Его на земле никогда. Шестнадцать стихов повествования Евангелия от Матфея стали фундаментом человеческих отношений и руководством ко спасению. Их важно выучить наизусть и постоянно, как молитву о помощи, повторять.

Последнее подготовительное воскресенье перед Великим постом (в этом году оно приходится на 17 марта) называется Прощеным Воскресеньем. Темой для размышления верующих на сей раз становится изгнание Адама и Евы из Рая.

На литургии читается текст из Евангелия от Матфея, 6-я глава, стихи 14–21, в которых Господь Иисус говорит о необходимости прощения: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вас Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (14–15). Исполняя написанное, после особой, теперь уже великопостной вечерни верующие просят друг у друга прощения, чтобы начать для себя и для Церкви новое покаянное время.

Прощеное Воскресенье, Неделя Прощения, приоткрывает нам суть благой вести Господа Иисуса Христа, Самооткровения Бога в принятии Своих людей, во взаимном прощении и благословении.

Всматриваясь в лики Великого поста, раскрывающиеся в богослужении и евангельских чтениях, мы учимся понимать и радоваться о том, что Бог – подлинное будущее каждого человека и всех во Христе людей.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА БИСМАРКА

После Франко-прусской войны 1870–1871 годов не только у границ Франции, но и у границ России возникла мощная держава – Германская империя

ТЕО ГУРИЕЛИ

К началу 1870-х годов российским политикам стало ясно, что Пруссия становится опаснейшим противником России в Европе. Прусский первый министр Отто фон Бисмарк проявлял невиданную ловкость в дипломатической игре не только с Российской империей – он пытался перетасовать карты в политической игре со всеми державами Европы.

В период польского восстания он настраивал все европейские страны против России, представляя Пруссию как сторонницу наиболее целесообразных для всех сторон решений. Это усилило дипломатический выигрыш Пруссии и собственные позиции Бисмарка. К тому же обстановка в Европе довольно часто складывалась в его пользу. К примеру, он воспринял как немалую удачу охлаждение

Портрет светлейшего князя А. М. Горчакова работы Йохана Келера. 1870-е годы

отношений между Францией и Англией вследствие отказа последней участвовать в конгрессе, который задумал провести Наполеон III. Понятно, что без английского участия

проводить такой конгресс не имело ни малейшего смысла.

Теперь в действиях трех великих европейских держав – России, Франции и Англии – не было никакой согласованности, и уже одно это исключало всякие попытки воспрепятствовать объединению независимых германских государств вокруг Пруссии.

Из всех европейских дипломатов лучше других понимал эту опасность канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков, но в данный момент он мало что мог сделать. Тем более что Бисмарку снова крупно повезло: ему представилась возможность

осуществить широкую и крайне эффективную дипломатическую операцию, которую, кстати, он задумал, пусть и в общих чертах, уже давно.

15 ноября 1863 года скончался датский король Фредерик VII – на престол Дании вступил его наследник Кристиан IX. Встал вопрос о том, кто будет владеть Шлезвиг-Гольштейном, двумя герцогствами, расположенными на юге полуострова Ютландия, рядом с Данией. Наследственные права на эти герцогства были еще в 1852 году признаны всеми державами, в том числе и Пруссией. Но население соседних германских княжеств никогда их не признавало. Генеалогические, исторические и юридические права представляли в данном случае такое хитросплетение, которое не удавалось распутать уже полтора века. Не могли его, разумеется, распутать ни Бисмарк, ни Пальмерстон, ни Горчаков, ни Наполеон III.

Когда в самом конце 1863 года пришла весть о первых шагах Бисмарка по шлезвиг-гольштейнской проблеме, лорд Пальмерстон заявил (правда, не для огласки, а в интимном кругу): «Во всей Европе еще недавно шлезвиг-гольштейнский вопрос понимали три человека – принц Альберт (муж королевы Виктории), один старый датчанин и я. Но принц Альберт, к несчастью, недавно умер; старый датчанин сидит теперь в доме умалишенных, а я совершенно забыл, в чем там дело».

Бисмарк вовсе не пытался представить себя единственным политиком Европы, который был бы способен разрешить эту явно не поддающуюся решению проблему, то есть доказать или полностью опровергнуть юридические права датского короля на обладание Шлезвигом и Гольштейном. Однако он вознамерился превратить эту проблему в некий механизм для осуществления своих планов. Что могло быть привлекательнее для жителей во всех разрозненных германских государств и княжеств, того факта, что Пруссия выступит в роли знаменосца в восстановлении исторической справедливости,

в возвращении «германских братьев» в лоно единого германского пространства? Что могло быть более обещающим для будущего национального возрождения, страшным препятствием для которого стал в 1850 году российский император Николай I?

Но сейчас, в 1864 году, условия для осуществления плана Бисмарка, были намного благоприятнее, чем во времена Николая I. Его преемник Александр II был явно расположен к своему дяде, прусскому королю Вильгельму I, а политические маневры Бисмарка, предпринятые им в ходе польского восстания, заставили русского царя питать дружеские чувства и по отношению к прусскому первому министру.

Горчаков, однако, был настроен по отношению к прусским политикам, и в первую очередь к Бисмарку, скептически. Опытнейший дипломат, прекрасно разбиравшийся в людях, с которыми имел дело, он с первых дней знакомства с Бисмарком почувствовал, что прямодушные и искренность прусского первого министра – это всего лишь маска, за которой кроется коварный и хитроумный политический интриган.

Бисмарк понимал, что Горчаков не верит ни одному его слову, видит его насквозь, а посему не мог не питать к нему ненависти. Это ярко проявилось в его письмах, в его заметках, даже в его воспоминаниях.

Историк А. Попов справедливо отмечал, что все выпады Бисмарка в адрес Горчакова объясняются главным образом тем, что «Горчаков оказался несравненно умнее, чем это было нужно Бисмарку». Именно в этом была причина злоязычия первого министра в адрес Горчакова. Вот что писал Бисмарк: «Личная его неприязнь ко мне была сильнее чувства долга перед Россией... Он не хотел услуг от нас, а стремился отдалить Россию от Германии... тщеславие и зависть ко мне были в нем сильнее

патриотизма... Горчаков старался доказать царю, что моя преданность ему, мои симпатии к России лицемерны или в лучшем случае только платонического свойства, и стремился поколебать доверие Александра II ко мне, что ему впоследствии и удалось».

И все же, как ни старался Горчаков представить Александру II политические акции Бисмарка как международные интриги, ведущие к войне, император предпочел занять нейтральную позицию. Поэтому Бисмарк мог не беспокоиться: никакого русского вмешательства применительно к шлезвиг-гольштейнскому вопросу не намечалось, несмотря на твердую позицию Горчакова.

Разговоры о «германском возрождении» и призывы к «восстановлению исторической справедливости» возымели действие. 12 тысяч саксонцев и ганноверцев во главе с комиссарами Германского союза вторглись в герцогства. А 16 января 1864 года Пруссия и Австрия под угрозой вторжения потребовали отмены в течение 48 часов датской конституции, только что одобренной датским парламентом и утверждающей суверенитет над Шлезвиг-Гольштейном. Дания, конечно, отказалась, и австрийские и прусские войска тут же начали вторжение в страну. Разгром датских войск был неминуем. 30 октября в Вене был заключен мир, по которому Дания уступала Пруссии и Австрии Шлезвиг, Гольштейн и в придачу Лауэнбург. Бисмарк стал самым популярным человеком во всех странах Германского союза, а Пруссия заслужила огромную признательность всех германских княжеств.

14 августа 1865 года была заключена Гаштейнская конвенция о том, что Австрия и Пруссия будут совместно владеть Шлезвиг-Гольштейном, причем Пруссии было предоставлено

Портрет Отто фон Бисмарка
работы Франца фон Ленбаха. 1890

управление Шлезвигом, а Австрии – Гольштейном.

Вскоре, однако, в рядах союзников начался раскол: Бисмарк воспользовался тем, что Австрия внесла 1 июня 1866 года вопрос о Шлезвиг-Гольштейне в союзный сейм и назначила на 11 июня открытие шлезвиг-гольштейнского сейма: Пруссия объявила эти действия Австрии нарушением Гаштейнской конвенции и двинула свои войска в Гольштейн. Это стало катализатором для начала Австро-прусско-итальянской войны.

То был самый сложный этап в политической и военной карьере Бисмарка. Он и хотел этой войны, и понимал, что на карту будут поставлены не только его карьера, но и будущее Пруссии как лидера в Германском союзе. Что без войны, и войны победоносной, Пруссии не удастся изгнать Австрию из Германского союза и что

без поражения на поле битвы Австрия не позволит прусскому королю стать главой объединенной Германии, Бисмарку было ясно еще в 1850 году, когда Николай I был призван на помощь австрийцам императором Францем-Иосифом и его канцлером князем Шварценбергом. С тех пор австрийская монархия внимательно наблюдала за поведением Пруссии. Следовательно, дипломатическими маневрами до конца было

невозможно. Но все же первый министр решил начать с дипломатическими шагами.

Важнейшим шагом было убедить, что Россия в конфликт между Пруссией и Австрией не вмешается. Бисмарк был реалистом, он понимал, что Россия, держава-гигант, может стать очень опасным противником Германского союза: ведь и в географическом, и во многих других отношениях Россия находилась в гораздо более выгодном положении, чем Пруссия. Следовательно, Бисмарку надо было договориться с Россией.

Бисмарк знал, что Александр II по-прежнему высоко ценит «услугу», оказанную Пруссией в 1863 году, и не будет препятствовать Пруссии свести старые счеты с Австрией. Царь не забыл ни акции Франца-Иосифа во время Крымской войны, ни грубое оскорбление, нанесенное Буолем России

на Парижском конгрессе. Царь расценивал все это как предательство. Но вопрос был в Горчакове. Мудрейший дипломат создавал, что речь вовсе не о том, как разберутся между собой Пруссия и Австрия в Шлезвиг-Гольштейне, а о том, как Германия начнет объединяться вокруг Пруссии. Горчаков считал, что это не выгодно России, особенно в дальней перспективе. Он понимал, что объединение Германии создаст нового мощного противника России в Европе и что противник этот останется в центре Европы на века. Следовательно, русская дипломатия должна была оказать такому объединению решительное противодействие.

У Горчакова был свой стиль общения с иностранными дипломатами. Если ему предстояла встреча с послом или министром страны, обладающей прочным суверенитетом, он был внимателен, дружелюбен и достаточно откровенен. Но в тех случаях, когда страна его собеседника зависела от России, он показывал ему, не очень церемонясь, что он, Горчаков, всегда готов эту зависимость использовать. «Мне пришлось, – вспоминал впоследствии Бисмарк, – сказать ему в частной беседе: вы обходитесь с нами не как с дружественной державой, а как со слугой, который недостаточно быстро является на звонок».

Однако, как понял Горчаков, родственные чувства царя к германцам и обида на австрийцев взяли верх. Бисмарку стало ясно, что теперь нельзя терять ни дня. 16 июня 1866 года прусская армия начала военные действия против Австрии. Бисмарк впоследствии говорил, что никогда ему не приходилось в такой степени все ставить на карту, как в июне 1866 года. Против Пруссии были, кроме Австрии, также Бавария, Саксония, Ганновер, Вюртемберг, Баден, Гессен, Нассау и Франкфурт. В самой Пруссии еще не был улажен конфликт между королем

и ландтагом. Бисмарка громко обвиняли в провоцировании братоубийственной войны.

Война началась для Пруссии и ее союзников с неудачи. В первом же сражении с австрийцами (24 июня при Кустоце) хорошо вооруженная итальянская армия, численность которой значительно превышала австрийскую, отступила в панике. Поражение итальянцев озадачило Бисмарка: он не ожидал такого отсутствия боеспособности у своих союзников. Плану Бисмарка по разгрому австрийской армии по частям грозил провал. Положение спас талантливый стратег, командующий прусской армией генерал Гельмут фон Мольтке. Искусным маневром он вынудил австрийцев начать решительное сражение уже 3 июля. Близкие к Бисмарку люди позже утверждали, что в этот день у первого министра был в кармане пузырек с ядом.

Пруссия выиграла войну. Немалую роль в этом сыграло техническое превосходство прусской армии: на ее вооружении уже были скорострельные винтовки затворного заряжания, новые орудия высокой точности, оптические приборы командиров и артиллерийских наводчиков. Вооружение австрийской армии было в своем большинстве архаичным. К тому же прусская армия прошла успешную реорганизацию.

Мир между Австрией и Пруссией был подписан в Праге 24 августа 1866 года. Австрия ушла из Германского союза, предоставив прусскому королю главенствующую роль в объединяющейся Германии. По новой конституции Северогерманского союза, реорганизованного в самом начале 1867 года, прусский король объединял в качестве президента этого союза все германские государства, расположенные к северу от реки Майн. Но и южные государства (Бавария, Вюртемберг, Гессен, Баден) заключили

с Северогерманским союзом оборонительное и наступательное соглашение. Таким образом, прусский король становился верховным военным главой союза и полномочным руководителем его дипломатии. Пруссия, кроме этого, усилилась включением непосредственно в ее состав Ганновера и некоторых других владений.

Горчаков с беспокойством следил за происходящим. Победа прусской армии при Садове, в которой пруссаки в полной мере использовали свое техническое и организационное преимущество, подсказала русским военным деятелям, что необходимо положить конец дебатам о проведении реформы в российской армии: пора эту реформу осуществлять. Поражение Австрии повлияло и на настроения в Петербурге. Александр II, не меняя в целом своего отношения к дядюшке Вильгельму I, начал довольно демонстративно приближать к себе французского посла в Петербурге – генерала Флери.

Что касается Бисмарка, то теперь свою главную задачу он видел в том, чтобы перенести военные успехи в область международной политики, то есть вернуться к дипломатическим интригам. На этом пути ему предстояло установить в сложившейся в Европе обстановке (и на новой основе!) отношения с императором Франции Наполеоном III – и в силу того, что Пруссия показала всей Европе мощь своего оружия, и в силу того, что, желал это признавать Наполеон III или нет, дипломатическое поражение французского императора было полным.

Что же касается России, то русский канцлер Горчаков был раздосадован и успехами Бисмарка, и неудачными действиями Наполеона III. В 1865 году и во второй половине 1866 года Горчаков и Александр II даже раздумывали, не выступить ли против столь стремительного

уничтожения Пруссией самостоятельности мелких германских государств. Рост могущества Германского союза вызывал серьезное беспокойство. Горчакова, дальновидного политика, более всего волновал предстоящий подъем объединенной германской экономики.

Что касается французского императора, то он в то время был более всего озабочен судьбой герцогства Люксембург. С весны 1867 года Горчаков, нисколько не желая помогать Наполеону III в люксембургском деле, которое русский дипломат считал безнадежно проигранным, стал настаивать на созыве конференции великих держав. Он чувствовал, что пахнет новой войной, и поэтому стремился выяснить, каковы планы у Наполеона III применительно и к люксембургскому вопросу, и к раскладке сил в Европе в целом. И конечно, Горчакова интересовали планы Бисмарка. При этом он понимал, что на этой конференции Бисмарк постарается ввести в заблуждение не только французов, но также русских и англичан.

Англичане тоже с тревогой наблюдали за происходящим в континентальной Европе. Лорд Дерби, британский премьер, получил секретное сообщение о том, что Наполеон ведет в своем окружении разговоры о возможном «присоединении Бельгии к его империи». Таким образом, все великие державы были заинтересованы в проведении конференции, которая могла бы дать им хотя бы общее представление о планах сторон.

Конференция собралась в Лондоне и заседала с 7 по 11 мая 1867 года. Ее решения на существующую ситуацию повлияли мало. Люксембург остался в прежнем положении; правда, Пруссии пришлось вывести из герцогства свои войска. Нейтралитет Люксембурга был гарантирован всеми европейскими державами.

Наполеон III сдается Вильгельму I после битвы при Седане

На первый взгляд итоги конференции были положительными. На самом деле именно то, что Пруссия вывела из Люксембурга свои войска, а французы торжествовали по этому поводу, только обострило отношения между Пруссией и Францией. Каждая из сторон считала себя сильнее и полагала, что, выиграв войну, станет самой мощной державой в Европе.

Заметим, что война между Францией и Пруссией стала возможной не только потому, что прусская армия была на тот момент самой сильной в Западной Европе, но еще и благодаря коварству Бисмарка. Намереваясь ускорить приближение войны, он совершил явный подлог: вычеркнул из депеши, полученной от своего посла, все, что говорилось о возможности продолжения мирных переговоров между Францией и Пруссией, а также о том, что прусский король не хочет войны. В итоге оставшаяся часть депеши выглядела так, что Пруссия отказывается от каких-либо переговоров с Францией.

И вот эту фальшивку явно провокативного характера Бисмарк передал прессе.

Заметим, что впоследствии Бисмарк признал, что совершил грязный подлог, своего рода политическое мошенничество, но, по сути дела, все это лишь ускорило начало войны. Историки считают, что и Бисмарк, и Наполеон III получили то, к чему одинаково стремились. Теперь войну считали неизбежной и в Пруссии, где с холодной расчетливостью готовили пушки к бою, и во Франции, где повсюду – от Законодательного собрания в Париже до площадей в поселках – требовали «бить пруссаков».

В России никто не радовался тому, что два ее потенциальных противника собираются скрестить шпаги. Царь Александр хорошо представлял себе, каким жалким на тот момент было состояние французской армии, – даже не смотря на то, что французская винтовка была более современным оружием, чем винтовка прусская. Но боевая подготовка французов,

инженерное и тыловое обеспечение, боеготовность в целом были на крайне низком уровне. Во французской армии, в отличие от прусской, не было практики использования железнодорожных перевозок для переброски войск с одного направления на другое, не было должной организации снабжения войск боеприпасами.

Российский император понимал, что французскому народу предстоят немалые испытания и серьезные потери. Когда он узнал о требованиях, предъявленных французским правительством королю Вильгельму I, он с горечью сказал своему любимцу генералу Флери, французскому послу в Петербурге: «Вы думаете, что у вас одних есть самолюбие...»

Возможно, именно на такую реакцию царя и рассчитывал Бисмарк, когда совершал свой подлог. Он и решился на него, потому что понимал, как раздражало Александра поведение Наполеона III и насколько Пруссии выгодно начать войну именно в такой обстановке.

Примерно так же судили о будущем Франции и в Соединенном Королевстве. Английские дипломаты, которые с той же легкостью подкупали французских чиновников, как покупали французские трюфеля, тоже немало знали о соотношении сил Франции и Пруссии и ожидали разгрома французской армии. Но настроения в Англии мало интересовали Бисмарка – Россия была для него намного важнее.

Война началась в самых благоприятных для Бисмарка условиях политической и, конечно, дипломатической обстановки. Он сразу же опубликовал сохраненное в личном архиве письменное изложение тайных требований Наполеона III на счет Бельгии, неосторожно поданное ему в 1867 году французским послом. Англия была возмущена этим доказательством агрессивности и коварства Франции. 20 июля 1870 года французским дипломатам явно было нечего сказать по этому поводу. А как известно, когда дипломаты молчат, говорят пушки...

Характерно, что война была начата не Пруссией, а императором Франции Наполеоном III. А закончилась она страшным поражением Франции, в результате чего Пруссия сумела быстро преобразовать Северогерманский союз в единое и мощное Германское государство под своим контролем, приобрести Эльзас и Лотарингию и еще получить контрибуцию от агрессора, то есть от начавшей боевые действия Франции.

Военные успехи прусских войск заставили русскую дипломатию действовать активнее. Теперь Горчаков думал уже не о том, какими будут итоги войны, а о том, чтобы войну поскорее прекратить, пока ослабление Франции не привело к потрясениям во всей Европе. По его просьбе российский император, еще до страшного разгрома французской армии при Седане, написал письмо прусскому королю,

убеждая его не навязывать Франции унижительного мира. Ответ короля Вильгельма его серьезно огорчил. Дядя поставил племянника в известность, что «общественное мнение в Германском союзе вряд ли позволит ему отказаться от аннексий».

В результате сражений 14–18 августа 1870 года в районе Меца Рейнская армия в составе пяти корпусов под командованием маршала А. Базена была осаждена в крепости Мец. Французское военно-политическое руководство после долгих колебаний приняло решение начать операцию по деблокированию Меца, направив Шалонскую армию в составе четырех корпусов в наступление вдоль северо-восточной границы Франции. Решающую роль в принятии такого решения сыграло, кстати, то, что в Шалонской армии, командующим которой был маршал Парис де Мак-Магон, в то время находился император Франции Наполеон III. Во время битвы под Седаном Наполеон III вынужден был сдаться неприятелю, после того как ему, по его словам, «не удалось найти смерть».

2 сентября Наполеон III отправился в назначенный ему Вильгельмом I для жительства дворец Вильгельмскеэ. Через день после сдачи Наполеона III в плен в Париже началась Сентябрьская революция, свергнувшая правительство императора.

Седанская катастрофа заставила французских дипломатов молить русских и англичан о помощи. Французский поверенный в делах де Габриак бросился к Горчакову и стал страшать его неизбежным и непредсказуемым усилением Германии. Но Горчакова трудно было чем-то напугать: он беспристрастным тоном посоветовал «правительству национальной обороны» Франции как можно скорее заключить мир. Единственное, что

он пообещал: царь снова напишет королю Вильгельму и посоветует ему соблюдать «умеренность». Он добавил, что в случае созыва европейского конгресса Германия услышит на нем миролюбивый голос России.

По просьбе Горчакова Габриак показал ему телеграмму, в которой сообщал своему правительству о беседе с русским министром. Несколько воодушевленный, Габриак включил в телеграмму такую фразу: «Россия не допустит мира, не основанного на нашей территориальной целостности». Горчаков тут же прокомментировал подобную интерпретацию собственных слов: «Не допустить какого-либо положения, – сказал он, – это для великой державы значит обратиться к оружию, чтобы воспрепятствовать ему. Россия не может пойти так далеко».

Между тем Александр II и Горчаков согласились принять Адольфа Тьера, назначенного французским президентом и отправившегося в турне по столицам европейских государств, чтобы просить о «заступничестве». Тьер был принят в Петербурге довольно любезно, но ему было сказано, что царь хочет скорейшего мира. «Он окажет вам помощь, чтобы завязать переговоры, но не больше», – сказал Тьеру Горчаков. Александр II действительно написал новое письмо Вильгельму. Ответ заставил себя довольно долго ждать. Когда он наконец пришел, Горчаков вызвал Тьера и сообщил ему, что «мир возможен». Он дал понять, что Россия считает приемлемыми те мирные условия, которые, по его сведениям, будут предложены Пруссией. «Надо иметь мужество заключить мир», – заключил Горчаков.

По возвращении во Францию Тьер 30 октября отправился в Версаль, где теперь находилась прусская штаб-квартира. Здесь между ним и Бисмарком начались

Баррикады в Париже в мае 1871 года

переговоры о перемирии. План Тьера заключался в том, чтобы вести с Бисмарком упорный и изнурительный торг, но только до того момента, когда станет ясно, что Бисмарк больше не уступит ни на йоту. Когда же этот момент наступит, он капитулирует. Самому Тьеру мир тоже нужен был позарез: он хотел развязать себе руки, чтобы побыстрее справиться с нарастающим революционным движением. Ради этого он готов был принять выдвинутые Бисмарком унижительные условия мира.

«Правительство национальной обороны» хотело последовать примеру Тьера, но испугалось народных масс Парижа, настаивавших на продолжении борьбы с врагом, и отвергло мирные предложения, привезенные Тьером из Версаля. Так называемая «Турская делегация» правительства организовала сопротивление пруссакам. Глава этой делегации Леон Гамбетта не разделял капитулянтских настроений своих коллег.

Сопротивление пруссакам продолжалось, хотя и носило очаговый характер.

Что же касается России, то ее позиция начала меняться. Горчаков по-прежнему советовал Бисмарку заключить мир «на более или менее взаимоприемлемых началах», но весьма активно убеждал французов поскорее капитулировать. Это всецело отвечало и желаниям Бисмарка: он уже знал, что австрийцы собирают силы, и боялся, как бы война не осложнилась чьим-либо вмешательством. Однако Горчаков решительно отказался не только от какого-либо коллективного выступления нескольких держав против Пруссии, о чем хлопотали австрийцы, но даже от созыва конгресса, к которому одно время сам призывал.

Что же вызвало такую перемену? Дело в том, что 21 сентября Бисмарк секретной депешей подтвердил данное еще в 1866 году обещание: оказать России полную поддержку в вопросе наибольшей

для нее важности, то есть в отмене статей Парижского трактата, которые запрещали России держать флот на Черном море.

Аннулирование ряда статей Парижского трактата было заветной мечтой российских политиков. Предложение Бисмарка было более чем своевременным: ведь поражение Франции устраняло со сцены одного из инициаторов злополучного трактата и создавало благоприят-

ную обстановку для ревизии этого документа.

Горчаков хорошо подготовился к политическому демаршу. 31 октября 1870 года он опубликовал циркулярное послание, в котором перечислялись случаи нарушения Парижского трактата другими державами. Из этого делаался вывод, что у России нет основания считать действительными все условия этого акта и отныне она отказывается признавать статьи, ограничивающие ее суверенные права на Черном море.

Циркуляр Горчакова вызвал бурю негодования в Англии и Австрии – странах, которые были инициаторами трактата. Английское правительство предложило созвать конференцию по вопросу об отмене Парижского трактата, но Горчаков подчеркнул в своем ответе, что решение русского правительства является твердым и окончательным. Русское правительство не отказывалось от конференции. Но оно дало понять, что согласно на нее лишь

при условии, что конференция сведется к чистой формальности. Надо заметить, что Бисмарк не одобрил выбранной Горчаковым формы для аннулирования стеснительных статей Парижского договора. Он считал, что Россия должна была поставить страны, подписавшие трактат, перед фактом: например, просто начать строить корабли, никому не говоря ни слова. Пруссия, на месте России, скорее всего, так бы и поступила. Тем не менее Бисмарк выполнил свое обещание и поддержал Россию.

Конференция собралась в Лондоне в январе 1871 года. Всем было заранее известно, что никто не рискнет всерьез противиться русским требованиям. Конференция в конце концов приняла отмену известных статей трактата 1856 года, согласно требованиям России, при этом подтвердив принцип закрытия проливов для иностранных военных судов. Конвенция была подписана в марте.

Содействие, которое оказал России Бисмарк, обеспечило ему согласие России на мирные условия, которые он решил предъявить Франции. 26 февраля 1871 года в Версале был подписан preliminary мирный договор. Германия получила Эльзас, восточную Лотарингию и пять миллиардов франков контрибуции. Всей Европе стало ясно, что аннексия Эльзаса и Лотарингии превратила войну Германии из национальной в захватническую.

Вскоре после заключения перемирия с Пруссией в Париже начались волнения, вылившиеся в революцию и установление самоуправления, длившегося 72 дня (с 18 марта по 28 мая). Революционные выступления в Париже привели в марте 1871 года к рождению Парижской коммуны, то есть к созданию революционного правительства Парижа на обломках Французской империи. Поражение Франции в войне с Пруссией, в результате которой

лишился своего трона император Наполеон III, а часть территории Франции была оккупирована немецкой армией, вызвала невиданный подъем патриотических настроений во всей Франции. Непосредственным поводом к революционному выступлению в Париже стала попытка французского правительства разоружить находившиеся в столице части национальной гвардии, изъяв у них пушки, приобретенные на деньги рабочих для защиты страны от оккупантов. Приказ правительства открыть огонь по рабочим, воспротивившимся этой мере, не был выполнен, а два генерала, пытавшиеся добиться от солдат повиновения, были расстреляны.

После этого правительство Франции бежало в Версаль, а власть в Париже перешла в руки Центрального комитета национальной гвардии, который стал исполнять функции временного правительства. В состав руководства Парижской коммуны, провозглашенной 18 марта 1871 года, вошли неоякобинцы, социалисты и анархисты. Главной опорой коммуны стали парижские рабочие.

26 марта состоялись выборы в Парижскую коммуну. Они проходили на основе всеобщей подачи голосов при большой активности избирателей. Было избрано 86 человек. 28 марта Коммуна была торжественно провозглашена на площади перед ратушей, где собрались жители Парижа и сто тысяч национальных гвардейцев.

Восстания и провозглашение коммун произошли также в ряде других городов Франции – Марселе, Лионе, Тулузе, Сент-Этьенне, Нарбонне, Лиможе, Ле-Крезо. Однако повстанцы в этих городах не смогли установить связь с Парижем и объединиться для продолжения борьбы. В результате выступления на местах были быстро подавлены отрядами, организованными

и вооруженными реакционной буржуазией.

Первым декретом Коммуны была упразднена постоянная армия, основанная на рекрутском наборе. Ее заменила национальная гвардия, состоявшая из вооруженных рабочих и представителей других демократических кругов. Полиция была заменена резервными батальонами национальной гвардии. Принцип выборности, ответственности и сменяемости был применен в отношении всех государственных служащих, в том числе и членов Коммуны. Коммуна приняла решение, согласно которому жалованье высшим чиновникам устанавливалось в размере, не превышавшем заработную плату квалифицированного рабочего.

Среди решений, которые были приняты Коммуной за время ее существования, были такие, как отделение церкви от государства, передача театров из рук частных предпринимателей артистам, театральным служащим и рабочим и введение бесплатного и обязательного обучения в начальной школе.

Кстати, участниками Парижской коммуны стали представители социалистического и рабочего движения из разных стран Европы. В числе коммунаров были и русские: Елизавета Дмитриева обеспечивала связь Коммуны с Генеральным Советом Интернационала, а Анна Васильевна Корвин-Круковская была членом так называемого «Комитета бдительности» XVII округа Парижа.

Парижская коммуна не получила (и, конечно, не могла в те времена получить) признания других стран на государственном уровне. После подписания 10 мая 1871 года окончательного мирного договора Германская империя тут же начала оказывать французской элите всяческую помощь в подавлении восстания силой оружия. Последний бой

Александр II — император всероссийский в парадном мундире. Ок. 1878-1879

коммунаров с правительственными войсками произошел в районе кладбища Пер-Лашез. 147 последних защитников Коммуны были расстреляны у северо-западной стены кладбища, которая ныне именуется Стеной коммунаров.

Мало кто знает, что последний из оставшихся в живых коммунаров по имени Андриен Лежен умер в России в январе 1942 года в возрасте 94 лет. Лежен, много лет участвовавший в социалистическом и коммунистическом движении во Франции, в 1930 году попросил политического убежища в СССР. Последние годы он провел в различных советских пансионатах и санаториях, а с началом Великой Отечественной войны был эвакуирован

в Новосибирск. В мае 1971 года, по просьбе Коммунистической партии Франции, прах Адриена Лежена был перевезен в Париж и перезахоронен у Стены Коммунаров на кладбище Пер-Лашез.

П а р и ж - с к а я к о м м у - н а 1871 года, первая в истории человечества пролетарская революция, не могла не отразиться на международных отношениях. В первые недели Коммуны и Александр II, и британский кабинет, и сам Бисмарк считали, что это восстание — всего лишь одна из заурядных парижских вспышек, ти-

пичных для французской фронды. В германской штаб-квартире были даже рады рождению Коммуны, так как считали, что из-за бурных революционных событий Тьер и его окружение станут уступчивее, когда будут обсуждаться условия окончательного мирного договора. Но германские политики, а вслед за ними также российские и австрийские вскоре пришли к выводу, что дело зашло слишком далеко. Более всех обстановка тревожила Бисмарка. После 18 марта он предложил правительству Тьера поддержку прусских войск для усмирения восставшего Парижа.

После переговоров, которые прошли в Руане 28 марта между уполномоченным версальского

правительства и представителем германского командования, была заключена конвенция: Тьер получил право увеличить свою армию в парижском районе до 80 тысяч человек, то есть удвоить ее по сравнению с условиями предварительного соглашения о перемирии. Стороны договорились и о репатриации французов, находящихся в прусском плену, причем значительная часть их поступала в распоряжение версальского командования. Через некоторое время Бисмарк разрешил Тьеру еще больше увеличить версальскую армию.

Правительство Коммуны в лице Гюстава Кляузере попыталось вступить в переговоры с германскими оккупационными властями, стремясь обеспечить хотя бы их нейтралитет. Бисмарк уговорил короля Вильгельма I согласиться на эти переговоры. Он телеграфировал германскому представителю при версальском правительстве, генералу Фабрици: «Прикажите ответить Кляузере, что вы готовы выслушать предложения, которые он намерен вам сделать, и довести их до моего сведения. Желательно было бы выпытать у него, из каких средств Коммуна рассчитывает уплатить контрибуцию».

Переговоры между Кляузере и представителем германского канцлера состоялись в апреле. Бисмарк, конечно, хотел использовать эти переговоры для того, чтобы, шантажируя версальское правительство, заставить его как можно скорее подписать окончательный мирный договор, а заодно и подороже продать версальцам свою помощь при подавлении Коммуны. Жюль Фавр обратился было в Петербург с жалобой и стал просить Горчакова переговорить по этому вопросу с Бисмарком: «Производя давление и отказывая нам в моральной поддержке, которую она сначала предоставила, а затем отняла, Пруссия становится пособницей

Парижской коммуны. Мы докажем это перед лицом всего мира, если нас к этому принудят», — писал Фавр французскому послу в Петербурге Габриаку.

Русский канцлер заявил, однако, французскому послу, что считает упреки Фавра необоснованными. Он предложил версальскому правительству поспешить с окончательным заключением мира и добросовестно выполнить вытекающие из него обязательства. То же самое сказал Габриаку и Александр II. Фавр должен был с этим примириться.

Диктатура пролетариата в Париже, горячее сочувствие Коммуне со стороны Интернационала, радостное возбуждение в тогдашней революционной общественности всей Европы — все это не могло не вызвать беспокойства монархов и буржуазных деятелей Европы. Они сознавали, что, если пример Франции подхватят другие антимонархические силы на континенте, существующему социальному и политическому строю многих стран грозит серьезная опасность. Не могло не тревожиться и царское правительство. «Можно быть уверенным, — писал Габриаку 7 мая Фавру, — что Россия сделала и делает все от нее зависящее, чтобы добиться от Пруссии предоставления вам всего необходимого для подавления восстания. Горчаков только что объявил это мне официально и с гораздо большей ясностью, чем при нашей последней беседе... Он сказал мне, что император, так же как и он сам, понимает необходимость прийти нам на помощь для подавления мятежа, который своими разветвлениями угрожает всей европейской общественности».

В конце концов переговоры о сотрудничестве Бисмарка с Тьером относительно противодействия Коммуне окончились желательным для версальцев соглашением. 6 мая 1871 года во Франкфурте-на-Майне

начались мирные переговоры между Фавром и Бисмарком; 10 мая они завершились подписанием мирного договора.

Бисмарк настойчиво требовал от Тьера скорейшей расправы с Парижской коммуной. Но не один только Бисмарк боялся соседства революционной Коммуны с новоиспеченной Германской империей. Все европейские правительства принимали меры к тому, чтобы революция не перекинулась на другие страны. Вся надежда международной дипломатии возлагалась на Германскую империю, которая должна была выступить в качестве защитника «порядка» во всем мире. Россия, Австрия и Италия заявили германскому правительству, что интервенция немецких войск во Францию для ликвидации Парижской коммуны будет ими одобрена.

Разгром пролетарской революции во Франции был радостно встречен международной реакцией. «Мне не нужно вам говорить, — писал 24 мая из Петербурга Габриаку Фавру, — с каким облегчением общественное мнение встретило здесь новость о вступлении наших войск в Париж. Европейское общество чувствует себя освобожденным от ужасного кошмара, который давил его».

Франкфуртский мир подтвердил основные условия, на которых были заключены ранее предварительные версальские условия перемирия от 26 февраля 1871 года. Франция уступила Германии Эльзас и часть Лотарингии и обязывалась уплатить пять миллиардов контрибуции. Однако помощь пруссаков против Коммуны была куплена Тьером ценой ухудшения условий выплаты контрибуции и отсрочки вывода германских войск с французской территории. То был поистине грабительский мир.

Какие же причины побудили Бисмарка осуществить аннексию части французской территории?

Полагают, что важнейшей причиной этого послужили соображения стратегического порядка. И Бисмарк, и Мольтке были убеждены, что война 1870–1871 годов не положит конец вековому антагонизму между Германией и Францией. Оба были убеждены, что новая война с Францией рано или поздно неизбежна, а посему стремились использовать победу в данной войне таким образом, чтобы обеспечить Германии наиболее выгодные со стратегической точки зрения границы.

Но если рассматривать сложившуюся после войны ситуацию с геостратегической точки зрения, то не только Франция, но и Российская империя оказалась в совершенно ином положении. Теперь не только у границ Франции, но и у границ России возникла мощная держава — Германская империя. Причем, если у России этот новый сосед расположился на ее западной границе, то у Франции положение было хуже: Германская империя находилась и на восточной ее границе, и на юго-восточной. Вдобавок, если раньше на ее юго-восточной границе находились восемь мелких итальянских государств, после войн 1859–1871 годов Франция оказалась в соседстве с объединенным Итальянским королевством. Сходные перемены претерпела и Австро-Венгрия.

Словом, если раньше между великими державами континента располагалась рыхлая прослойка из небольших и слабых государств, не раз служившая своего рода амортизатором взаимного давления великих держав, то теперь территории последних стали вплотную прижимать друг к другу. Уже одно это подсказывало, что международное положение должно было неизбежно становиться все более напряженным. И напряженность эта не была временным явлением: она стала непреходящим фактором международных отношений в Европе.

ЕКАТЕРИНА I

340 лет назад, 5 апреля 1684 года, родилась Марта Скавронская, которой суждено было стать первой русской императрицей

КАРИНА ЭНФЕНДЖАН

Портрет царицы Екатерины кисти Жан-Марка Наттье. 1717

Некогда безродная прачка Марта Скавронская волею судьбы появилась на исторической сцене осенью 1703 года. Именно тогда в доме своего покровителя, светлейшего князя Александра Меншикова, она привлекла внимание российского самодержца Петра I. Вскоре Марта

стала его фавориткой и, приняв православие, сменила имя на Екатерину Алексеевну Михайлову.

Судьба продолжала благоволить Катерине – Петр привязался к своей избраннице и решил, что она достойна быть его законной супругой. (Первую жену, Евдокию

Лопухину, царь заставил постричься в монахини еще в сентябре 1698 года).

Венчание Петра I с Екатериной состоялось 19 февраля (3 марта) 1712 года в Санкт-Петербурге, в церкви Исаакия Далматского. Их дочери Анна и Елизавета получили после этого официальный статус цесаревен. С принятием мужем в 1721 году императорского титула Екатерина стала императрицей-супругой, а в мае 1724 года Петр I короновал свою жену в Успенском соборе Московского Кремля.

Смерть Петра I в январе 1725 года остро поставила вопрос о престолонаследии, поскольку император не назначил наследника. Представители родовой знати во главе с Дмитрием Голицыным стремились возвести на престол внука Петра I, десятилетнего Петра Алексеевича, под регентством Екатерины. Однако победила возвысившаяся при Петре I новая аристократия во главе с Александром Меншиковым: в результате искусно организованных им дворцовых интриг на престол взошла вдова императора, став первой в истории России правящей государыней.

Меншиков, конечно же, преследовал собственные интересы: при новой самодержице, не обладавшей ни способностями, ни желанием заниматься государственными делами, светлейший князь, который пользовался полным ее доверием, стал фактическим правителем России. Более того, желая сохранить свою власть даже в случае смерти императрицы, он убедил ее назначить наследником престола царевича Петра Алексеевича и обязать его

Коронация Екатерины Алексеевны. Рисунок 1724 года

по достижении совершеннолетия вступить в брак с княжной Марией, дочерью Меншикова. (Забегая вперед, скажем, что этим дальновидным планам не суждено было осуществиться: после смерти императрицы Меншиков попадет в опалу, и в сентябре 1727 года именно Петр II подпишет указ о лишении светлейшего князя всех титулов, наград и имущества и высылке его в Сибирь, где и завершится жизненный путь сподвижника Петра I).

В феврале 1726 года Меншиковым был создан Верховный тайный совет, в который кроме него входили Д. М. Голицын, Ф. М. Апракин, Г. И. Головкин, П. А. Толстой, А. И. Остерман и зять императрицы герцог Карл Голштинский.

Екатерина I, предпочитавшая проводить время в развлечениях и пирах, в вопросах управления государством в основном полагалась на мнения Меншикова и Тайного совета. Однако при этом императрица требовала, чтобы политика Петра I продолжалась и все его завоевания и достижения были сохранены. Взойдя на престол, государыня завершила ряд начинаний своего великого супруга. В частности, по ее приказу в Ледовитый океан были отправлены суда под командованием капитана Витуса Беринга, с тем чтобы составить карту северовосточного побережья Азии. В мае 1725 года Екатерина завершила основание в Санкт-Петербурге Императорской академии наук по плану,

разработанному императором. Она учредила также орден Святого Александра Невского, как того желал Петр.

Первая русская императрица прожила недолгую жизнь, всего 43 года, а царствовала немногим более двух лет – с 28 января (8 февраля) 1725 по 6 (17) мая 1727-го, – но успела оставить свой след в истории.

При Екатерине I активно поддерживались дипломатические связи с европейскими странами, что помогло России укрепить свое место на европейской политической арене. В целом, внешняя политика Екатерины I была направлена на укрепление позиций России как ведущей европейской державы XVIII века.

ВОССТАВШИЙ ПРОТИВ «ДУХА НЕБЫТИЯ»

150 лет со дня рождения Николая Александровича Бердяева, выдающегося философа XX века, представителя русского экзистенциализма и персонализма

АЛЕКСАНДР СЕНКЕВИЧ

Николай Бердяев в 1912 году

В письме к Ф. Э. Дзержинскому от 20 сентября 1922 года В. И. Ленин писал: «Тов. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее...»

Уже летом того же года существовало на высылку три списка, составленных в Государственном политическом управлении (ГПУ). В эти списки входили врачи, педагоги, экономисты, агрономы, кооператоры, литераторы, юристы, инженеры, политические и религиозные деятели, профессора и студенты. Выполнялся декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 года. Из намеченных 195 человек 35 было вычеркнуто. Высылки в то время осуществлялись пассажирскими судами из Петрограда, Одессы и Севастополя, а также поездами из Москвы в Латвию и Германию. Билеты на пароходы оплачивались советским правительством, а вот на поезда их покупали сами высылаемые.

Ранним утром 29 сентября 1922 года из Петрограда отбыл первый «философский пароход» «Обербургомистр Хакен». Он взял курс на немецкий город Штеттин (ныне польский город Щецин). Его пассажирами были около 30 профессоров и философов из Петрограда, Москвы, Казани и других городов. Среди них находились Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, И. А. Ильин, С. Е. Трубецкой, Б. П. Вышеславцев,

А. А. Кизеветтер, М. А. Ильин (Осоргин), М. М. Новиков, В. И. Ясинский и другие. С семьями число пассажиров приближалось к семидесяти. График и живописец Ю. П. Анненков, пришедший на пирс вместе с друзьями и родственниками высылаемых, вспоминает: «На пароход нас не пустили. Мы стояли на набережной. Когда пароход отчаливал, уезжающие уже невидимо сидели в каютах. Проститься не удалось».

А ведь еще совсем недавно Николай Бердяев особенно не трогали. На своих лекциях он свободно критиковал марксизм. В 1918 году стал вице-председателем Всесоюзного союза писателей, а в 1920-м был избран профессором, читал лекции на историко-филологическом факультете Московского университета. К тому же его не уплотняли.

В книге «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949) Николай Бердяев пишет: «Годы, проведенные в советской России, в стихии коммунистической революции, давали мне чувство наибольшей остроты и напряженности жизни, наибольших контрастов. <...> Даже когда была введена обязательная трудовая повинность и пришлось чистить снег и ездить за город для физических работ, я совсем не чувствовал себя подавленным и несчастным, несмотря на то что привык лишь к умственному труду и чувствовал физическую усталость. Я даже видел в этом правду, хотя и дурно осуществляемую. Одно время жизнь была полуголодная, но всякая еда казалась более вкусной, чем в годы изобилия. <...> Я оставался жить в нашей квартире с семейной мебелью, с портретами на стенах моих предков, генералов в лентах, в звездах, с георгиевскими крестами. Мой кабинет и моя библиотека оставались нетронутыми, что имело для меня огромное значение. Хотя я и относился довольно непримиримо к советской власти

и не хотел с ней иметь никакого дела, но я имел охранные грамоты, охранявшие нашу квартиру и нашу библиотеку».

Тяжелая длань красного самодержавия

Высылке Бердяева предшествовало его задержание 16 августа 1922 года. Это был второй арест. Первый произошел в 1920 году. Обращусь к обстоятельной статье Сергея Сергеева «Философские пароходы и поезда. Высылка интеллигенции из Советской России в 1922 году»: «Был проведен тщательно запротоколированный допрос на котором арестованному задавали вопросы об отношении к советской власти, забастовках профессоров, о взглядах на задачи интеллигенции, о перспективах эмиграции и т.д. 19 августа следователь Бахвалов подписал постановление, решившее судьбу подсудимого: «1922 года, августа 19 дня, я, сотрудник 4-го отделения СО ГПУ Бахвалов, рассмотрел дело № 15564 о гражданине Бердяеве Николае Александровиче, постановил привлечь его в качестве обвиняемого и предъявить ему обвинение, что он с Октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России Рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруднений для РСФСР свою контр-революционную деятельность усиливал, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 57-й Уголовного кодекса РСФСР. Как меру пресечения уклонения от суда и следствия гр-на Бердяева избрать содержание под стражей»».

В тот же день это постановление было предъявлено Бердяеву. Он отверг его основные пункты: «От 19 августа 1922 г.

постановление о привлечении меня в качестве обвиняемого по 57-й статье Уголовного кодекса РСФСР прочел и не признаю себя виновным в том, что занимался контрреволюционной деятельностью и особенно не считаю себя виновным в том, что в моменты внешних затруднений для РСФСР занимался контрреволюционной деятельностью». Разумеется, это несогласие не повлияло на решение ГПУ «в целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Бердяева Николая Александровича <...> выслать из пределов РСФСР за границу бессрочно».

Изгоняемых из советской России философов и писателей объединяло неприятие большевизма, в основе которого было устрашение населения России массовым террором. Он начал использоваться новой властью как средство управления и принял планомерный и систематический характер. Некоторое время после Октябрьского переворота смертная казнь устанавливалась «на месте», без суда и следствия, по произволу властей или толпы. Впрочем, вскоре смертную казнь восстановили по суду.

Русская интеллигенция стала одной из жертв красного террора. Как установил русский историк и политический деятель Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956), из 5004 расстрелянных во второй половине 1918 года интеллигенты составляли 1286 человек – много больше представителей других слоев населения.

Классовыми врагами объявлялись те, кто не принимал участия в Гражданской войне, а также определенные социальные группы. Традиционные представления о добре и зле, которые с детских лет формируются в людях, пришли в противоречие с официальными жесткими установками новой власти. Именно эти духовные скрепы не дали изгнанникам, оказавшимся вне Родины, разбежаться по разным углам. Даже при

Группа основателей будущего «Союза освобождения» в 1902 г. в Германии: Петр Струве, Нина Струве, Василий Богучарский, Николай Бердяев и Семен Франк (внизу).

расхождении во взглядах на какие-то события они помогли им в полемике друг с другом находить общий язык и приходиться к компромиссу.

Об этой психологической коллизии убедительно и аргументированно высказался поэт и литературный критик Георгий Викторович Адамович (1892–1972): «То, что в нашу эпоху случилось с людьми, случается раз в тысячелетие, если не реже. За всю историю России не было примера, чтобы человек остался без всякой опоры, без какой-либо поддержки где бы то ни было,

откуда бы то ни было. Опыт эмиграции, углубленный, очищенный от неизбежных житейских невзгод, “сублимированный”, как любил выражаться Бердяев, – в этом отношении стоит опыта советского. Так говорят – “восходящий класс”, “нисходящий класс”. У “восходящих” все превосходно, у “нисходящих” все ничтожно и отвратительно, со всеми отсюда последствиями. Что же, допустим! Но ведь это звериное, волчье рассуждение, – и не то, чтобы эмигрантская литература на него возражала, нет, она его

перечеркивает, она его уничтожает, она противопоставляет трепещущую жизнь истину идеологическим схемам и бездушной статистике. Думаю, что резюмировать этот сложный, смутный, наполовину безотчетный и ускользающий от точных определений процесс можно было бы, сказав, что эмигрантская литература сделала свое дело потому, что осталась литературой христианской».

Самостоятельность мышления основательно проявилась в суждениях, поступках, статьях и книгах Николая Бердяева. Вся его система ценностей опиралась на основной постулат – трактовку им основополагающего понятия «свобода». Он был убежден, что духовная свобода должна противостоять репрессивной системе и рабству, навязанным большевиками народу. Создаваемая в начале XX века культура, по его убеждению, требовала новой философии, ориентиром для которой, как он полагал, должен стать *персонализм*, примат «свободы над бытием». В общении с собратьями-философами и публицистами Бердяев не был комифо. Он, отличаясь взрывным характером, воспринимался ими «бревном в глазу». Таким ощущал его, например, известный философ, правовед и публицист Иван Александрович Ильин (1882–1954).

Ленин тот и вовсе Бердяева на дух не переносил, а о его трудах отзывался с пренебрежением, называя их «белибердяевщиной». Понять вождя было можно, ведь он исходил из того, что философия как основа мировоззрения обслуживает нужды идеологии, задача которой – революция и построение коммунизма. Недаром же Карл Маркс, как отмечает И. С. Андреева в книге «Философы России XX века. Портреты», начал свою деятельность словами: «Философы различным способом лишь объясняли мир, задача стоит в том, чтобы изменить его».

В. И. Ленин с какой-то паталогической бдительностью следил за немарксистскими сочинениями. Известна, например, его реакция на безобидный, по сути, сборник статей Н. А. Бердяева, Я. М. Бухшана, Ф. А. Степуна и С. Л. Франка «Освальд Шпенглер и закат Европы». По его прочтении он впал в ярость. Как замечает Сергей Сергеев в статье «Философские пароходы и поезда. Высылка интеллигенции из Советской России в 1922 году», вождь незамедлительно направил письмо секретарю Совнаркома Н. И. Горбунову: «О предлагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом (зампред ВЧК-ГПУ). По-моему, похоже на литературное прикрытие белогвардейской организации. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть мне напишет секретно, а книгу вернет».

В своих книгах и статьях Бердяев большевиков тоже не жаловал. Обращусь к его сочинению «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной революции»: «Вас много, вы – большинство, вы давно начали свою работу, подтачивающую духовные основы жизни русского народа, как угнетенные, с невинной и возвышенной проповедью гуманных и прогрессивных идей. Но скоро начал обнаруживаться ваш дух небытия, скоро превратились вы в угнетателей. Сначала вы были угнетателями духовными, вы овладели слабыми душами русской интеллигенции, вы стали гонителями всей высшей духовной жизни и объявили бойкот всем, кто верил в высшие духовные реальности и духовные ценности, кто признавал религиозный смысл жизни и религиозную цель жизни. Вы оправдывали свое гонение тем угнетенным положением, в которое вы были поставлены ошибочной политикой старой власти. Но настал час, когда окончательно обнаружилась ваша природа, – вы получили возможность

быть и материальными угнетателями и создали неслыханную тиранию, грозящую окончательно уничтожить человеческий образ. Вы всегда были ненавистниками свободы, всегда были гасителями человеческого духа, истребителями божественного. Вы всегда продавали человеческое первородство за чечевичную похлебку преходящих благ и временных интересов. Вы – истребители вечности, вы хотели бы вырвать из человеческого сердца чувство вечности и тоску по вечности. Я давно уже чувствовал это, давно боролся с вами в меру сил своих. <...> Мы давно уже предупреждали, давно уже вскрывали, к чему приведут те пути, по которому шло интеллигентное русское общество и на которое толкали русский народ. Говорили мы и о той страшной ответственности, которая падает на власть имевших, на классы господствующие, почти ничего не делавшие для творческого предотвращения этого рокового ниспадения России и русского народа в бездну. Пусть вспомнят ныне сборник “Вехи” и оценят его более беспристрастно».

Бердяев был наиболее открытым и чистосердечным среди русских писателей и философов, не принявших, как и он, власть большевиков и оказавшихся волею судеб за пределами России. Как говорят в подобных случаях, он был чужим среди своих. Да и его натуре коллективизм не подходил. Вместе с тем волком-одиночкой его также не назовешь. На протяжении всей жизни Бердяев никому не подпевал и ни под кого не подлаживался. Он неукоснительно следовал своим представлениям о благородстве и порядочности. И он щедро делился своими наблюдениями, мыслями и суждениями о том, что хорошо, а что плохо в мире людей. Этому способствовали его многочисленные лекции, а также литературно-критические статьи

и книги, переведенные на ряд европейских языков и многократно переиздаваемые.

Приведу несколько впечатливших меня фактов. В России до высылки Бердяева было издано семь его книг. На чужбине – двадцать одна. Как философ он приобрел европейскую известность. Его жизнь в эмиграции до начала Второй мировой войны была творчески интенсивной и в бытовом отношении вполне благополучной. Во Франции он принимал активное участие в работе «Русского студенческого движения», став одним из главных его идеологов. С 1925 по 1940 год он был главным редактором журнала русской религиозной мысли «Путь». Он поддерживал тесные отношения с французскими философами Эммануэлем Мунье (1905–1950) и Габриэлем Марселем (1889–1963), а также со швейцарцем Карлом Бартом (1886–1963), одним из основателей диалектической теологии. В Германии, куда попал он после отъезда из России, общался с известными немецкими философами Максом Шелером (1874–1928), Германом Кайзерлингом (1880–1946) и Освальдом Шпенглером (1880–1936). В 1922 году Бердяев создал и возглавил в Берлине Религиозно-философскую академию. После Тургенева и Чайковского Бердяев стал третьим русским, которому была присвоена Кембриджским университетом степень почетного доктора теологии. Его семь раз номинировали на Нобелевскую премию по литературе.

Широкую известность принес Николаю Бердяеву, как и остальным шести его авторам, сборник статей о русской интеллигенции «Вехи», вышедший в марте 1909 года в Москве в издательстве В. М. Саблина и за короткий срок выдержавший четыре издания. Этот сборник получил огромный общественный резонанс. В нем Бердяеву

принадлежит статья «Философская истина и интеллигентская правда».

Большая часть российской интеллигенции встретила коллективный труд «Вехи» с неприязнью. Л. Н. Толстой, например, упрекал авторов в отсутствии позитивной, творческой программы. Однако отношение к сборнику вскоре радикально изменилось: в 1917 году он обрел славу пророческой книги.

Авторы сборника «Вехи» были выдающимися людьми, чья роль в спасении культуры в кризисную для нее эпоху поистине велика. Большинство из этих неординарных людей было выслано из РСФСР, однако их общение на чужбине продолжалось. Да и не такая для многих россиян это была чужбина. Большинство высланных большевиками ученых, философов и писателей свободно, как и Николай Бердяев, говорили на нескольких иностранных языках. По крайней мере, французский и немецкий языки им были языками не чужими. Да и до Октябрьского переворота многие из них приезжали во Францию и Германию, как к себе домой. У некоторых даже там была куплена недвижимость.

Именно этими «отщепенцами», принадлежавшими первой волне эмиграции, были сохранены основные установки русской литературы XIX века: показать в художественных образах мир, каков он есть на самом деле, отразить реалии своего времени, богатого на социальные катаклизмы и сопутствующие им трагические политические события. Но все это было намного позже, а в 1909 году мало кто о бегстве из России задумывался. Впрочем, авторы сборника «Вехи» еще на родине первыми взяли на себя подобный тяжкий труд и выступили оракулами. Однако они не учли того, что оракулы – не только источники мудрости, но и, как зеркало, отражают людские ошибки и слабости. А кому хочется признавать собственную глупость?

Тем не менее изгнанники того далекого времени в большинстве своем выдержали испытания на крепость духа, продолжив в своем творчестве гуманистические традиции русских классиков XIX века.

К 1923 году Бердяев в «Философии неравенства» окончательно определился со своей философской позицией. Он предупредил соотечественников о том, что их ожидает в ближайшем будущем: «Жажда равенства будет самой страшной опасностью для человеческой свободы. Воля к равенству будет составлять против прав человека и против прав Бога».

Выдвинутые Бердяевым идеи обогащали христианский экзистенциализм, возникший в первой четверти XX века в рамках происходящего в России так называемого духовного ренессанса. Помимо Бердяева виднейшим представителем этого философского направления был Лев Исаакович Шестов (1892–1962).

Свое обобщенное кредо Бердяев выразил в книге «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (М., 1918). Василий Васильевич Розанов (1856–1919), писатель, публицист, мыслитель, незамедлительно откликнулся рецензией на выход из печати этого труда и предрек ему успех: «Книга будет, без сомнения, обширно читаться в университетских кружках и в кружке Высших женских курсов». Сам автор, по его словам, в этом сочинении «поднялся до высшей точки творческого горения».

Приведу небольшой отрывок из книги Бердяева, чтобы подтвердить это утверждение: «Дух человеческий в плену. Плен этот я называю “миром”, мировой данностью, необходимостью. Мир сей не есть космос, он есть космическое состояние разобщенности и вражды, атомизация и распад живых монад космической иерархии. И истинный путь есть путь освобождения от “мира”, освобождение

духа человеческого из плена необходимости. Истинный путь не есть движение вправо или влево по плоскости “мира”, но движение вверх или вглубь по линии внемировой – движение в духе, а не в “мире”. Это путь высших духовных созерцаний, духовной собранности и сосредоточенности. Космос есть истинно сущее, подлинное бытие, но “мир” призрак, призракна мировая данность и мировая необходимость. Этот призракный “мир” есть порождение нашего греха. Учители Церкви отождествляли “мир” со злыми страстями. Плененность духа человеческого “миром” есть вина его, грех его. Освобождение его от “мира” и есть освобождение от греха, искупление вины, восхождение падшего духа. Мы не от “мира” и не должны любить “мира” и того, что в мире».

О происхождении (краткая справка)

Французский писатель Жан де Лабрюйер (1645–1696) – автор единственного произведения под названием «Характеры». Его книга до сих пор не устарела благодаря тонкости понимания автором людей, относящихся к различным сословиям и психологическим типажам. Чувство иронии его никогда не оставляло. О знатности человека он пишет: «Хороший знаток генеалогии открывает корни вашего рода вплоть до такой глубины, до какой у вас хватит денег», «Хорошо быть знатным, но не хуже быть и таким человеком, о котором никто уже не спрашивает, знатен он или нет».

А теперь обращусь к родословному древу Николая Бердяева.

Его отец Александр Михайлович Бердяев (1837–1916), сын генерал-лейтенанта Михаила Николаевича Бердяева, офицер-кавалергард, был киевским предводителем дворянства, а позже председателем

Киевского земельного банка. Его мать Алина Сергеевна, урожденная княжна Кудашева (1838–1912), была внучкой графини Виктории Потоцкой и графа Антония Людвига Октавия Шуазель-Гуфье.

«Свобода трудна, рабство же легко»

Однажды я подумал, кого из современных русских философствующих писателей я сравнил бы с Николаем Бердяевым. Кто ближе всего ему по духу, эрудиции и менталитету? Ответ появился сам собой. Конечно же, это Венедикт Ерофеев, автор поэмы в прозе «Москва – Петушки», переведенной на тридцать языков! Из сочинений Николая Александровича афоризмы и парадоксы сыплются, как из рога изобилия. То же самое происходит в поэме Ерофеева.

Доставлю читателю удовольствие и приведу некоторые из запоминающихся высказываний Бердяева. Ведь до сих пор многие из них актуальны: «Самые самолюбивые люди – это люди, не любящие себя»; «В коллективизме человек перестает быть высшей ценностью»; «Взятка – самая действенная русская конституция на все времена», «Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад»; «Человек раб потому, что свобода трудна, рабство же легко»; «Социализм – это идеология зависти»; «Революции масс не любят свободы»; «Русский коммунизм есть извращение русской мессианской идеи»; «Освобождать может лишь дух, материя же может лишь поработать»; «Всякая власть открыто и прикрито заключает в себе яд»; «Демократия – худшая из всех политических систем, но лучшей не дано»; «Национализм гораздо более связан с ненавистью к чужому, чем с любовью к своему»;

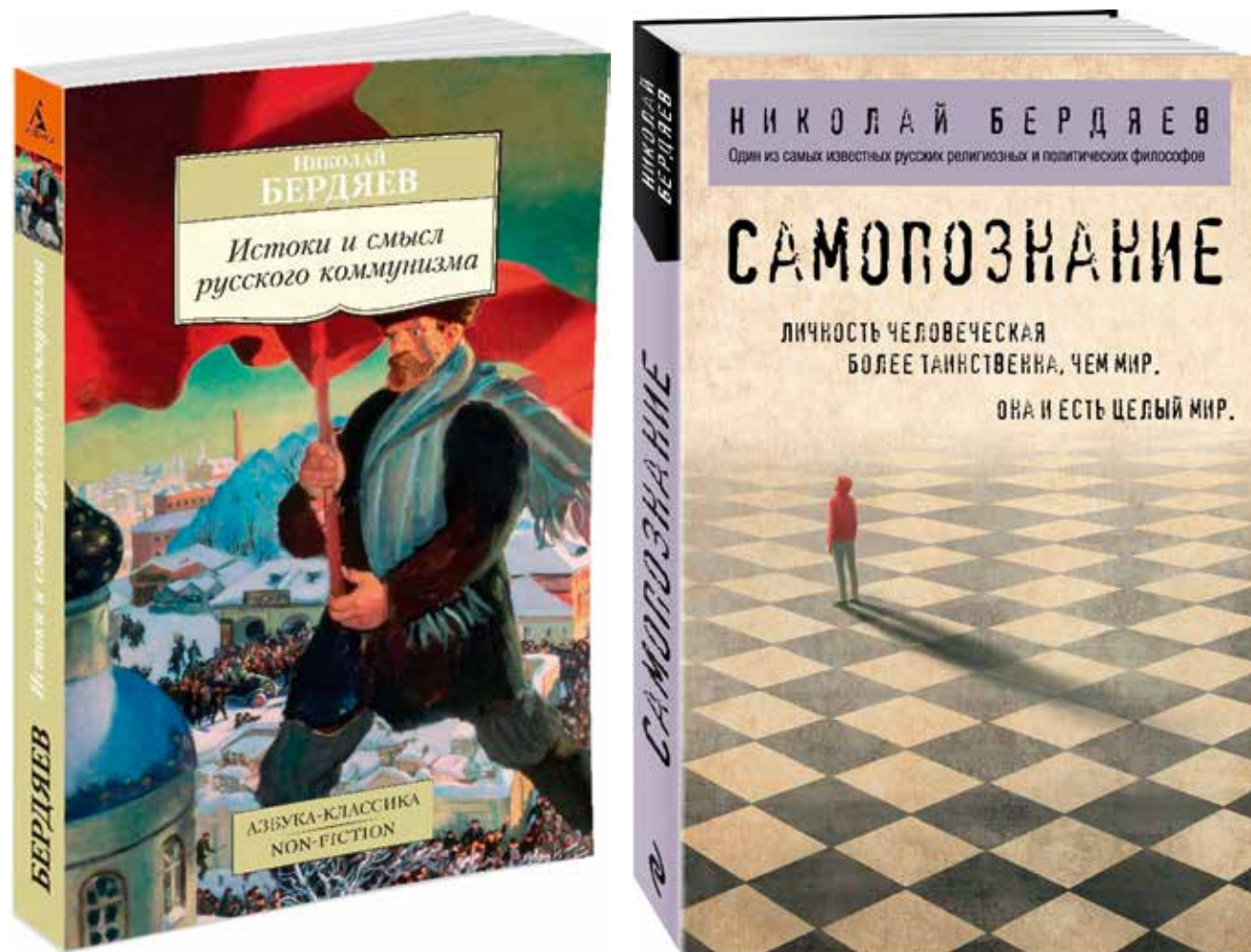
«Акт насилия есть жест слабости»; «Демагогия, к которой всегда прибегают в обращении к массам, есть лишение людей свободы, есть психологическое насилие»; «Самые злобные люди – это люди, которые не любят себя»; «Революции не приводят обыкновенно к созданию нового общества и всегда заключают в себе возврат к старому обществу»; «Отрицание России во имя человечества есть ограбление человечества».

Парадоксальность многих афоризмов Бердяева зеркально отражает особенности его характера и интеллекта. А может быть, это всего лишь попытка осознать опыт собственной «быстротекущей жизни», события которой не укладывались в рамки привычной реальности. В самом деле, не чудо ли, что он вступил в созданный Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в тот же год, что и Феликс Дзержинский? За связь с этой политической организацией вскоре был отчислен из Киевского университета Святого Владимира, где учился на юридическом факультете и отдан под суд. Затем находился под надзором полиции, отбывая почти два года ссылку в Вологде, а затем – одиннадцатимесячную в Житомире. В вологодской гостинице «Золотой якорь» он познакомился с такими же, как он,

ссылными – будущим известным эсером-террористом и писателем Борисом Савинковым и будущим наркомом просвещения Анатолием Луначарским. Знать бы, о чем они тогда беседовали, что обсуждали...

По возвращении из вологодской ссылки он проникся идеями православия. Тогда же и разочаровался в марксизме. Философский идеализм показался ему убедительней и интересней, чем марксистский догматизм. От прежнего увлечения осталась его первая книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», изданная в 1901 году. Тогда же вышла его статья «Борьба за идеализм», обозначившая переход от позитивизма к метафизическому идеализму. В тот же год примкнул к «Союзу освобождения». С его основателями Петром Струве (1870–1944), Василием Богучарским (1861–1915) и Семеном Франком (1877–1950) у него были

идейные и личные связи. Именно тогда он попал в избранный круг писателей, тех, кого назовут позднее представителями русского Ренессанса.

В 1904 году у Николая Александровича появилась жена – Лидия Юдифовна, урожденная Трушева.

Бердяев часто вспоминал то принощательное время накануне катастрофы. Приведу отрывок из его эссе «Самопознание». Оно многое проясняет в его тогдашних настроениях и отношениях с оппозиционными власти лидерами: «Я принял участие в двух съездах за границей в 1903 и 1904 годах, на которых был конструирован “Союз освобождения”. Съезды происходили в Шварцвальде и Шафгаузене, около Рейнского водопада. Красивая природа меня более привлекала, чем

содержание съездов. Там я впервые встретился с либеральными земскими кругами. Многие из этих людей впоследствии играли роль в качестве оппозиции в Государственной думе и вошли в состав Временного правительства 1917 года. Среди них были очень достойные люди, но среда эта была мне чужда. В мою задачу совсем не входит писать воспоминания о Союзе освобождения, который играл активную роль перед первой русской революцией. Из деятелей “Союза освобождения” вышли элементы, составившие потом главную основу кадетской партии. В кадетскую партию я не вошел, считая ее партией “буржуазной”. Я продолжал считать себя социалистом. Я принимал участие в комитете “Союза освобождения”

сначала в Киеве, потом в Петербурге, но особенно активной роли по своему настроению не играл и чувствовал страшную отчужденность от либерально-радикальной среды, большую отчужденность, чем от среды революционно-социалистической. <...> На “освобожденных” банкетах, которыми в то время полна была Россия, я себя чувствовал плохо, не на своем месте и, несмотря на свой активный темперамент, был сравнительно пассивен. Я себя чувствовал относительно лучше среди социал-демократов, но они не могли мне простить моей “реакционной”, по их мнению, устремленности к духу и к трансцендентному».

Да и в более поздние времена, уже в среде философов и писателей

русского зарубежья поведение Николая Бердяева нередко воспринималось как экзальтированное. Разумеется, оно смущало ученых мужей, привыкших к доверительной и размеренной беседе. Протоиерей русской православной церкви Александр Мень (1935–1990) нашел точные слова, характеризующие личность Бердяева: «Он был похож на скомороха. Он радикально отличается от тех, чьи призывы к любви сердиты, чьи призывы к веселью унылы, а призывы к благочестию построены как проклятья».

Остановлюсь на воспоминаниях о Николае Бердяеве, которые принадлежат Евгении Казимировне Герцук. Бердяев назвал ее «одной из самых замечательных женщин XX века, утонченно-культурной, проникнутой веяниями ренессансной эпохи». Она, как и он, часто посещала знаменитые журфиксы по средам на «башне». Так называли свою петроградскую обширную квартиру на шестом этаже в доме на Таврической улице ее хозяева – Вячеслав Иванович Иванов, поэт и теоретик символизма, и его жена Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал, прозаик, драматург, эссеист.

Дружба Евгении Герцук с Николаем Бердяевым началась в 1909 году. В то время она переживала драму, связанную с ее увлечением Вячеславом Ивановым. Общение с Бердяевым и беседы с ним помогли ей преодолеть возникшую депрессию. Намного позже она писала о Бердяеве: «И все же – из всех, кого я имела и кого потеряла, – его я потеряла больше всех. Ни он, ни я не уступим ничего».

Бесспорно, Евгения Герцук уже одной книгой «Воспоминания» подтвердила слова о ней Николая Бердяева. Она глубже многих поняла сущность и масштаб его личности: «Для него же, для Бердяева, идея творческой свободы человека неразрывно связана с верой

в верховный миропорядок, связана со страстным по-библейски богопочитанием. Да, ныне человек в свои руки перенимает дело творчества (мир вступил в творческий период), но не как бунтарь, а как рыцарь, призванный спасти не только мир, но и дело самого Бога. Да и вообще, философскую мысль Бердяева хочется охарактеризовать как рыцарственную: решение любой проблемы у него никогда не диктуется затаенной обидой, страхом, ненавистью, как было, скажем, у Ницше, у Достоевского и у стольких еще. И в жизни он нес свое достоинство мыслителя так, как предок его, какой-нибудь Шуазель, свою *noblesse* (знатность – фр.), потрясая драгоценным кружевом брыж, считая, что острое слово глубине мысли не укор, без тяжести, без надрыва, храня про себя одного муки противоречий, иногда философского отчаяния. В этом и сила его, и слабость. Интимных нот у него не услышишь...»

Прочитую еще один отрывок из «Воспоминаний» Герцук. Он позволит увидеть Бердяева не в ограниченном пространстве кабинета, а на бескрайнем просторе: «Встречи, разговоры, сборища у тех, у других – и вдруг все мне отблекло, обесвкусило. Издавна знакомое чувство отвращения ко всему, и прежде всего к себе самой – так, до скончания века разговорщица на высокие темы... Почти неприязнь к Бердяеву. Уезжаю в Судак, дышу его весенним холодком, влажной сиренью, чужая и земле, забормотанная богословскими спорами. Перевожу немецкого мистика, заказанного мне издательством “Путь”, – перевожу, глушу себя. И вдруг он сам незванный приезжает – и с первой же встречи опять как близок! То, что во мне едва, и вяло, и бесплодно всколыхнулось, в нем ярым бунтом: назревает раскол с “Путем”, с московскими православными. Рвутся цепи благочестия,

смирения, наложенные им на себя. Боль от еще не пробившейся к свету своей правды – канун ослепительных молний.

Глазами вижу эту боль: бледная, с длинными ногтями рука – рука мыслителя, не человека земных дел – чаще обычного судорожно впивается в медный набалдашник трости. Говорим полусловами встречая один другого на полдороге. И в радости ежеминутных встреч растворяется, нет – заостряется внутреннее противоречие каждого, приближая, торопя новое, освобождающее знание. При этом несоизмеримость наших умов, талантов, воля не играет роли: его огромной творческой активности, видимо, достаточно той малой духовной напряженности, которую он встречал во мне, – как мне, чтобы сдвинуться с мертвой точки, нужна была вся сила его устремленности. Равенство было полное, и равна была взаимная благодарность. Разговаривая, мы без устали, всегда спешным, все ускоряющимся шагом ходили по долине, карабкались горными тропинками. Иногда, опережая меня, он убегал вперед, я, запыхавшись, за ним и видела со спины, как он вдруг судорожно пригибает шею, как бы изнутри потрясенный чем-то. Случалось, мы не заметим, как стемнеет, и внезапно над потухшим морем вдали-дали вспыхнет мигающим светом Меганомский маяк: раз – вспышка, два, три, четыре – нет, и опять – раз – вспышка. И таинственней, и просторней станет на душе от этого мерного ритма огня. Замолчим, удивимся, что, не заметив, ушли так далеко от дома».

Увы, от дома они ушли далеко, еще не зная, что вскоре их жилища окажутся в разных концах света в прямом и переносном смысле.

Николаю Бердяеву достался в наследство дом в Кламаре, пригороде Парижа, в котором он жил с 1925 года и до самой смерти. Умер он 23 марта 1948 года не в кровати, а за письменным столом!

КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

*Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье
(продолжение, начало в № 159/01–02)*

ЕВГЕНИЙ ЕФРЕМОВ

Герб рода князей Трубецких

Зимой 1913 года Трубецкой на внутри-клубной беседе, уже будучи снова в МИДе, рассказывал об устройстве монастырской жизни на горе Афон в настоящем и будущем. Дело в том, что в это время русское правительство разрабатывало проект создания там автономной области под церковным управлением Константинопольского патриарха, так как в ходе Первой Балканской войны (1912–1913) Святая гора перешла к Греции и начались притеснения монахов других национальностей.

В начале 1910 года князь получил предложение возглавить Отдел печати МИДа, но не принял его. Министру С. Д. Сазонову он объяснил свое решение так: «... У меня нет полной уверенности в том, что министр является полным и независимым от посторонних влияний распорядителем в своем деле. Быть может, в иных случаях и нельзя обойтись без компромиссов, но мои связи с общественной средой налагают на меня обязанности мнительной щепетильности в этом вопросе»¹.

Проводить свои взгляды, влиять на общество Трубецкой решил с думской трибуны, но его ждала неудача при выборах в Четвертую Государственную Думу в 1912 году. А приглашения вернуться в МИД в тот период возобновились. В «Обликах прошлого» он пишет, что считает обязанным своим возвращением Морицу Шиллингу, главе канцелярии МИДа. Он с ним был знаком с детских калужских

лет. И отмечает, что М. Ф. Шиллинг из тех сверстников оказался самым близким знакомым во взрослой жизни. Усилия Шиллинга продолжались, и летом 1912 года последовало другое предложение министра: принять должность начальника Отдела Ближнего Востока, который отвечал за Балканы и османские дела. В августе Трубецкой согласился на это, объясняя свой шаг в частном письме: «Может быть, это место даст мне возможность хоть частице своих интересов послужить больше, чем теперь, когда я могу только высказывать свои взгляды в печати перед довольно равнодушной к ним публикой»².

И дополняет в своих воспоминаниях: «... его предложение тогда было для меня заманчиво, и в то же время мне было очень нелегко согласиться. Я отвык от служебной лямки, привык к независимости, и меня смущала перспектива подчинения и чиновничества. Я вернулся на службу как раз, когда началась Балканская пердьяга осенью 1912 года. Ежедневно, по нескольку раз в день, мне приходилось видеться с Сазоновым. Все дела,

инструкции нашим представителям за границу, приходившие от них телеграммы, обсуждались втроем – Сазоновым, Нератовым (товарищем министра – Е. Е.) и мною»³.

Вообще, его влияние на внешнюю политику в последующие годы было значительно шире, чем это позволяет предположить название возглавляемого им отдела МИДа, что во многом обусловлено глубоким уважением Сазонова к Трубецкому за мнения и опыт. В какой-то степени Сазонов подчинялся более мощному интеллекту Трубецкого, который систематически укреплял славянофильские симпатии и инстинкты, жившие в глубине души министра иностранных дел. Трубецкой писал в своих мемуарах, что ему всегда казалось, что Сазонов переоценивает его⁴. Кандидатура князя была единодушно принята ключевыми фигурами в МИДе и поддержана общественным мнением.

Необходимо добавить к сказанному, что в 1914 году в официальном письме Трубецкой настоятельно подчеркивал, что «поступил на дипломатическую службу и вернулся в нее, и все время служил только с этой одной мыслью о том, что проливы (Босфор и Дарданеллы. – Прим. ред.) должны быть наши. Для меня в этом средоточие всех внешних задач России, смысл и завершение вековых усилий».

Вообще, в основе взглядов Трубецкого на российскую внешнюю политику лежало представление о русском человеке, а также о достойном положении России в мире. Это было вместе с тем уже прочно установившийся взгляд на российскую идентичность.

Здесь уместно сказать, что общая численность центрального аппарата министерства вместе

с нештатными служащими составляла всего 150–160 человек; это было одно из самых малочисленных ведомств, а по требованиям доверительности как бы одно посольство. Тот год возвращения в министерство отмечен получением князем звания камергера.

Портрет Григория Николаевича рисует в своих воспоминаниях Б. Э. Нольде, тогда начальник юрисконсультской части МИДа: «... его новая роль не вызвала ни малейшего удивления, настолько этот москвич, либерал и конституционалист, в котором не было никаких следов петербургского чиновника, казался призванным, по праву и справедливости, взять в свои руки важный рычаг русской государственной машины. Трубецкой знал, что машина эта сложна, что в ней нет места импровизации, что она сильнее индивидуального усилия, что в ней есть традиции и что без этих традиций она существовать не может. И в то же время он сознательно принес в работу на государственном станке свои собственные, свободно выросшие мысли, свое собственное понимание русских государственных задач, мысли и понимание, которыми он никогда не попустился бы и которые ни при каких условиях он не принес бы в жертву никаким выгодам и никакой "карьере"»⁵.

Министр Сазонов, продолжая линию своего предшественника, поддерживал тесные отношения с представителями обеих палат парламента, разъясняя на приемах в МИДе внешнюю политику правительства. Иногда такие совещания проводил не министр, а другие чиновники ведомства, Трубецкой в том числе. Так, одно из таких собраний он провел 3 апреля 1913 года на квартире графа Д. А. Олсуфьева, где вместе с ним присутствовали 17 членов

Государственного совета. Со стороны Трубецкого такие контакты осуществлялись с 1912 года, когда он познакомил главу кадетов П. Н. Миллюкова с князем Н. А. Кудашевым, советником посольства в Вене.

С его участием в период с 21 января по 13 апреля 1914 года в правительстве в Особом совещании решался вопрос о восстановлении военного союза с Черногорией и возобновлении военной субсидии, выдаваемой Петербургом и составлявшей почти две трети всех бюджетных поступлений этой страны. Трубецкой был «за» и даже выступил с предложением послать в Черногорию сербских военных инструкторов наряду с русскими, с тем чтобы укрепить военные связи Черногории с Сербией, имея в виду в перспективе их государственное объединение. Военный союз, подкрепленный субсидией, был возобновлен на новых условиях; предложение Трубецкого о посылке инструкторов также прошло.

В июне 1914 года он получил предложение занять пост посланника в Персии, уехал в отпуск в тульское имение Васильевское и там обдумывал предложение. Оно диктовалось трудной задачей совместить защиту русских интересов в Персии с необходимостью сохранить англо-русское соглашение в отношении этой страны. Через несколько дней ему пришло из министерства письмо, в котором уже предлагалось место посланника в Сербии взамен вышедшего по смерти дипломата. Он ответил по телеграфу, что принимает предложение, и на следующий день был вызван в министерство: был получен австрийский ультиматум Сербии. Сазонов задержал его в столице, весь предвоенный, а также военный период до конца ноября 1914 года

¹ Кострикова Е. Г. Боснийское фиаско А. П. Извольского и русское общество // Труды Института российской истории. Вып. 9 / РАН, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.; Тула, 2010. С. 448.

² Письмо Г. Н. Трубецкого М. Э. Здеховскому от 1 августа 1912 г. // Балтийский архив.

³ Трубецкой Г. Воспоминания русского дипломата. С. 168.

⁴ Там же.

⁵ Статья барона Б. Э. Нольде. Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. Сборник статей. С. 11–12.

Князь Григорий Николаевич Трубецкой с женой Марией Константиновной

круг ближайших его сотрудников составляли товарищ министра А. А. Нератов, глава канцелярии М. Ф. Шиллинг и Г. Н. Трубецкой. Таким образом, судьба распорядилась поставить его в центре русской дипломатии в критический период вступления России в войну, и его мемуары этого времени являются важным источником для изучения ее начала.

Германия 18 июля объявила ультиматум России, а на следующий день вступила в войну с нашей страной. В один из последних дней того месяца Сазонов вызвал князя и сообщил, что в Совете министров обсуждался вопрос о желательности обращения к полякам с воззванием, в котором открывались бы некоторые

перспективы: существовало опасение поддержки ими Германии. Трубецкой записал себе главные мотивы этого обращения: объединение польских земель, свобода веры, языка, школы и самоуправления. Всем им нашлось место в итоговом документе, который вышел из-под его пера 29 июля. После нескольких обсуждений у Государя и в Совете министров он увидел свет 2 августа как воззвание Верховного Главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, а перед тем был одобрен Государем⁶.

Член Государственного Совета от Минской губернии Э. Войнилович вспоминал впоследствии: «Впечатление, вызванное манифестом, было ошеломляющим: никто

уже давно так не обращался, даже думать подобным образом запрещалось. Все понимали, что такое обращение не могло быть принято без высшей санкции. Становилось очевидным, что решались жизненно важные вопросы»⁷. На деле, хотя администрация в лице министра внутренних дел Н. А. Маклакова игнорировала воззвание, оно одно поддерживало настроение и бодрость поляков, и с этой точки зрения оказалось чрезвычайно полезным, когда русскую армию постигли неудачи. Его действие проявилось и ранее: английский военный атташе А. Нокс, будучи при штабах армии генерала А. В. Самсонова, свидетельствует в своем дневнике, что польское население при нашем наступлении по германской территории оставалось на местах, а немцы уходили вслед своим войскам. И добавляет, что после воззвания «поляки относятся к нам как нельзя лучше»⁸. Хочется отметить и факт того, что 19 июля 1915 года на возобновленных заседаниях Думы в годовщину начала войны премьер И. А. Горемыкин заверил депутатов, что будущее Польши окончательно и бесповоротно предопределено этим документом. Совету министров был дан именной указ о подготовке проекта о предоставлении Польше по окончании войны национальной, культурной и хозяйственной автономии в рамках империи⁹.

Несмотря на свои славянские чувства, Трубецкой был недоволен переименованием столицы в Петроград, что случилось в самом конце августа. А в связи с обновлением МИДа 7 октября Трубецкой становится советником Второго политического отдела, заменившего Отдел Ближнего Востока¹⁰.

В середине ноября перед отъездом в Сербию князь был принят Николаем II. Как непривычно это сейчас звучит!.. Но тогда мало кто ожидал длительного срока у начавшейся войны, это видно уже из того, что на прощальной аудиенции этого нового посланника Государь сказал ему: «Отпускаю Вас ненадолго; к Пасхе я Вас вызову, так как Вы уже нужны при выработке условий мира»¹¹.

25 ноября 1914 года Трубецкой вступил в управление миссией, которая вместе с правительством ранее отступила в город Ниш. Это был период побед сербской армии над австро-венгерскими войсками. Встречавший его на станции 1-й секретарь миссии В. Н. Штрандтман отмечал много позднее, что князь по всем отзывам является человеком «осторожным и приятным в общении»¹², а в другом месте добавлял, что «в его лице королевское правительство получает беспристрастного, умного и высоко лояльного русского дипломатического представителя, который всегда будет чуток ко всякому справедливому делу, какой бы области наших взаимоотношений оно ни касалось»¹³.

Трубецкой прибыл на Балканы в связи с проблемой, которая к тому времени так и не была решена союзными дипломатами – это привлечение на свою сторону Болгарии для вступления в войну на стороне Антанты. Для этого требовалась уступка Сербией территории Македонии, и понятно было, что она осуществима только после окончания войны и получения компенсаций за счет

Австро-Венгрии. Вот для поиска подхода к неуступчивым сербам МИД и прислал Трубецкого¹⁴. Но этой, оказавшейся неразрешимой задаче, прибытие князя принесло еще одно осложнение: в сербском руководстве его ошибочно считали болгарофилом¹⁵. Переговоры союзников с официальными лицами Болгарии и Сербии только немного приблизили их к привлечению Софии на свою сторону, а Трубецкой в мнении сербов так и остался сторонником коварных болгар, которые в конце концов даже стали на сторону Центральных держав, выступив на следующий год против Сербии.

В этом молодом государстве удивительно малоразвиты были общественные организации. Там не было ничего подобного нашему земству с его духом самоотверженного общественного служения, совсем не было сестер милосердия. Когда Трубецкой приехал в Ниш, то в этом 23 000-м городе одно время находилось 147 000 человек. Это раненые, беженцы, а также пленные. За первыми был, хоть и плохо организованный, но уход; хуже дело было с заразными больными. Пришедшая же зима усилила распространение тифа.

«Обо всем этом я написал [официально – Е. Е.] в Петербург, а также в Москву моей жене, которая вскоре собиралась приехать ко мне в Ниш вместе со старшим сыном, в то время 12 л. мальчиком. С дороги я ей послал проект воззвания о помощи сербам. Жена моя напечатала его, а также поместила в газетах небольшое письмо,

в котором сообщала, что собирается в Сербию и принимает пожертвования. Успех обращения превзошел все ожидания»¹⁶.

Одно из этих писем было опубликовано и в популярном журнале «Нива» в № 1 за 1915 год:

Из письма русского посла в Сербии: «Княгиня Трубецкая прислала М. В. Челнокову, новому городскому голове г. Москвы, выдержки из письма своего мужа Г. Н. Трубецкого, нашего посланника в Белграде. “Сербь – пишут Г. Н. Трубецкой – побеждают по всей линии. Это удивительный народ. Нельзя перед ними не преклоняться. Ниш наполнен беженцами. Здесь обычно 25 000 населения, теперь – более ста. В Зайгарах, где работает русский госпиталь, доктор сказал мне, что рядом, в сербском госпитале на 650 раненых один доктор, и от переутомления обнаруживает признаки ненормальности. Громадное количество раненых толпится на станциях, ожидая эвакуации в давно переполненные госпитали. Беженцы полуодеты и полуобуты. Все сербы работают и по мере возможности помогают несчастным. Все же ощущается острый недостаток в средствах. В Нише творится нечто неопишное. Вместе с тем это такой терпеливый и все сносящий народ... Я видел пленных австрийцев-солдат с радостными лицами. 2000 пленных прошли по Нишу со славянскими песнями. Австрия неминуемо развалится с такими солдатами”. Княгиня Трубецкая просит М. В. Челнокова содействовать посылке санитарного отряда в Сербию»¹⁷.

Продолжение следует

⁶ Трубецкой Г. Воспоминания русского дипломата. С. 33–34.

⁷ Войнилович Э. Воспоминания. Минск: Издание Минской римо-католической парафии св. Симона и Елены, 2007. С. 219.

⁸ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М.: Центрполиграф, 2014. С. 51.

⁹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия четвертая. Пг., 1915. С. 10.

¹⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. СПб.: Наука, 2004. С. 26.

¹¹ Осоргин М.. Воспоминания. С. 842.

¹² Штрандтман. Балканские воспоминания. С. 368.

¹³ Там же. С. 303.

¹⁴ Там же. С. 368.

¹⁵ Там же. С. 303–304. – Трубецкой Г. Воспоминания русского дипломата. С. 102, 253.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Нива. 1915. № 1. С. 2.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СУДЬБА АЛЕКСАНДРА БЕЛЯЕВА

*К 140-летию со дня рождения Александра Беляева,
одного из основоположников советской научно-фантастической литературы*

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ,
лауреат Беляевской премии 2014 года

Роман «Голова профессора Доуэля» я прочитал в четырнадцать лет, и с того времени Александр Беляев стал одним из моих любимых писателей. Его книги повлияли на меня настолько сильно, что я даже написал сатирическую повесть «Наш новый мир», пытаясь представить в ней, каким будет мир, если в нем будут главенствовать «умные роботы». К счастью, рукопись этой книги не сохранилась, что избавляет меня от необходимости краснеть за эти первые пробы пера.

Спустя десятилетия судьба свела меня с замечательным человеком – Михаилом Клодом. Офицер, блестящий лингвист и историк, сын ученого и внук знаменитого русского художника Михаила Петровича Клодта, он собирал научно-фантастическую литературу. В его библиотеке книг такого рода было более семи тысяч – на русском и английском языках. Были у него и приобретенные в букинистических магазинах довольно редкие книги с уникальными иллюстрациями.

Александр Беляев в 1915 году

Михаил Петрович охотно делился со мной открытиями, которые он сделал, изучая биографии писателей-фантастов в старых изданиях. Одно из них касалось Александра Беляева. По словам Клодта, на его творчество оказали большое влияние научно-фантастические рассказы, появлявшиеся в 1920-е годы в разных научно-популярных журналах. Их автором был человек,

которого звали Трофим Молодой.

Его знают главным образом как отца легендарного советского разведчика-нелегала по имени Конон Молодой, который работал в Великобритании (кстати, ряд эпизодов из его биографии был использован в фильме «Мертвый сезон»). Между тем Трофим Кононович Молодой (1889–1929), советский ученый-физик, был известным исследователем, а также популяризатором науки и связанного с ней литературного творчества. При его содействии и активном участии было организовано издание около 60 журналов. Последние пять лет своей короткой жизни он посвятил работе

в журнале «Искра» и редактированию научно-популярной серии «Наука и техника».

Так вот, Трофим Молодой, оказывается, был автором двух десятков научно-фантастических рассказов, которые печатались в разных журналах, созданных с его помощью. Писал он их под псевдонимами Т. Кононов, А. Черноус, Г. Жигин и др. Значительная их

часть была посвящена социальным переменам в обществе, которые могут наступить с приходом новой индустриальной эры – в частности, в капиталистических государствах. Один из его рассказов, с которыми я познакомился благодаря Михаилу Клодту, описывал рабочих на конвейерных линиях в западноевропейской стране в виде генетически модифицированных человечков с длинными руками и маленькими ножками, с тыквообразной головой и непропорционально большими глазами. К сожалению, познать научно-фантастическое творчество Трофима Молодого во всем его своеобразии, вероятно, уже невозможно.

То, что молодой Александр Беляев с интересом знакомился с новостями науки и творчеством, которое с нею было связано, это аксиома. И конечно, не только рассказы Молодого, но, разумеется, и произведения Герберта Уэллса помогли формированию творческого кредо писателя. Продолжение и развитие тем Верна, рефлексии, связанные с такими произведениями Уэллса, как «Война миров», «Освобожденный мир» и «Люди как боги», а также разработка собственных новых и интереснейших тем сделали Беляева одним из выдающихся мастеров научно-фантастической литературы.

Александр Романович Беляев родился 4 (16) марта 1884 года в Смоленске в семье православного священника, настоятеля церкви в честь иконы Божией Матери «Одигитрия». Первообраз чудотворной иконы хранился в этом храме до 1941 года; он пропал во время оккупации Смоленска гитлеровскими войсками.

Настоятель храма очень хотел, чтобы сын пошел по его стопам. Александр подчинился воле отца и поступил в духовную семинарию. Мальчик был, безусловно, способным, и учение давалось ему легко. Однако известно, что быть духовным лицом может не всякий: для этого

нужно сосредоточиться на служении церкви и пастве. Между тем для юноши были более привлекательными не церковная, а современная музыка и не святые книги, а приключенческая литература.

Александр в 1901 году окончил семинарию, но священником не стал. Наоборот, он был в молодости поистине светским человеком: играл на скрипке и рояле, увлекался фотографией и живописью, много читал (любимым писателем был Жюль Верн) и исполнял небольшие роли в спектаклях смоленского Народного дома. Он был романтиком до такой степени, что казался не от мира сего. Мечтая приобрести сверхчеловеческие способности, он однажды прыгнул с зонтом с крыши сарая. Полета не получилось – он серьезно повредил позвоночник.

В 18 лет Беляев поступил в Демидовский юридический лицей в Ярославле. Во время Первой русской революции участвовал в студенческих стачках, после чего губернское жандармское управление даже установило за ним слежку. Но политика все же привлекала его намного меньше, чем творчество.

Окончив в 1909 году лицей, Беляев вернулся в родной Смоленск. Отец умер – теперь кормильцем семьи был молодой юрист. Пока гонорары были более, чем скромными, он брался за любую работу: оформлял декорации для театра, играл на скрипке в оркестре цирка Труцци. Адвокатской практикой начал заниматься, когда получил наконец должность частного поверенного. Но и будучи погруженным в судебные дела, не забывал о театре: писал рецензии, обзоры концертов и литературных салонов для газеты «Смоленский вестник».

В 1911 году после судебного процесса, который принес ему славу и довольно значительный гонорар, молодой юрист по традиции российских литераторов отправился в путешествие по Европе. Он изучал

историю искусств, побывал в Швейцарии, Германии, Австрии, Франции, Италии. После восхождения к вулкану Везувий Беляев написал путевой очерк, который был опубликован в «Смоленском вестнике».

Вернувшись домой, он, полный впечатлений от увиденного и услышанного, прежде всего обратился к музыкальному творчеству. В сотрудничестве со смоленской виолончелисткой Юлией Сабуровой Беляев поставил небольшую оперу-сказку «Спящая царевна», продолжал играть в любительских спектаклях и, судя по всему, отлично исполнял свои роли. Во всяком случае, когда в Смоленске гастролировали артисты из театра Станиславского, режиссер увидел Беляева на сцене и предложил ему место в своей труппе. К его удивлению, Александр отказался.

В 1914 году Беляев покинул поприще адвоката и перешел на работу в газету «Смоленский вестник». Спустя год он стал ее редактором. Но уже в конце 1915 года вынужден был переехать с матерью в Ялту, заболев туберкулезом позвоночника, – очевидно, то были последствия травмы, полученной в детстве.

После неудачной операции Беляев три года не мог передвигаться и еще три года ходил в специальном корсете. Но он не терял времени даром: писал стихи и занимался самообразованием, изучал медицину, биологию, технику, иностранные языки, много читал.

Он смог вернуться к работе. После революции работал воспитателем в детском доме, инспектором уголовного розыска, библиотекарем, в 1923 году переехал в Москву и два года служил юрисконсультантом.

С 1925 года Беляев полностью посвятил себя литературной деятельности. Его научно-фантастические рассказы печатали журналы «Вокруг света», «Знание – сила» и «Всемирный следопыт». Последний в 1925 году опубликовал

Смоленский Свято-Успенский кафедральный собор Чудотворной Иконы Божией Матери «Одигитрия» (Указующая путь) и чудотворная икона в киоте и драгоценном окладе (фотография С. Прокудина-Горского начала XX века).

рассказ «Голова профессора Доуэля» (позже писатель переделал его в роман). Это было его первое серьезное произведение в жанре научно-фантастической литературы. В известном смысле то был автобиографический роман: идея написать о том, какие ощущения испытывает голова человека, лишившегося тела, пришла к нему в тот период, когда он был прикован к постели.

Последние 15 лет жизни писателя почти целиком прошли в Ленинграде. Он работал там много и успешно. Им были написаны «Остров погибших кораблей», «Последний человек из Атлантиды», «Борьба в эфире», десятки рассказов и статей. Заметим, что многие свои работы Беляев подписывал псевдонимами.

В 1928 году появился его роман «Человек-амфибия», одно из самых известных произведений автора. Роман неоднократно издавался в Советском Союзе, был переведен на 13 языков мира и дважды экранизировался.

Как вспоминала позже жена писателя, идею романа подсказала газетная заметка о докторе, который проводил в Буэнос-Айресе

запрещенные эксперименты над людьми и животными.

Беляев приобрел всемирную славу. Герберт Уэллс в своем письме к Беляеву так отозвался о его творчестве: «Я с удовольствием, господин Беляев, прочитал Ваши чудесные романы “Голова профессора Доуэля” и “Человек-амфибия”. О! Они весьма выгодно отличаются от западных книг. Я даже немного завидую их успеху...»

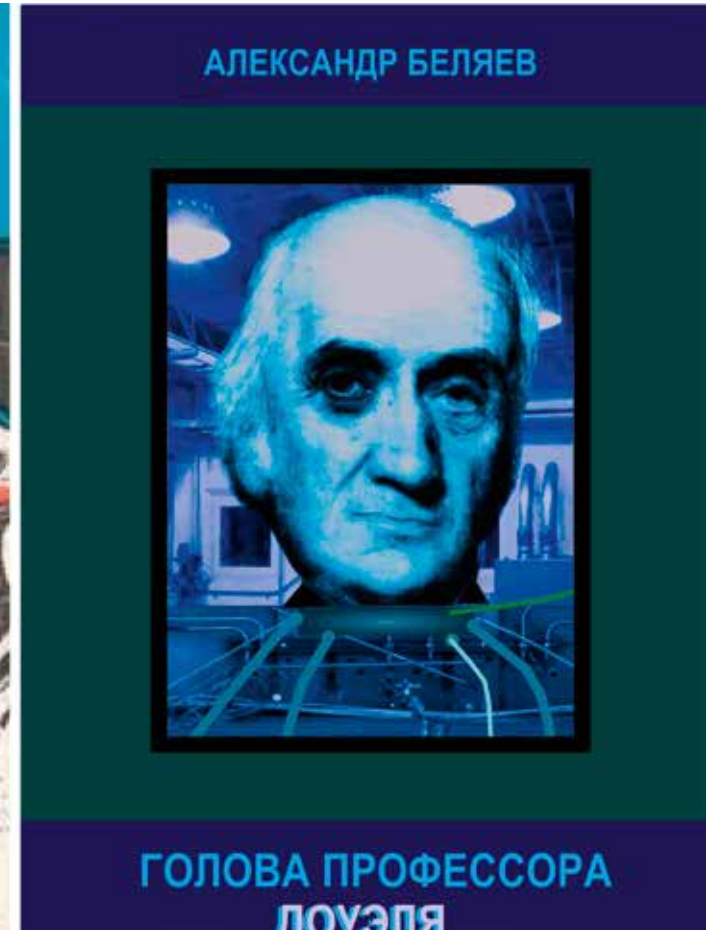
Александр Романович был знаком с Уэллсом, с французским писателем Пьером Мак-Орланом, основателем «социально фантастической прозы», со многими писателями России. После знакомства с идеями межпланетных полетов он написал роман «Воздушный корабль». Кстати, прочитав его, Циолковский дал такую оценку: «... остроумно написан и достаточно научен для фантазии. Позволю себе изъяснить удовольствие т. Беляеву».

Беляев состоял в переписке с Циолковским, обсуждал с ним технические детали своих романов и рассказов. Когда советский инженер Фридрих Цандер создал Группу изучения реактивного движения (ГИРД), которая построила

и запустила в 1933 году первую советскую ракету, Беляев еще больше проникся идеей космических путешествий и регулярно общался с сотрудниками группы Цандера.

Большинство произведений Беляева хорошо известны. Но вот что пишет в своей статье о творчестве писателя блестящий публицист Евгений Харитонов, историк литературы и кино, критик и музыкант: «На страницах малоизвестной советской периодики затерялись многие интересные, оригинальные рассказы Беляева, не входившие ни в собрания сочинений, ни в авторские сборники: парадоксальный “Нетленный мир” (1930) о том, что было бы, если бы вдруг исчезли микробы; фантастико-приключенческий рассказ “В трубе” (1929) о человеке, ставшем жертвой аэродинамического эксперимента; яркий приключенческий памфлет “Пропавший остров” (1935) о борьбе сильных мира сего вокруг создания ледяной базы для трансконтинентальных воздушных сообщений...»

Полузабытым оказался и последний прижизненный рассказ Александра Беляева “Анатомический

Обложки книг Беляева: «Продавец воздуха» (1928) и «Голова профессора Доуэля» (2008)

жених» (1940) – трагикомическая история о скромном клерке, который подвергся эксперименту по воздействию на человека радиоактивных элементов. Благодаря этому герой приобрел поразительную работоспособность и лишился потребности во сне. Но конечный результат оказался плачевным: клерк-«супермен» стал прозрачным и однажды, взглянув в зеркало, узрел... собственные внутренности».

В 1937–1938 годах в газете «Ленинские искры» публикуется с продолжением небольшой роман Беляева «Небесный гость» – одно из лучших советских научно-фантастических произведений тех лет. Роман получился во многом новаторский и пророческий: его герои, группа ученых, совершают одно из первых в отечественной

фантастике путешествий на планету другой звезды. Впервые в истории мировой фантастики была высказана идея использовать сближение двух звезд для перелета между ними. В 1936 году в журнале «Вокруг света» вышел роман о первых внеземных колониях, посвященный великому изобретателю, – «Звезда КЭЦ» (КЭЦ – инициалы Циолковского).

Когда в начале Великой Отечественной войны немецкие войска приблизились к Ленинграду, писатель отказался от эвакуации из Пушкина. Он только что перенес операцию, выходить из дома не мог, с постели вставал только чтобы умыться и поесть. В январе 1942 года великий романтик и писатель-фантаст скончался от голода и холода. Его захоронили в братской могиле...

Последним горестным аккордом в трагедии мастера стало то, что в дом, где жил и умер писатель, попал снаряд. В руинах погиб архив Беляева, включая рукописи как законченных, так и незавершенных произведений.

В своей статье Евгений Харитонов замечает: «Обидно, что наши издательства зачастую неоправданно реанимируют творчество западных поденщиков, позабытых даже на родине, но обходят стороной отечественную литературу. Воистину, не исчезла актуальность прозорливого замечания Николая Карамзина: “Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славою; французские, английские авторы могут обойтись без нашей похвалы; но русским нужно по крайней мере внимание русских”».

ПО КОМУ ЗВОНИТ «КОЛОКОЛ» В НИЦЦЕ

Окончание главы из книги «Истории из пропавшего чемодана» (начало в № 159/01–02)

АЛИСА ДАНШОХ

Александр Иванович Герцен. Фото Сергея Левицкого. 1861

Пока Герцен прокладывал путь его преданная Наташа в статусе замужней женщины и матери

осваивала новые жизненные рубежи, как социально-хозяйственные, так и духовно-интеллектуальные. Она не дотянула до идеала Льва Толстого и не превратилась в Наташу Ростову, потому что фекальная тема детской ее волновала в меньшей степени, чем горячие споры и умные разговоры мужа с друзьями в гостиной. Она много читала, нагоняя упущенное в отрочестве и ранней молодости. Вне всякого сомнения, Наталья Александровна была человеком способным, ищущим, как себя реализовать. По-прежнему муж для нее – яркое и недостижимое светило. Она взирала на него снизу вверх, греясь в лучах его любви и внимания к ней.

В 1846 году в преклонном для того времени возрасте скончался отец Герцена Иван Алексеевич Яковлев. Он оставил сыну и его матери Луизе Гаг приличное наследство – недвижимость в Москве, земли с крестьянами и счет в банке. В это же самое время с Александра Ивановича сняли полицейский надзор, что позволило выправить загранпаспорта и под благовидным предлогом поправки здоровья покинуть родину. Девять лет совместной жизни четв Герцена – Захарьиной позади. Наталья Александровна подарила мужу шестерых деток, из которых выжили трое – двое сыновей и дочь: старший Александр, затем Николай и Наталья, а по-домашнему – Тата. Герцену не терпелось развеять крепостнический дым отечества и глотнуть свежего воздуха, поднятого

волной европейского революционного движения. На перекладных «дитя сердца» мчался к свободе и справедливости. Покидая российские пределы, ни он, ни его матушка, ни жена, ни трое их деток не думали, что расстанутся с родимой сторонкой навсегда. Не мог предвидеть Герцен, отправляясь в оздоровительно-познавательную поездку, что в жизни его грянет новая эра, имя которой – вынужденная эмиграция.

А пока что на дворе лето 1847-го, и семья Герценов в Париже, откуда отправляется на знакомство с Италией. Между тем, по словам Карла Маркса, «по Европе бродит призрак – призрак коммунизма». Он будоражит людские умы, вызывает революционные настроения и уличные выступления. Александр Иванович надышаться не может запахом грядущей революции. Лозунг «Свобода, равенство, братство!» действует на него, как валерьяна на кота. Зимой 1848 года его замечают в Риме среди участников уличных шествий, а летом он уже в Париже сочувствует вооруженному восстанию рабочих.

Меня поразило, с какой скоростью первое лицо Российского государства отреагировало на поддержку Герценом революционных настроений французов. Уже через десять дней после июньского восстания Николай I повелел Александру Ивановичу вернуться домой, и не мешкая. Требование самодержца послужило началом второго раунда личного противостояния государя императора с бывшим ссыльным Герценом. Силы явно неравные, однако Александр Иванович воспользовался территориальным преимуществом и проигнорировал волю царя. Обыск в парижской квартире и нарочитая слежка не испугали Герцена. Он самозабвенно пишет «Письма из Франции и Италии», которые позднее войдут в книгу «С того берега».

Если вы подумали, что Николай I махнул рукой на непослушание автора романа «Кто виноват?», то вы ошиблись. Царь со злорадством выжидал подходящего момента для наказания, который не заставил себя ждать. Это произошло в июле 1849 года, после того как Герцен поучаствовал в демонстрации, требовавшей от французского правительства исполнения конституционных законов. Власти разогнали всех вышедших на улицы и в качестве профилактики кой-кого арестовали, чтоб другим неповадно было. Александр Иванович решил не рисковать, с местными порядками в противостояние не вступать и ретировался в нейтральную Женеву. На берегах озера Леман он познакомился с подобными ему политбеженцами из Италии, Германии и Франции. Здесь он сошелся с видным политическим деятелем Прудоном, посодействовал ему в выпуске газеты «Голос народа» и поднабрался издательского опыта. В скором времени опыт сей ему пригодился.

Герценовское издание «Колокола» и труды основанной им «Вольной русской типографии» прославили его в родном отечестве. И за это огромное спасибо Николаю Павловичу Романову, ибо он своим повелением и санкционированными им преследованиями вынудил Герцена принять окончательное решение остаться за границей. «Ах так?!» – воскликнул Николай I и наложил секвестр на имение писателя.

В декабре 1850 года, то есть через три года после отъезда из России, Александр Иванович Герцен возглавил список выдающихся невозвращенцев государственного значения со следующей формулировкой Петербургского надворного уголовного суда: «Подсудимого Герцена признать за вечного изгнанника из пределов Российского государства». Сие решение карательного

органа подразумевало также полную конфискацию имущества. Согласитесь, без гражданства плохо, а без денег еще хуже, поэтому диссидентствующий невозвращенец выправил себе швейцарское гражданство и стал без ограничений передвигаться по Европе. Что касается средств существования, то обращение Герцена к представителю знаменитого семейства банкиров Ротшильдов помогло сохранить часть валютного запаса. Швейцарский банк, где лежали деньги изгнанника, отказался передать вклад в российскую казну.

Можно сказать, что из поединка с верховной властью и императором лично Герцен вышел победителем, превратившись в политэмигранта. Отныне он свободно говорил и бесцензурно писал то, что думал, встречался с кем хотел и где считал нужным. Швейцарское гражданство гарантировало Александру Ивановичу безопасность, и теперь французские власти не слишком досаждали ему. Конечно, он тосковал по любимой Москве, по друзьям, но такова была плата за свободу мысли и передвижения. Однако, как показали дальнейшие события, цена оказалась намного выше. За пять месяцев до сорокалетия, в ноябре 1851-го, Герцен потерял свою матушку и сына Николая. Они погибли в кораблекрушении, возвращаясь в Ниццу из Марселя. А в мае 1852-го из жизни ушла Натали, а вместе с ней и новорожденный сын Владимир.

Всего пять лет тому назад Наталья Александровна без малейшего сожаления покинула Россию. Тогда ей исполнилось тридцать, из них на первые двадцать лет пришлось годы безрадостной, тоскливой и унижительной жизни в доме тетки. Ее душа была изранена нелюбовью окружающих, и потому она так страстно мечтала быть любимой и самой любить пылко, самозабвенно, жертвенно. Ее молитвы

были услышаны. Библейская мудрость не подвела: жених пришел к невесте, которая его ждала. Наталья Александровна одержала блестящую эпистолярную победу. Она пошла ва-банк и сорвала умопомрачительный куш – годы счастья, гармонии, тотального взаимопонимания, упоительных восторгов с необыкновенным человеком, блестящим, умным, веселым, обаятельным. Казалось бы, эти несколько лет тотально удачного замужества должны были избавить Натали от детских комплексов, однако окончательно побороть их не удалось. Она по-прежнему жаждала каждодневных подтверждений неослабевающих чувств со стороны мужа.

Подозреваю, что Герцен перегрелся у денно и ночно пылавшего огня безмерной любви. Его топливные запасы по поддержанию любовного очага несколько истощились. Избыток восторгов и умилений по любому поводу и без оного действовал на нервы. Не то чтобы Александр Иванович охладел к любимой женщине, вовсе нет. Он все так же высоко ценил ее человеческие качества, но подустал от однообразия сладкой жизни. Хотелось чего-нибудь остренького. День ото дня круг его интересов расширялся, занятия требовали все больше времени и усилий. Семейная стабильность была необходима, чтобы двигаться дальше. Она служила броней в идеологических схватках, в опасных принципиальных спорах о судьбах отечества и Вселенной, когда друзья и единомышленники вдруг превращались в непримиримых врагов. Герцену не хватало времени, а может быть, и желания вникать в причины изменений настроения супруги, в ее непонятные для него колебания души, хотя он и чувствовал, что с ней что-то происходит. Александр Иванович решил, что смена обстановки, новые впечатления отвлекут Натали

от ненужных, с его точки зрения, переживаний, развлекают ее и все наладится.

Наталья Александровна тоже на это надеялась. Она выехала в Европу не за революционными веяниями, она действительно надеялась поправить здоровье, а главное – вернуть пошатнувшееся душевное равновесие. Подобно локатору, она стала улавливать нарастающие расхождения с тем, кому отдала себя всю без остатка. Все чаще возникали недопонимания, биения сердца не совпадали. Он не разделял, как прежде, ее восторгов и экстазов. Временами от него веяло холодом отчуждения. Бедная Натали! Знай она о мужском кризисе среднего возраста, о его влиянии на всех без исключения сынов Адама, возможно, это помогло бы ей справиться со своими эмоциями, а они составляли главный смысл ее жизни. Несмотря на перманентные

беременности и постродовые депрессии, г-жа Герцен по-прежнему мечтала лишь о любви, и мечта превращалась в навязчивую идею. Как и пятнадцать лет тому назад, ею овладели предчувствия, от которых сердце начинало учащенно биться, кровь пульсировала в висках, и голова кружилась от надежды на встречу с кем-то, кто вновь подарит ей незабываемые мгновения. Подобное состояние явно указывало на то, что ее перестал удовлетворять сексуальный аспект жизни с мужем. Не удавалось ей *get satisfaction* (достичь удовлетворения), отсюда и шалющие нервы вкупе с неудовольствием от устаканенной повседневности.

Мольбы Натали Александровны были услышаны вновь. Однако на сей раз их подслушал искуситель рода человеческого. Ловец трепетных душ незамедлительно поставил капкан. В качестве приманки он использовал смазливую политизированного немецкого поэта Гервига. Молодое литературное дарование в двадцать четыре года заявило о себе «Стихами живого человека». Гервиг призывал к борьбе с тиранией, и его немедленно подняли на революционный щит. Какое-то время он прекрасно себя чувствовал, греясь в лучах славы и любясь собственным отражением в глазах восхищенных поклонниц. Именно в этот момент, летом 1847 года, Натали впервые увидела поэта в парижской гостинице. Она встретила с ним взглядом и затрепетала. Дьявольский капкан захлопнулся.

Дьявол на то и дьявол – он не мог удовлетвориться только трепыханием слабой сентиментальной женщины. В его сети угодил и Александр Иванович, которому до чрезвычайности глянулся красавчик Гервиг. Симпатию и расположение к вольнодумцу с поэтическим даром еще больше укрепило лестное мнение о нем Огарева. Герцен безмерно доверял Николаю Платоновичу,

своему самому близкому, верному и любимому другу с детства. Двадцать лет тому назад на Воробьевых горах два пылких отрока дали клятву «всю жизнь посвятить борьбе с неправдой и пороками». Теперь они были готовы перейти от слов к делу, хотя и находились далеко от родины.

За два прошедших десятилетия жизнь изрядно потрепала Николая Платоновича Огарева. Его арестовали вместе с другими членами герценовского университетского кружка, но в отличие от друга Саши в ссылку Ника не отправили. Из-за тяжелой болезни богатого и влиятельного отца власти ограничились строжайшим пребыванием неблагонадежного сына в комфортных условиях родительского дома. Мне кажется, что послабление наказания сыграло отрицательную роль в дальнейшей судьбе Огарева. Не хлебнул он в достаточном количестве трудностей и тяжестей бытия. Не увидел он чужих страданий, не осознал всю горечь российского бесправия, а следовательно, не получил необходимой дозы противоядия от жизненных напастей. Не хватило ему ни закалки, ни таланта, ни знаний, ни других каких способностей, чтобы преуспеть как в личной жизни, так и в деловой. В нашей культурно-исторической памяти он присутствует исключительно как друг Герцена и его соратник по издательской деятельности в Лондоне.

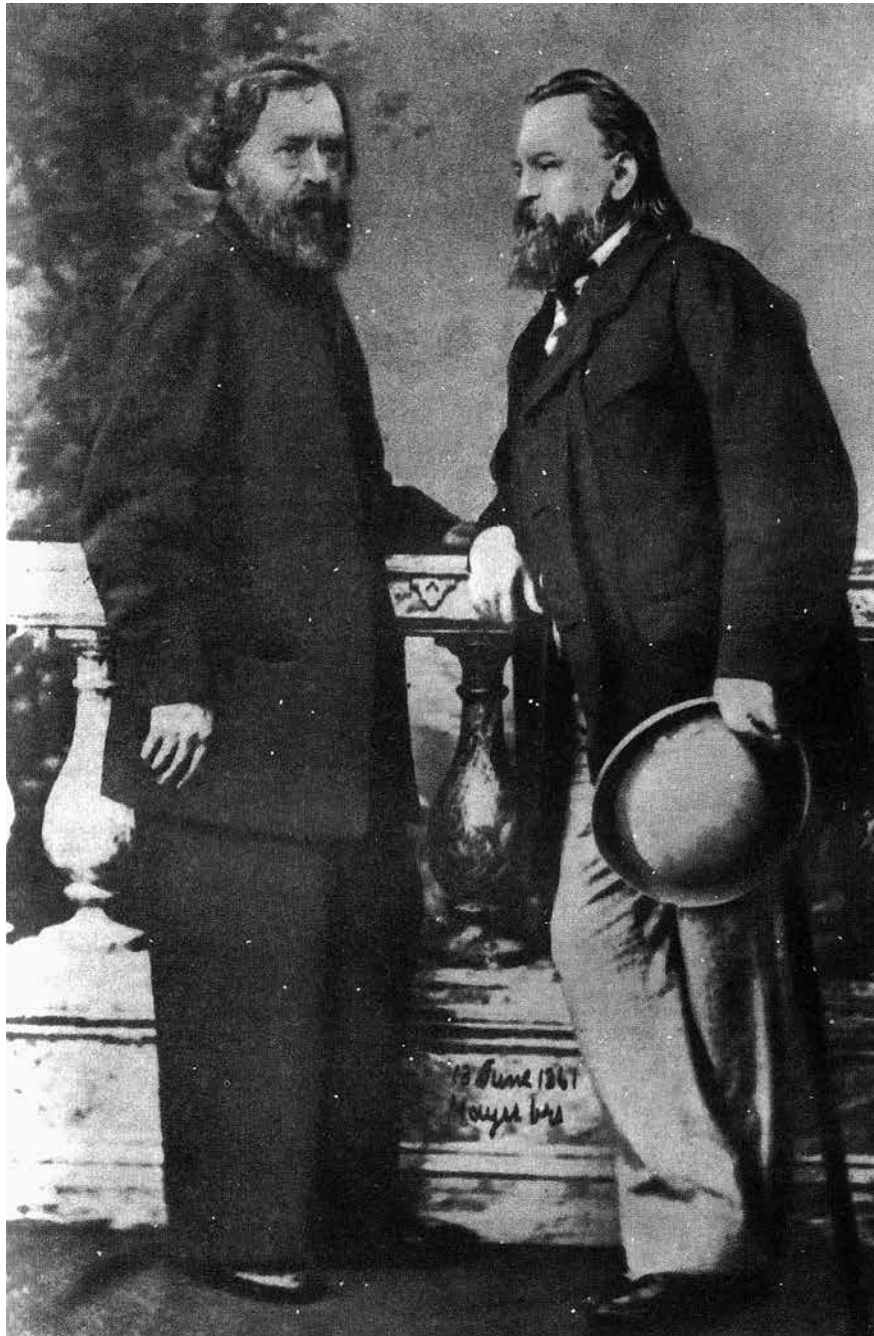
В юности-молодости писал Николай Платонович стихи и видел в этом занятии свое призвание, однако выдающегося поэта из него не получилось. Кончина батюшки сделала его наследником огромного состояния и владельцем земельных угодий с большим количеством крепостных. Воодушевленный идеями *égalité* и *liberté*, Огарев не задумываясь даровал бесправным пейзамам полную свободу. Однако незнание экономики и юриспруденции, а также отсутствие навыков

менеджмента у дарителя обернулись для вольноотпущенных еще худшей неволей, а для благотворителя – огромными убытками. Фабрика, которая приносила неплохие доходы, сгорела, что еще больше осложнило финансовое положение нерадивого хозяина. На личном фронте дела обстояли еще хуже. Относительно ранняя женитьба превратилась в очередной провальный проект. Жена оказалась, мягко говоря, тетенькой неправильной, бесполезной и дорогостоящей в содержании. Только ее преждевременная смерть освободила Николая Платоновича от петли на шее. С трудом вынырнув из первого супружеского омуты, Огарев без промедления угодил в полымья второго брака. Союз № 2 обернулся настоящей катастрофой не только для Огарева, но и для лучшего его друга Герцена. Новая супруга Николая Платоновича из рода Тучковых приходилась родственницей герою войны 1812 года. Была она дамой с очень непростым характером и с прогрессирующими маниакально-депрессивными наклонностями. Однако проявились они не сразу. Летом же 1847 года она всем понравилась, особенно ее тезке Наталье Александровне. Семьи Огарева и Герцена встретились в Италии и пребывали в полном счастье. Неразлучные друзья Саша и Николаша предавались спорам-разговорам и строили прогрессивные планы, а две Наташи сливались душами. Чего-чего, а эмоций у обеих было хоть отбавляй.

В предчувствии грядущей всепоглощающей любви Наталья Александровна прониклась экзальтированной симпатией к молоденькой Наталье Алексеевне. Дело дошло до того, что Натали Герцен чуть ли не взяла с тезки клятву заботиться о муже своем Александре Ивановиче, если вдруг что-то непредвиденное с ней случится. Как в воду глядела! Непредвиденное и в самом деле случилось, причем в самом

скором времени. На то, что произошло, можно взглянуть по-разному: можно – как на трагедию в духе древнегреческой, а можно – как на нелепую мелодраму. В первом варианте неумолимый рок приводит судьбы героев к трагической развязке. По законам этого жанра низкому коварству, черной неблагодарности, предательству и клевете одних противостоят благородство, благие намерения и искренние чувства других. Во втором мелодраматическом варианте печальные последствия спровоцированы такими вещами, как доверчивость, неразборчивость в людях, застарелые детские комплексы, физиологические потребности и избыточная эмоциональность.

Не обошлось и без политических страстей. В Германии революция, о которой так долго мечтали прогрессивные германцы, не свершилась. Начались репрессии, и поэт Гервиг чудом избежал плена и тюрьмы. Он бежал из страны и по дороге в изгнание задержался в Швейцарии, где возобновилось и продолжилось его знакомство с четой Герценов. В прикиде беженца и страдальца он еще больше понравился Наталье Александровне. Да, он не просто ей глянулся, она положила на него оба глаза и совершенно потеряла голову. Ее несколько не смущало наличие супруги поэта, которая его обожала и на которой он женился из-за денег. Провал немецкой революции и бегство из страны практически лишили их материальных средств и обрекли на некомфортное существование. Присутствие собственного мужа также не остановило «кружение сердца» Натали Александровны. Тем более что и Александр Иванович был очарован «Стихами живого человека» и их автором. Произошло сближение двух свободомыслящих эмигрантов вплоть до совместного проживания семей в Ницце.

Александр Герцен и Николай Огарев в 1861 году

Предложение разделить кров, естественно, исходило от Герцена, который брал на себя большую часть расходов. Снятый в Ницце дом Александр Иванович назвал «Гнездом близнецов». Невольно возникают вопросы: «А не напала ли на “Дитя сердца” внезапная слепота? А может быть, Герцен

специально переключил Натали на смазливый стихотворца, чтобы она не мешала работе над сочинением “Русский народ и социализм”? Неужели автор умных, серьезных, злободневных трудов был так простодушен, наивен и доверчив, что не увидел, как беспринципный “близнец” его использовал?

Возвышенный бесребреник Герцен не только ошибся с выбором квартиранта, не только пригласил на своей человеколюбивой груди подлую гадюку, но и, руководствуясь лучшими побуждениями, заложил под свое семейное счастье мину замедленного действия. Взрыв повлек за собой позор, бесчестье, страдания и человеческие жертвы. Да уж, действительно, “благими намерениями вымощена дорога в ад”. Невероятно, но немецкому “близнецу” Герцена удалось и “рыбку съесть, и на паровозике прокатиться, и ножки почти не замочить». Гервиг проглотил, не поперхнувшись, сердце Натали, бесплатно доехал до Ниццы, где прожил за счет обманутого друга полгода, и ни о чем не сожалел впоследствии.

Немец попросту воспользовался ситуацией, чего нельзя сказать о Наташе Александровне. Она без памяти влюбилась. Если в ее девические годы объектом страсти стал кузен Шуша, то в 1848 году выбор пал на опального поэта под санкциями. Ах, он был так хорош собой! Он был так несчастен! Как и пятнадцать лет тому назад, Натали начала осаду избранника с письменных атак. Ее послания были страстными и искренними. Поэт не считал нужным отказывать жене друга и ответил взаимностью, доходившей до интимной близости. Супруга Гервига делала вид, что ничего не происходит, а наш русский Кандид долгое время и впрямь ни о чем не догадывался. В конце концов романтические отношения Натали с Гервигом закончились грандиозным скандалом. Чуть было не случилась дуэль между Герценом и поэтом, который повел себя, мягко говоря, некорректно. Его благородная внешность, спровоцировавшая «кружение сердца» бедной Наташи Александровны, вступила в острое противоречие с подлой сущностью. Несмотря на мольбы Натали сжечь ее письма к нему, он

не только не уничтожил их, но и давал почитать другим, изображая из себя жертву: мол, он подвергся эмоционально-сексуальным домогательствам. Поэт скоропалительно покинул «Гнездо...» и удалился к месту регистрации в Швейцарии. Отсюда он послал гонца с письменным уведомлением об окончании каких-либо отношений с госпожой Герцен.

Бедная, бедная Наташа Захарына! Сколько на нее обрушилось! Сначала скандальная любовная отставка, затем очередная, девятая, беременность с резким ухудшением здоровья и страшный удар судьбы, окончательно сломивший и душу, и тело тридцатипятилетней женщины, когда у берегов Ниццы погибли сын и свекровь. Наталья Александровна слегла, и через полгода ее не стало. Перед смертью она успела проститься с детками и причаститься. Она услышала слова утешения мужа, но ей не хватило слез оплакать смерть новорожденного сына Володеньки. Наталья Александровна скончалась 2 мая 1852 года. Врачи считали, что причиной смерти стало осложнение после перенесенного воспаления легких, но, скорее всего, настоящий диагноз – это навсегда разбитое сердце. Ее похоронили на Замковом кладбище рядом с сыном и свекровью. В своих многотомных воспоминаниях «Былое и думы» Герцен напишет о бесценном друге Натали с большой любовью, уважением и без единого упрека. То, что произошло с женой в эмиграции, он назовет «кружением сердца».

Александр Иванович на восемнадцать лет пережил Наталью Александровну. За эти годы произошло много-много всего и разного. Вскоре после печальных событий в Ницце Герцен переехал в Лондон и решил остаться в Англии. Воспитанием детей занялась опытная немецкая гувернантка фрейлен Мейзенбург. Ей очень хотелось не только

присматривать за отпрысками Александра Ивановича, но и занять место спутницы его жизни. Однако ее желанию не суждено было осуществиться, хотя она и заменила мать младшей герценовской дочери Ольге. Со временем девочка превратилась в истинную арийку и забыла родной русский язык. Кто же перебежал дорогу даме Мейзенбург? В роли разлучницы выступила жена лучшего друга – Натали № 2. Она стала второй главной женщиной Александра Ивановича Герцена и к своей двойной фамилии Тучкова-Огарева прибавила третью – Герцена. Если русская история вынесла благодарность представителю семьи Тучковых за победу над Наполеоном и в его честь назвала одну из станций ждэ на подъезде к Бородине, то отечественная культура до сих пор возмущается неблагоприятной ролью потомка славного рода в судьбе Герцена. Действительно, вряд ли мы можем поблагодарить Наталью Алексеевну Тучкову за то, что она отравила жизнь Александра Ивановича и его детей: у него она украдала несколько лет жизни, а детишкой была хуже самой злобной мачехи. Я уж не говорю о том, что она собственную дочь довела до самоубийства и всласть поиздевалась

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VINGT VOUS!

№. 1.
1 Юлѣ 1857.

У Трѣбова & Сн. въ книжной лавкѣ,
61, Paternoster Row, и у Тейлорскаго,
10, Rupert Street, Haymarket, London.
Price six-pence.

ПРЕДСЛОВІЕ.

Россия тесною жемчуж,
Къхъ мучимое дѣло,
Куда несется гнетъ
Одна рука не сжимала;
Но тутъ, который кто ось свѣтъ
Россіи мучимаго дѣла,
Ось съ тучи мучимаго дѣла
Не знала, что передъ нами дѣла,
И мысль его не могла
Куда ось въ робкой сѣдъ:
Рухъ—се не задумала,
Сама съ путемъ замира.
Въ полету вѣра и печаль,
Куда мучимаго дѣла,
Гнетъ мучимого дѣла
Ось раздался на чужбѣ;
Звучалъ на чужбѣ не робкой—
Не ради вѣра не робкой,
Не потому, что въ бояхъ
Ось удержалась бы отъ казни;
А потому, что дѣла мучимаго
Ось мучимого дѣла
Дѣла мучимого дѣла
Противъ съ робкой дѣла
Дѣла мучимаго дѣла
Теперь мучимаго дѣла,
Зачѣтъ, разлучалась, зноя,
И ось гудѣтъ не робкой,
Помо—судитъ мучимаго дѣла
Въ вѣра мучимаго дѣла
Россия боре не робкой
И робкой на чужбѣ не робкой,
И мучимаго дѣла—
Начать торжественно и строю,
Съ мучимаго дѣла мучимаго,
Звучать на чужбѣ мучимаго.

Полярная Звѣзда выходитъ слишкомъ рѣдко, мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ события изъ Россіи несутся быстро, и въ надобно ловить на лету, обсуждать точнѣе. Для этого мы предпринимаемъ новое периодическое изданіе. Не опредѣляя сроковъ выхода, мы постараемся еженеѣдно издавать одинъ листъ, иногда два, по мѣрѣ заглавіемъ Колоколъ.

О направленіи говорить нечего; оно такое, которое въ Полярной Звѣздѣ, тоже, которое проходить неизменно черезъ всю нашу жизнь. Вѣдь, во всемъ, всегда, быть со стороны воли—противъ насилія, со стороны разума—противъ предрассудковъ, со стороны науки—противъ изуверства, со стороны развивающихся народовъ—противъ отстающихъ правительствъ. Таковы общіе догматы наши.

Въ отношеніи къ Россіи, мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всею силой послѣднего изреченія, — чтобы съ ней сила имѣла новыя старыя совѣщанія, и наконецъ могучему развитію ее. Для этого мы теперь, какъ въ 1855 году (*), считаемъ первымъ необходимымъ, неотлагаемымъ шагомъ:

ОСВОБОЖДЕНІЕ СЛОВА ОТЪ ЦЕНЗУРЫ!
ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ ПОМѢЩИКОВЪ!
ОСВОБОЖДЕНІЕ ПОЛНАГО СОСТОЯНІЯ ОТЪ ПОБЛЮДЪ!

Не ограничиваясь впрочемъ этими вопросами, Колоколъ посвященный вслѣдствіе русскимъ интересамъ, будетъ звать въ тѣмъ бы и былъ затронуть — великимъ указомъ или гласнымъ голосіемъ раскольниковъ, воровствомъ, сапожничать или неискренности сѣнъ. Сѣнъ и протупное, заманчивое и неискренности, не вѣдь подъ Колоколъ.

А потому обращаемъ ко всемъ соотечественникамъ, дѣлающимъ нашу любовь къ Россіи и просимъ въ не только слушать наша Колоколъ, но и самимъ звать въ него!

Появленіе новаго русскаго органа служило дополненіемъ къ Полярной Звѣздѣ, не есть дѣло случайное и зависящее отъ одного личнаго принозла, а отвѣтъ на потребность; мы должны съ него издавать.

Для того чтобы объяснить это, я напомню короткую исторію нашего типографскаго става.

Русская Типографія, основанная въ 1853 году въ Лондонѣ, была заперсомъ. Отыркая ее, я обратился къ нашимъ соотечественникамъ съ призывомъ, изъ котораго повторю слѣдующія строки:

“Отчего мы молчимъ?
Неужели намъ нечего сказать?
Или мы молчимъ только оттого, что мы не смѣемъ говорить?”
(*) Программа Полярной Звѣзды.

над бедным Огаревым, чьей женой была не один год. Ни счастья, ни покоя, ни уюта, ни надежного тыла мадам Тучкова никому дать не смогла. Скорее всего, она была психически нездорова, о чем свидетельствуют ее многочисленные дневниковые записи и письма-исповеди. Из всех литературных *ménages à trois* («жизнь втроем») девятнадцатого века, таких как Панаевы плюс Некрасов, Виардо плюс Тургенев и другие, союз Огарев – Тучкова – Герцен оказался, пожалуй, самым неудачным и, я бы сказала, трагическим.

Поначалу Николай Платонович был огорчен изменой жены и ненормальной обстановкой в доме – проживали-то они все вместе и под одной крышей. Однако со временем он не только смирился с положением вещей, но даже постарался извлечь для себя выгоду. Несмотря

Дом-музей Александра Герцена в Москве, переулок Сивцев Вражек, 27

на утверждения Тучковой, что он-де пребывал из-за нее в соплях и слезах, Николай Платонович тем не менее нашел утешение и тихое счастье в объятиях некой Мэри Сеттерленд, встретившейся ему в одном из лондонских кабаков. И Наталья Алексеевна, перекочевавшая в спальню к Александру Ивановичу, и сам Александр Иванович не одобрили связь Ника с английской тетенькой из уличных низов. Они громко и бесцеремонно высказали ему свое «фэ!». Однако неприятие с неодобрением близких не смогли отвадить Николая Платоновича от Мэри и ее сынка, которым он помогал по мере сил и возможностей. И правильно делал, как показало дальнейшее. Когда Герцен умер, а Тучкова сбежала в Россию, за больным и всеми брошенным Ником Огаревым до самого его конца ухаживала «недостойная женщина» – верная и надежная подруга Мэри.

Внутренние дразги *ménages à trois* Герцена – Огарева никак

не отразились на деловых и интеллектуальных отношениях друзей. Их совместная издательская деятельность имела грандиозный успех и даже какое-то время приносила прибыль. На 1859–1861 годы пришелся апогей герценовского влияния в России и апофеоз «Колокола». Увы, все *transit mundi*, а особенно *gloria*, и через шесть лет после освобождения крестьян в России *Kolokol* ударил в последний раз сдвоенным листом за номером 244–245. Герцен вернулся на европейский континент и вновь проехался по странам в поисках постоянного места жительства. Кружение оборвалось в Париже в ночь с 20 на 21 января 1870 года. «Дитя сердца» скончался. Согласно воле покойного, его тело перевезли на кладбище Шато в Ниццу, где он упокоился рядом с матушкой, женой Натальей Александровной и детками Коленькой и Володей.

На могиле стоит памятник Герцену в полный рост. Александр Иванович изображен со скрещенными

на груди руками, по моде того времени он во фраке и в бороде. Поражает сходство писателя с фотографией Левицкого, сделанной в 1865 году. На ней пятидесятилетний Герцен выглядит пожилым человеком, усталым и серьезным, но готовым дать отпор врагам свободы и поборникам несправедливости. Бронзовое изваяние Великого Изгнанника смотрит вдаль на море, отнявшее у него близких, и на город, где разрушилась его счастливая семейная жизнь.

Он никогда не узнает, что потомки отведут ему роль прогрессивного мыслителя, публициста, писателя, революционного борца с реакционным режимом Николая I – душителя всех свобод. Однако какие бы титулы ни присваивались Герцену, какими бы эпитетами его ни награждали, как бы к нему ни относились историки, критики, литературоведы и почитатели его многочисленных талантов, у каждого из нас есть возможность составить о нем

собственное суждение на основании главного труда всей его жизни. Многотомное сочинение «Былое и думы» – не только монументальное жизнеописание нескольких десятилетий XIX века, этакая летопись «непламенных застоных времен», это веха в богатой на события и таланты литературной жизни постпушкинской эпохи. «Былое и думы» стали точкой отсчета современной русской мемуаристики – этаким бестселлером *non fiction* двух последних веков. И ежели кто-то из нас не успел познакомиться с четырьмя томами воспоминаний и размышлений Александра Ивановича, то при желании всегда остается возможность ситуацию исправить – взять книги в руки и прочесть, а потом с удовлетворением признаться самому себе, что пусть и с опозданием, но все же ты примкнул к тем избранным, про которых со скрытой завистью говорят: «Да, он (или она) из хорошей семьи». А почему? Да потому что правильные книжки прочитаны в детстве!

P. S. Перечитывая абзац о причинах, побудивших Ивана Алексеевича Яковлева дать сыну необычную фамилию вместо своей, весьма распространенной и, скажем прямо, простенькой, я искренне порадовалась этим обстоятельствам. Придумав неординарного Герцена, отец сделал заявку на необыкновенное будущее мальчика. Александр Иванович папу не подвел, а высшие генетические силы отблагодарил литературной славой своей и почетным местом в истории и культуре России. Чего никак не могли предвидеть ни боярский отпрыск Иван Яковлев-Захарьин, ни его «Дитя сердца» – это то, что именем их правнука и внука за его выдающиеся заслуги в советской медицине назовут уникальный научно-исследовательский институт. С момента появления в конце девятнадцатого века клиника,

основанная на деньги семьи Морозовых, занималась проблемами онкологии. В этой области она стала одним из ведущих центров в мире. С 1922 по 1947 год медицинское учреждение возглавлял Петр Александрович Герцен. Он впервые предложил комплексный подход в лечении раковых заболеваний, которым и сегодня эффективно пользуются во всех странах.

Внук великого российского изгнанника родился во Флоренции вскоре после смерти деда. Его отец Александр Александрович близко к сердцу воспринял идею равенства, которую проповедовал его отец, и вплотную сблизился с на родными массаами, женившись на итальянской крестьянке. Как сам он, так и девять его детишек имели швейцарское гражданство, предусмотрительно купленное Александром Ивановичем в 1851 году. К сожалению, его внуки, появившиеся на свет в Европе, да к тому же в смешанном браке, по-русски не говорили. Неизвестно, оказало ли творчество деда на них влияние, но один из шести мальчиков по имени Петр вдруг все бросил и уехал в Россию. Надо было заметить, что Петру Александровичу Герцену было с чем расставаться. В Швейцарии перед ним открывалась заманчивая карьера. Как и отец, он выбрал профессию врача. Успешно закончив учебу в университете, Петр Александрович начал работать в клинике у знаменитого профессора. И так ему понравился, что, собравшись на пенсию, тот порекомендовал вместо себя молодого талантливого специалиста. Согласитесь, неплохое начало карьеры – получить кафедру и профессорское звание в 27 лет. Неужели, подобно парусу из лермонтовского стихотворения, Петру наскучило местное благополучие красочного болота и он, мятежный, возжаждал бури? Ну а почему бы и нет?

В Москве, на родине деда, он начал жизнь с чистого листа, и бурно на его долю выпало предостаточно. Перво-наперво Петр Александрович решил коммуникативную проблему и выучил русский язык. Затем в качестве вольнослушателя он заново прошел курс медицинского образования, выбрав хирургию. В качестве фронтального врача-хирурга он прошел четыре войны – Русско-японскую, Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную. Не забывая хирургию, Петр Александрович увлекся онкологией и приобщился к ее малоизученным берегам.

Мне почему-то кажется, что Петр Александрович многое унаследовал от великого деда: отличные способности, увлеченность делом, работоспособность, настойчивость в достижении целей, умение общаться с людьми и принимать близко к сердцу чужие проблемы и чужую боль. Дед и внук Герцены представляются мне двуликим Янусом. Александр Иванович мечтал о русской революции, делал все, чтобы она свершилась однажды, и готов был принести любые жертвы на алтарь ее победы, не задумываясь о цене успеха.

Петр Александрович пережил три русские революции – 1905 года, Февральскую и Октябрьскую, которую принял сразу и безоговорочно. В отличие от деда он увидел последствия революционных побед. Он делал все, что было в его силах, чтобы спасти пострадавших или принесенных в жертву великой идее. Герцен-внук достойно продолжил дело знаменитого деда. Он всю жизнь боролся с несправедливостью, но не словом, как его предок, а делом, побеждая болезни и спасая от страданий. В ежедневном сражении за здоровье и жизнь людей Петр Александрович Герцен одержал блистательную и убедительную победу.

ВТОРОЙ КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ РУСОФИЛОВ

Международное движение русофилов (МДР), созданное по инициативе генерального секретаря и главного учредителя Николая Малинова (Болгария), провело в Москве 27 февраля 2024 года Конгресс, на который прибыли 380 участников из 124 стран. Все они принадлежат к самым различным нациям, культурам и религиям, но их объединяет общая культурная и духовная мотивация, дающая им право считать себя русофилами.

На конгрессе выступали многие представители этих стран, и большинство из них обращались к участникам на русском языке. Они отмечали, что русская культура является мощнейшим

инструментом в объединении как отдельных людей, так и целых государств. Конгресс особо выделил значение мировых культур и духовно-нравственных ориентиров, присущих всем без исключения цивилизациям и традиционным религиям. Движение русофилов набирает обороты, потому что люди, знающие Россию, высоко ценят ее историю, культуру и духовность.

Кн. Александр Трубецкой

ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО

Международная летняя школа для исследователей, молодых ученых и студентов, занимающихся изучением наследия Иммануила Канта, состоялась в прошлом году в Калининграде в пятый раз. Молодые люди из разных стран приехали на берега Балтики для более детального изучения философии Канта. Организатором летней школы стало научно-исследовательское

подразделение «Академия Кантиана» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и форума «Петербургский диалог». Руководителями-организаторами школы выступили ректор БФУ им. И. Канта А. А. Федоров и научный директор «Академии Кантианы» Н. А. Дмитриева.

Школа была организована по четырем тематическим направлениям: «Кант и философия сознания», «Самое святое из того, что есть у Бога на земле»: философия права Канта»,

«Философия религии Канта и религиозный плюрализм: прошлое, настоящее, будущее», «Свобода, согласие и «вечный мир»: политическая философия Канта». В рамках школы проходили общие для всех участников лекции, семинары по тематическим секциям, а также научная конференция, которая впервые за годы проведения школы проходила в формате постерных докладов и их совместного обсуждения.

В первый день летней школы участники прослушали общие лекции научных руководителей тематических направлений. Первым выступил член-корреспондент РАН, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории западной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Васильев с лекцией «Философия сознания И. Канта». В лекции были проведены параллели между философией Канта и аналитической философией сознания, была отмечена актуальность исследований философии сознания Канта и определен круг проблем, который сейчас разрешается в современной аналитической философии. Следующим выступил профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории западной философии философского факультета РГГУ А. Н. Круглов с лекцией «Кантовское понимание естественного права», в которой он обосновал тезис, представленный Кантом во введении к «Лекциям по естественному праву» о нетождественности этики и права и о необходимости тщательнее определить место естественного права в системе практической философии. Затем А. Э. Крыштоп, доктор философских наук, профессор философии РУДН им. П. Лумумбы, в лекции «Этикотеология И. Канта» проанализировала понятие «этикотеологии» и показала, как в трудах философа по религии решаются важнейшие проблемы соотношения этики и религии. Завершила первый

день лекция доктора философских наук, профессора философии БФУ им. И. Канта В. А. Чалого «Кант об истоках политического». Вторым днем летней школы начался с лекции В. В. Васильева «Кантианские мотивы в мистерианстве К. Макгинна». После общей лекции участники разошлись по тематическим секциям.

В Секции 1, посвященной философии сознания, участники под руководством кандидата философских наук Н. Ю. Чепелевой (МГУ им. М. В. Ломоносова) размышляли над кантовским пониманием психологии в докритический период. Материалом для обсуждения стали наброски и конспекты лекций по метафизике 1770-х годов, в которых предварялись многие вопросы «Критики чистого разума». Секция 2, посвященная вопросам философии права, проходила под руководством А. Н. Круглова. Участники разбирали отрывки из «Основоположений к метафизике нравов». Большое внимание было уделено понятию свободы как правовому понятию, а также разделению правовых обязанностей. Секцию 3, сфокусированную на вопросах кантовской философии религии, вела А. Э. Крыштоп. Первый семинар был посвящен кантовской критике доказательств бытия Бога. На Секции 4 под руководством В. А. Чалого участники вели разговор о просвещении как политическом проекте, анализируя текст Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?»

После активной работы в секциях началась постерная сессия. Формат постерного доклада позволил участникам послушать большое число докладов, а также более подробно ознакомиться с идеями докладчиков благодаря схемам и иллюстрациям, представленным в постере.

Третий день летней школы начался с лекции А. Н. Круглова «Кант о человеческом достоинстве

Кабинет-музей Иммануила Канта

и достоинстве человечества в нас». Кант считал, что человек обладает неповторимым и непреложным достоинством, которое проистекает из его способности к разумному мышлению и моральному выбору. В целом ряде постеров рассматривались проблемы соотношения правовой философии Канта с концепциями других философов: Спинозы, Гоббса, Сартра. На этой же сессии были представлены постеры, посвященные рецепции кантовских идей писателями: Шиллером, Кафкой, Бахтиным, Андреем Бельм.

Следующий день летней школы начался с лекции А. Э. Крыштоп «Чистая религия разума и исторические религии». В своей лекции докладчик обратила внимание на понятие «чистой религии» в сравнении с историческими религиями.

Постерная сессия четвертого дня была представлена исследователями третьей тематической секции. Сессия показала многообразие возможных, в том числе критически заостренных, связей кантовской философии с идейным наследием самых разных мыслителей: немецких философов Шюльце, Маймона, Фихте, Шеллинга и Гегеля, русских мыслителей А. С. Хомякова, Вл. Соловьева и др.

Заключительный день летней школы В. А. Чалый прочитал лекцию «Во всем, что не противоречит внутренне моральному»: политическая власть и кантовская этика», где провел обзор основных принципов кантовской этики и их влияния на политическую власть. В дискуссии по завершении лекции участники обсудили актуальность политической концепции Канта и то, какие ограничения должны быть установлены для обеспечения соответствия политической власти кантовским принципам морали.

Заключительная постерная сессия была посвящена преимущественно практической философии. Обсуждались такие кантовские понятия, как свобода воли, категорический императив, идея всемирно-гражданского общества и др.

Активные дискуссии с научными руководителями и другими участниками летней школы доказали актуальность и применимость идей Канта для решения современных проблем.

Арина Старцева, студентка магистратуры направления «Философия», лаборант-исследователь Академии Кантианы БФУ им. Иммануила Канта

